

МОСКОВСКОЕ наследие

ноябрь 2012

несокрушимая филантропия

24

ПРОШЛОЕ

ДОМ

12 **Б**
городская среда
**РАЗНООБРАЗИЕ
КЛИНИЧЕСКИХ ФОРМ**

19 **Б**
городская среда
БОГАТЫЕ В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

48 **Б**
пустое место
ПОБЕДА НАД АМПИРОМ

56 **Б**
ДЕТАЛЬ

УЛИЦА

38 **Б**
общественное пространство
**САМАЯ ГАРМОНИЧНАЯ
ПЛОЩАДЬ**

42 **Б**
маршрут с историей
ПРОБКА ДЛИНОЙ В СТО ЛЕТ

ГОРОД

10 **Б**
городская среда
ПАМЯТНИКИ ЗДОРОВЬЯ

57 **А**
официальный взгляд
**СОЦИАЛИЗМ НА БУМАГЕ,
И О ТОМ КАК ОХРАНЯЛИ
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

МИР

40 **Б**
минувшее
**САМОДЕРЖАВНОЕ
МИЛОСЕРДИЕ**

НАСТОЯЩЕЕ

22 **Б**
городская среда
БЕЗУМНЫЕ МИЛЛИОНЫ

26 **Б**
экспозиция
НЮ

32 **Б**
домашняя обстановка
ГОРЬКИЙ МОДЕРН

36 **Б**
культовое сооружение
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О МЕСТЕ**

46 **Б**
вид на жительство
**СЧАСТЛИВЫЙ ЮЖНЫЙ
СЕКТОР**

60 **А**
архитектура и традиции
**ВОССТАВШАЯ ИЗ РУИН:
ДВЕ ЖИЗНИ БЕРЛИНСКОЙ
КАРЛ-МАРКС-АЛЛЕЕ**

6 **А**
мнение эксперта
**ПЕРЕПИСКА
С ПРОСВЕЩЕННЫМ
АРХИТЕКТОРОМ**

24 **Б**
НОВОСТИ

50 **Б**
крути педали
**ИЗ ПЕТРОВСКОГО
В РАЗУМОВСКОЕ**

41 **Б**
бизнес-настроение
**ДЕВЕЛОПЕРАМ НРАВЯТСЯ
ДЛИННЫЕ ПРОЕКТЫ**

БУДУЩЕЕ

52 **Б**
жизнь в памятнике
**ЗАПОВЕДНИК РУССКОЙ
ДРАМЫ**

25 **Б**
выявленное
ПАРКИ В ЛЕСУ

2 **А**
дискуссия
**РЕСТАВРАЦИЯ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА**

44 **Б**
опрос
**ПОЧЕМУ У НАС
СЕГОДНЯ СОЦИАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА ТАКАЯ
НЕВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ?**

34 **Б**
приспособление
**ОКОНЧАНИЕ
ТРИНАДЦАТИВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ**

В.Склифосовского.

реставрация народного хозяйства

текст *Анны Березиной*

*За последние 73 года ВДНХ
стала неотъемлемой ча-
стью московского городского
пейзажа*

МОСКОВСКОЕ наследие

ДИСКУССИЯ

3

Ансамбль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки был задуман для демонстрации высоких показателей передовиков сельского хозяйства. С разрешения центральных органов Коммунистической партии на северной окраине столицы лучшими архитекторами страны начал возводиться в 1937 году целый архитектурно-природный комплекс площадью 136 га — около 250 строений с прудами, парками и опытными участками с посевами, насаждениями и садами. Над созданием высоких образов трудилось более двух тысяч профессионалов и мастеров — архитекторы В. Щуко, В. Гейль-фрейх, Л. Поляков, Д. Чечулин, скульпторы С. Конёнков, Г. Мотовилов, художники-монументалисты А. Дейнека, А. Бубнов, П. Соколов-Скаля.

Открытие выставки 1 августа 1939 года стало всенародным праздником. За три месяца школу передовых достижений посетили более 3,5 млн человек, ВСНХ стала любимым местом москвичей и гостей столицы — здесь была организована зона отдыха, парк с аттракционами для детей и взрослых.

После войны к сельскому хозяйству добавили промышленность, получилась Выставка достижений народного хозяйства — ВДНХ. В 1954 году многие павильоны были полностью перестроены, другие приобрели пышные фасады. Например, «Космос», известный в то время под названием «Механизация и электрификация сельского хозяйства СССР», обзавелся стеклянным куполом и аркой с двумя башнями-постаментами для скульптур. Заново по проекту Ю. В. Щуко и Е. В. Столярова строится Главный павильон с гербами союзных республик и огромным покрытым бронзой гипсовым горельефом площадью 80 кв. м.

Самыми ценными и яркими постройками ВСНХ-ВДНХ все же считаются дворцы-павильоны союзных республик и областей. Нынешнее руководство ГАО ВВЦ обещает эти уникальные памятники отреставрировать и приспособить к современному использованию. Право символической аренды (1 рубль за 49 лет) получают страны, бывшие союзные республики, которые будут обязаны провести дорогостоящую научную реставрацию. Некоторые утраченные павильоны, такие как «Урал» и «Дальний Восток», планируется восстановить.

Стоит отметить, что в официальный список объектов культурного наследия федерального, то есть общенационального значения «Комплекс ВСХВ, 1939–1954», вошло всего около 45 объектов (всего на территории ВВЦ около 100 исторических построек). В дальних и тихих уголках ВВЦ сохраняется еще много архитектурных свидетельств 1937–1954 годов. На 12 га раскинулся комплекс «Новая советская деревня», своей камерностью придающий деревенскую атмосферу этой части ВВЦ и состоящий из образцовых зданий для разнообразных нужд деревни: машинно-тракторная станция, сельсовет, дома культуры, роддом и общежитие. Павильоны 1950-х годов «Главкондитер», «Главконсерв», «Кролиководство», «Водное хозяйство», «Физкультура и спорт», частный дом у пруда, «Зеленый театр» — достойные сохранения здания находятся в запустении и в зоне риска, так как не обладают охранным статусом и об их сохранении в новой архитектурной стратегии развития ВВЦ речи не идет.

Говоря о «возрождении ВВЦ» еще в ноябре 2011 года, новое руководство обнародовало общий план действий, но пока без подробной архитектурной и градостроительной концепции, которой занимаются 10-я мастерская НИИ Генплана и бюро Бориса Левянта ABD Architects. Под возрождением понимается реставрация центрального ядра выставки с павильонами и фонтанами и активная модернизация с современной застройкой остальной территории: зеленая часть ВВЦ станет рекреационно-досуговой зоной, в северной деловой зоне разместятся конференц-залы и экспозиции выставок, а южная станет полностью коммерческо-развлекательной.

Специалисты DOCOMOMO, ICOMOS и общественное движение «Архнадзор» считают, что ВВЦ, этот «город в городе», стоит на пороге крупномасштабного передела, в результате которого выставка может потерять свою ансамблевую структуру и сущность. Сохранение исторической и художественной подлинности вовсе не исключает возможности адекватного приспособления и органичной регенерации. ВВЦ может стать эффективным экономическим, политическим и образовательным ресурсом.

Павильоны 1950-х годов в зоне риска: «Главкондитер», «Главконсерв», «Кролиководство», «Водное хозяйство», «Физкультура и спорт», частный дом у пруда, «Зеленый театр».

Туманна судьба еще одного ценного объекта — «Монреальского павильона» архитекторов Михаила Посохина и Ашота Мндоянца, который представлял СССР на Всемирной выставке «Экспо-67».

В. Склифосовского.

ДИСКУССИЯ

Борис Пастернак, главный архитектор Центра историко-градостроительных исследований (ЦИГИ), член научно-методического совета по культурному наследию Минкультуры РФ

ВДНХ—этапная страница истории советской архитектуры и советского образа жизни, к ней можно по-разному относиться, но сохранить комплекс является нашей непосредственной задачей. Уже давно предпринимаются попытки уменьшить охранную зону и определить минимальные границы территории памятников. Несколько раз такие предложения выносились к нам на научно-методический совет Минкультуры РФ и там были отклонены. Необходимо сохранить то, что осталось, дополнить перечень памятников, при формировании которого в середине 1990-х годов были упущены достаточно интересные постройки, в частности, расположенные на периферии территории. К ним можно отнести комплекс «Новая советская деревня», павильоны «Главкондитер», «Кролиководство», «Водное хозяйство», «Физкультура и спорт». Нужно сформировать территорию комплекса, которая включала бы ландшафтные и планировочные ценностные характеристики, что совсем не исключает возможности приспособления, поиска адекватной функции и органичной регенерации территории в охранной зоне.

Ансамбль ВДНХ задумывался как универсальное экспозиционное пространство, и удивительно, что владельцы и пользователи сооружений не осознают его историко-культурный потенциал, с возможностью экспонирования замечательных росписей и интерьеров, сохранившихся уникальных элементов декора. Помимо выставок здесь могут быть маленькие гостиницы, может активно развиваться досуговая функция с объектами культуры и общественным питанием. Ведь это центр притяжения севера столицы. Парк Горького не может быть единственным местом для прогулок, отдыха и развлечения для всего города.

Учитывая невятную позицию нынешнего руководства ВВЦ, необходимо срочно провести фиксацию, обмеры и описать все памятники этого уникального советского ансамбля, акцентировать внимание на ценности того, что еще осталось, и мягко надавить на тех, кто ничего не делает по поводу сохранения этих ценностей. Вот одна из наиболее важных задач, которая стоит сегодня перед органами охраны памятников и экспертным сообществом.

Ганна Омеляненко, руководитель 10-й мастерской ГУП НИиПИ Генплана Москвы, кандидат архитектуры, профессор Международной академии архитектуры (МААМ), заслуженный работник Москомархитектуры

К территории ВВЦ надо подходить как к уникальному объекту, ее нельзя рассматривать как обычную территорию—это уникальный архитектурно-природный ансамбль. Но это также огромная территория больше 200 га, которая требует серьезного приведения в порядок и больших средств. Территория ВВЦ неоднородная, всем известна замечательная центральная часть с павильонами союзных республик, но и на периферии есть ценные объекты с точки зрения масштаба, структуры и планировочных решений. Какие объекты сохранить—такие решения должны принимать эксперты на основе историко-культурных исследований. Мы, как градостроители, в соответствии с регламентами, установленными экспертами, и учитывая природоохранный статус территории и историко-культурное наследие, занимаемся разработкой будущей инфраструктуры и функции данной территории, учитываем возможность решения транспортных проблем. Министерство культуры РФ согласовало задание на разработку проекта планировки, но мы пока только в начале пути.

Владимир Кабанов, руководитель департамента архитектуры и градостроительного развития ОАО ГАО ВВЦ

После реконструкции ВВЦ будет разделен на четыре условные зоны: выставочную, рекреационную, деловую и развлекательную. Будет воссоздан исторический облик так называемой Центральной аллеи, в которую войдут павильоны бывших союзных республик и аллеи с фонтанами. Запрудная зона будет территорией отдыха для велосипедистов и роллеров. Северная часть станет деловым кластером комплекса, а у Южного входа предполагается создать большой развлекательный комплекс.

МОСКОВСКОЕ наследие

ДИСКУССИЯ

5

Анна Броницкая, историк архитектуры, доцент Московского архитектурного института, генеральный секретарь российского отделения DOCOMOMO

Концепция развития ВВЦ исходит из того, что это территория, на которой находится 45 объектов культурного наследия, тогда как на самом деле это целостный ансамбль, это единый объект наследия, ценность которого значительно превышает сумму ценностей составляющих его элементов. Конечно, самих этих ценных элементов гораздо больше, на территории находится около 100 исторических построек, а памятниками признано всего около трети. Надо понимать, что мы имеем дело со сложившимся ансамблем, который необходимо только сохранять. Ансамблей, подобных ВСХВ-ВДНХ, не сохранилось нигде в мире, от всемирных выставок в Париже, Нью-Йорке, Барселоне, Чикаго остались лишь отдельные постройки. ВДНХ от них отличается принципиально, это памятник с единой линией развития, это крупнейший образец национального стиля ар-деко и в этом качестве комплекс представляет колоссальный интерес не только для специалистов многих стран, но и как туристический ресурс Москвы. Нельзя недооценивать также, что ВДНХ является крупным ландшафтным памятником, над которым трудились ведущие садоводы, ботаники. Здесь растет множество ценнейших деревьев, кустарников и растений, которые представляют ценность и тоже нуждаются в сохранении. Парк спроектирован так, что красив в любое время года. Жаль, что территория ВДНХ не попала в программу развития городских парков, в этом качестве она только бы выиграла. Было бы прекрасно, если бы здесь проложили велодорожки, которые зимой бы трансформировались в освещенную лыжню. Тогда здесь в любое время года было бы оживленно.

Ирина Грубецкая, секретарь исследовательской секции общественного движения «Архнадзор», редактор сайта Московского общества охраны наследия MAPS

Из более чем двухсот исторических построек на территории ВДНХ объектами культурного наследия являются менее сорока. Даже при беглом знакомстве с выставкой становится ясно, что статусных памятников могло и должно быть больше, складывается ощущение, что когда-то начатая работа по постановке на охрану просто не была завершена.

Общественное движение «Архнадзор» совместно с экспертами московского отделения международной организации DOCOMOMO взяло на себя исследовательский труд по изучению архитектурного наследия ВДНХ, не обладающего охранным статусом. Мы сконцентрировались на периферийных постройках, малоизвестных и местами оказавшихся в потенциальных «зонах развития». Например, локальный комплекс «Новое в деревне», состоящий из строений, обрамляющих Грушевую и Тополеву аллею, — это уникальный пример деревни в мегаполисе, с очень романтической и камерной атмосферой места, не зря ее облюбовали местные жители, роллеры и велосипедисты всех возрастов. Совсем другой пример — такие богатые по своей архитектуре павильоны, как «Книжки», «Лесное хозяйство», «Физкультура», «Узбеквино». В зону нашего интереса попало более пяти десятков исторических построек, которые необходимо сохранить. ☺

В.Склифосовского.

переписка с просвещенным архитектором

Как современный архитектор относится к московскому наследию—не журналу, а памятникам старины, журнал «Московское наследие» взялся обсудить с **Юрием Аввакумовым, архитектором, художником и куратором**. Аввакумов предложил сделать это в старинной эпистолярной форме. Переписывалась **Яна Миронцева**

- После долгих размышлений решила первым задать вполне провокационный вопрос. А не кажется ли вам, что, несмотря на долгие уже теперь постсоветские годы, удивительная общность «советский народ» живет и воспроизводится? Как иначе объяснить ту архитектурную катастрофу, которая постигла Москву в постсоветский период? По количеству разрушений и памятников, и так называемой рядовой застройки 1990-е и 2000-е годы вполне сравнялись с тотальным сносом памятников, прежде всего церквей, которые имели место в 1920–30-х годах, с разрушениями Второй Мировой войны и 1960–70-х годов вместе взятых. Значит ли это, что «современный архитектор» — это по-прежнему и в первую очередь «советский архитектор», то есть человек в среднем малокультурный и идеологически зависимый? Человек, который воспринимает любую часть городской среды как потенциальную площадку для застройки? Так же идеологически страховались первые советские разрушители: например, понадобилось место под Дворец советов, и поэтому храм Христа Спасителя «пришлось» снести. Или дело не только в этом, и архитекторов винить в этом общем празднике жизни не вполне верно? Примечательно, что вы задаете свой сложноподчиненный вопрос в Международный день архитектуры. Так вот, если коротко, то да, это правда. Мы в очень многом люди советские по происхождению и поведению. Да, мы не свободны. Российский архитектор перемещается по миру только как турист, и никогда почти — по работе. Но и окружают нас не просвещенные иностранцы, а такие же люди, чиновники и предприниматели, верующие и неверующие, жители городов и сел, в массе не превосходящие архитекторов образованием и культурой. Так что если даже допустить, что «одежду нации» шьют одни архитекторы, то заказывают, носят, стирают, выбрасывают на помойку все. И вы тоже.
- Да уж, ничего не скажешь, удачно поздравила. Позвольте все же просто вас поздравить (лучше поздно, чем слишком поздно)! И продолжу, с вашего разрешения. Абсолютно согласна с идеей коллективной ответственности. Не думаю, что любой иностранец — просвещенный иностранец. Скорее наоборот. Но им как-то удается сохранять наследие

Юрий Аввакумов родился в 1957 году, в 1981 году окончил Московский архитектурный институт. Автор термина «бумажная архитектура» (1984 год) — концептуального проектирования сооружений без шансов их построить. Куратор множества — десятков — выставок бумажной архитектуры, фотографических выставок; регулярный участник Венецианских биеннале. Его работы приобретены Третьяковской галереей, Русским музеем, Музеем архитектуры и несколькими иностранными художественными музеями.

МОСКОВСКОЕ наследие

мнение эксперта

7

цивилизации, а нам нет. Если в ваших терминах, то проблема не только и не столько в новой «одежде нации», сколько в способах взаимодействия со старой, с «семейными реликвиями». От нас их долго прятали, а потом мы их обрели и — бац! — все бабушкины кольца в переплавку. Вот в чем катастрофа, на мой взгляд. Согласитесь, хочется найти виноватых. Или назначить таковых. Но интересно про это говорить не с целью поиска крайнего. Напротив! Просто кажется, что нужно найти выход. Но есть ли он? У всех красивых метафор есть пределы, за которыми они не работают. И «одежда нации» начинает восприниматься как мода на сезон, и «семейным реликвиям» место находится на барахолке, где их покупают другие люди, отнюдь не родственники. Все-таки архитектура, в первую очередь, сооружается для того, чтобы в ней жить, работать или молиться. Если жить, работать или молиться получается не очень удобно, ловко или страстно, — хочется переделать именно архитектуру, хотя она и появляется в результате заказа, а не по щучьему велению. Простейший способ исправления — тотальный снос. В общем, нам всем далеко до статуса квалифицированного заказчика, то есть заказчика не просто образованного, но и имеющего опыт предыдущих заказов, не повторяющего сделанных когда-то ошибок. И немудрено: в недалекой обратной перспективе Россия — аграрная страна с совершенно отличным от урбанистического общественным укладом и пространственным опытом. Да и рассуждаем мы с вами как столичные московские граждане, сравнивая Москву с Веной или Лондоном, а ведь большинству наших сограждан и до Москвы непросто добираться, физически и ментально.

— Думаю, что злую шутку с нами играет такая формула «архитектор» = «любитель архитектуры». Композитор любит музыку, писатель — язык, а архитектор должен любить архитектуру, которую обывательское сознание воспринимает как уже имеющуюся, построенную. У архитектора, видимо, все сложнее? Любит — не любит, плюнет — поцелует... Любовь — опасная категория. Проще рассуждать в категориях удобства, пользы, красоты.

— Ну и какой следует вывод? Нечего на зеркало пенять? Или нужно сначала 300 лет газон стричь? Австрия, кстати, тоже совершенно аграрная страна. Там или селяне, или аристократы. И середины нет почти. Что же касается фигуры заказчика, то интересно получается. Следует понимать, что это нечто всесильное. Неудобно — снес под корень и все заново построил. И никто не указ. Мои деньги — мой участок. Я это купил. Что хочу, то и делаю. А если вдруг просвещенный попался, то честь ему и хвала! Он тогда и фасад подкрасит, и архитектору правильно задачу сформулирует. И будет с ним в сотворчестве пребывать, как Юрий Михайлович с Зураб Константиновичем, Посохиным и Ткаченко. И архитектура у нас, и законы по охране архитектуры пришли с Запада. Теперь остается законы соблюдать. Вот и весь вывод.

Что до Австрии, то архитектуру в ней создают и берегут не крестьяне, а горожане с многовековой исторической памятью. А у нас в городах проживают люди с крестьянским либо провинциальным сознанием. Житель Норильска, купивший квартиру в Петербурге, очевидно, переезжает в этот город не из любви к дворам-колодцам. Ему как условному заказчику нужна за его деньги квартира в новостройке.

— А зачем же этот житель Норильска едет в Петербург, или, что верней, в Москву? Не потому ли, что там Северная столица? с дворцами там и прочим? А вот на крестьянском сознании хотелось бы остановиться. Во-первых, что это такое — крестьянское сознание. В чем оно состоит, как растет? Почему Россия, которая к началу XX века развивалась едва ли не самыми быстрыми темпами в мире, вдруг оказалась опять аграрной? И что такого в усадебном — скорее, чем аграрном, — устройстве России? Что заставляет новых горожан все сносить? Может, им просто не сказали? И потом, не стоит ли задать вопрос: а откуда берутся горожане с многовековой памятью? может быть, их в школе этой многовековой памяти учат? Ого, сразу десять (!) вопросительных знаков. Непросто отвечать. Норильчане стремятся в Северную столицу по двум причинам: во-первых, жилье в ней дешевле, а во-вторых, потому что белыми ногами она напоминает им о жизни за Полярным кругом. Мне пришлось

В. Склифосовского.

однажды побывать в Норильске — кроме домов, улиц и статуи Ленина на центральной площади других признаков города я не обнаружил. Это лагерь, спроектированный на манер города.

Я не против крестьянского мышления, очень, между прочим, практичного — не тратить усилия на поддержание старого (дома, животного, человека), — я говорю о том, что в России начала XX века типы городского и сельского сознания оказались перемешаны. В «большую деревню», как еще недавно называли Москву (помните эти кадры 1913 года с зимней Москвой, лесами и монастырями? и таковой она оставалась до 1960–70-х годов: Марьино Роща была не просто топонимом, а реальной флорой), въехали промышленные сооружения с рабочими поселками барачного типа, в которых поселились вчерашние крестьяне. Видите ли, архитектурное сооружение как корабль, как яхта: чтобы понимать ее смысл, нужно родиться у моря. Яхта не может стоять на приколе без дела, за ней нужен постоянный уход — как и за домом. Дома без человека рассыпаются за считанные годы. Крестьянину было наплевать на барскую усадьбу, когда она перестала обеспечивать его и его семью рабочими местами — он ее содержать не может, она не для его жизни построена. Проще разграбить и сжечь. Это не поведение вандала — это поведение рационального, «природного» человека.

Макаров Александр

Людям, приехавшим в Петербург, не дороги ни дома, ни дворы-колодцы

daniLar

Квадратные метры на окраинах Москвы выглядят просто как квадратные метры

МОСКОВСКОЕ наследие

Иван Ерофеев

Странноприимный дом графа Шереметева,
сегодня Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского.
Большая Сухареvская площадь, дом 3

ПАМЯТНИКИ ЗДОРОВЬЯ

текст *Ирины Мак*

В Москве порушили почти все виды памятников — даже кремлевские. Есть только один вид, уцелевший почти полностью: больницы. Они обросли пристройками, переделаны во имя сиюминутных нужд, но их оригинальные здания с неизменными часовнями, часто напоминающие дворцы, в основном сохранились. Построенные на средства благотворителей и царей, окруженные парками, старые больницы сегодня очень украшают Москву.

Пристальное изучение этих памятников заставляет задуматься об устройстве и традициях общества, в котором жили наши предки два, даже три века назад. Благотворители не рассчитывали получить от своих немереных «больничных» вложений выгоды или прибыли в казну. Но именно они, давая, с одной стороны, возможность лечиться всем гражданам, независимо от благосостояния, а с другой, создавая материальную базу для научных исследований, двигали медицину вперед. В этих клиниках работали лучшие врачи Российской Империи. Эти здания, украшенные колоннами, отделанные камнем и лепниной, являют собой великолепные примеры функциональной архитектуры, которыми можно только ими восхищаться.

1551 год

Одно из решений Стоглавого собора посвящено устройству в Москве богаделен — «для всех прокаженных и престаревших». Вероятно, это первое медицинское постановление в российской истории болящих людей».

Именем венценосного сына...

Первая из этих лечебниц — Павловский госпиталь, она же первая публичная больница России, открытая по приказу Екатерины II 25 сентября 1763 года — почти два с половиной столетия назад. Ныне это 4-я Градская больница (ГКБ № 4). На территории в 13 га стоят три десятка корпусов, в основном XX века постройки. Но адрес — Павловская улица, дом 25 указывает на первое название больницы.

История ее началась годом раньше: в 1762-м императрица прибыла в Москву, прихватив с собой наследника. Восемилетний Павел занемог, его вылечили, и в благодарность за избавление от напасти императрица издала указ об открытии здесь больницы для бедных.

О выборе конкретного места стоит сказать отдельно. Обширная эта территория была прежде загородным имением генерал-кригс-комиссара Глебова. И поскольку тот задолжал в казну 200 тыс. руб., землю изъяли под больницу в качестве погашения долга.

Лечебницу в бывшей усадьбе устраивал тайный советник Иван Бурлыкин, и на это у него ушел всего год. Осенью 1763 года начался прием больных. На памятной медали с портретом наследника престола, выпущенной по такому случаю, было выбито: «Освобождаясь сам от болезней, о больных помышляет». Это была добрая традиция — совершать богоугодное дело в благодарность за избавление от напасти. Совершив его однажды, даритель

всю оставшуюся жизнь оставался попечителем созданного им заведения. И император Павел, подхватив эстафету от матушки, оставался патроном больницы, названной в его честь.

Разумеется, к тому нарядному желтому трехэтажному зданию с шестиколонным портиком, которое известно москвичам, первая деревянная лечебница на 25 кроватей (с тех пор размер больниц так и определяется не метрами, а койками) отношения не имела. Как и следующая, тоже деревянная, с церковью и флигелями, сгоревшая в 1784-м. Зато позже здесь отметились лучшие отечественные ар-

хитекторы. Заново больницу спроектировал Василий Баженов — правда, в казне в тот момент не нашлось денег. А когда нашлись, реализовал эти планы в 1802–1807 годах уже по собственному проекту Матвей Казаков. Возвел дворец в стиле классицизма о трех этажах, с церковью Петра и Павла посередине.

На том строительстве великий зодчий и погорел. На Казакова «повесили» растрату казенных денег (в чем был виноват смотритель Троянкин), и суд запретил архитектору впредь строить казенные здания. Павловская больница, которую мы знаем именно по казаковскому корпусу, стала последним творением Казакова.

Но Казаковым участие великих архитекторов в переустройстве Павловской больницы не ограничилось. Когда в начале XIX века пришли в негодность летние деревянные корпуса, Доменико Жилярди и Афанасий Григорьев построили вместо них пару двухэтажных каменных флигелей — для аптеки и прачечной. Прачечная Жилярди...

...И матери-императрицы

Помимо больницы, названной в честь наследника Екатерины Великой, в столице есть две названные в честь самой императрицы. Первая, Императорская Екатерининская больница, известная сегодня под названием МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени Владимирского). Она расположена на улице Щепкина (бывшая 3-я Мещанская), в нескольких строениях дома 61/2, и появилась на месте чумного карантинного у Крестовской заставы. Это был один из нескольких «чумных домов», открытых в 1771 году для борьбы с эпидемией чумы, принесенной из Азии в результате Русско-турецкой войны. Карантин работал в старых деревянных строениях. После эпидемии там же устроили рабочий дом, который быстро закрыли, и помещения передали созданной в 1776 году Екатерининской больнице. «Больница принимает больных всякого рода, — объясняла свою инициативу августейшая патронесса, — как в отношении их звания, так и в отношении их пола, возраста и болезней».

Лечебница так и осталась многопрофильной. Большинство ее отделений сегодня разместились в огромном новом здании, возведенном на огромной больничной территории на месте разрушенных старых. Но самые ценные постройки уцелели. Речь не только о роскошной пятиглавой больничной церкви Всех Скорбящих Радость из красного кирпича, возведенной архитектором Десятовым во дворе в честь бракосочетания и коронации Николая II (это был второй больничный храм, в дополнение к уже существовавшему в главном корпусе). С церкви в 1922 году убрали все купола, колокольню снесли, и только в 1990-х восстановили в прежнем виде и сам двухэтажный храм, и шатровую колокольню над западным входом — в стиле церковью XVII века.

Среди функциональных памятников старой больницы надо прежде всего упомянуть гинекологический корпус, построенный в 1891 году архитектором А. А. Мейнгардтом (с 1875-го он занимался перестройкой всей больницы). Краснокирпичное двухэтажное строение с белыми наличниками,

1632 год

Образование Аптекарского приказа, в ведении которого находились все медики, а также противоэпидемические мероприятия и признание годности к службе служивых людей.

Профессиональные дарители

Семья Бахрушиных могла бы называться главными российскими благотворителями. На средства основателей и владельцев «Товарищества кожевенной и суконной фабрик Алексея Бахрушина и сыновей» в Москве были основаны и содержались: городская больница с амбулаторией, родильным приютом и корпусом для неизлечимо больных, «вдовый дом» с бесплатными квартирами для вдов и бедных инстинтуток, ремесленное училище для мальчиков на Смоленском бульваре, художественно-столярная мастерская при Пятницком попечительстве о бедных, храм Живоначальной Троицы в Кожевниках, здание театра Корша, отданное теперь Театру

наций, детский приют для бедных и сирот православного вероисповедания.

В 1882 году братья Петр, Александр и Василий Бахрушины обратились в городскую управу с предложением пожертвовать 450 тыс. руб. на устройство на Сокольничьем Поле больницы для хронических больных на 200 коек. Через три года начали возводиться массивные корпуса из красного кирпича, с фигурной кладкой и изящным декором в псевдорусском стиле, по проекту архитектора Б. В. Фрейденберга.

По уставу на лечение принимались лица «всякого звания, преимущественно из недостаточных жителей» и бесплатно лечились. Больных называли пенсионерами братьев Бахрушиных. В своих богоугодных учреждениях Бахрушины обычно утверждали уставы, в которых было записано: должно быть отнесено к городской собственности навечно. С больницей так и случилось. А теперь даже мемориальной доски на ее стене нет.

узорной кладкой и псевдорусскими «кокошниками» — дань тогдашней моде. И здесь самое время вспомнить о прочих благотворителях больницы, жившей на исходе XIX века отнюдь не монаршей милостью.

После того как в 1833-м императорскую клинику перевели в усадьбу на Страстном бульваре, больница, теперь уже Старо-Екатерининская, превратилась в арестантскую больницу Бутырской тюрьмы, работавшую под руководством доктора Гааза. Потом в больницу для чернорабочих, которая, кстати, была не совсем бесплатной: за 70 копеек серебром в год каждый мастерской, ремесленник, ткач, извозчик, печник, лакей етс получал своего рода медицинскую страховку. Но основное бремя по содержанию больницы все равно нес город и меценаты.

Старо-Екатерининскую больницу поддерживал фабрикант Каверин, профинансировавший строительство, среди прочего, уже упомянутого гинекологического корпуса. На 3-й Мещанской Каверин жил, здесь находились его торговый дом и фабрика, местная больница тоже была в сфере его интересов. Каждый корпус носил имя своего благодетеля — Колесова, Каверина, Крестовниковой, Тимистер, Морозова... Да, Савва Тимофеевич здесь тоже отметился. Было и в традиции семьи — напомним, что кузен его Викула Елисеевич Морозов, умерший в 1894-м, завещал деньги на строительство Детской больницы, названной Морозовской. А на средства Саввы Тимофеевича Морозова архитектор А. И. Герман построил на 3-й Мещанской родовспомогательный приют — тоже краснокирпичный с белой отделкой. До революции это был крупнейший роддом Москвы, им заведовал Грауэрман.

Директора из рода Голицыных

Дмитрий Михайлович Голицын — выдающийся дипломат, посол Российской Империи в Париже и Вене, действительный тайный советник, коллекционер и меценат, был столь же успешен в карьере, сколь неудачлив в семье. Женатый на своей почти ровеснице Екатерине Кантемир, он пережил супругу на 30 с лишним лет и не имел детей. Жить предпочитал в Вене, где и умер в 1793 году. И, словно оправдываясь за привязанность к Европе, наследство свое Голицын оставил родине — «на устройство в столичном городе Москве учреждения Богу угодного и людям полезного».

Больницу на Ленинском проспекте, 10 многие ошибочно считают первым, историческим корпусом Первой Градской. Между тем объединили эти клиники только в 1919 году. Голицынская намного старше, существует с 1802 года и построил ее, как нетрудно догадаться, глядя на эту величественную классическую усадьбу, Матвеем Казаков. Как раз перед Павловской больницей. За фронтоном шестиколонным портиком виден мощный барабан церкви Святого Димитрия Царевича (в память о благодетеле), с огромным сферическим куполом и деликатным ионическим бельведером. Это была новаторская идея: сделать купол полым и легким, с двумя оболочками. Более прочная нижняя — несущая, а верхняя служит ей для защиты и красоты.

Это одно из главных поздних творений Казакова. Заказчик, Александр Михайлович Голицын, кузен дипломата и мецената, требовал, чтобы было «огромное, обширное и великолепное строение в украшение сей древней столицы и вечную память покойных» и одновременно мемориал Голицыным. Так и вышло. В 1794 году был сделан проект — альбомы с чертежами хранятся в Эрмитаже. Через год выбрали место на окраине, между Калужской дорогой и Москвой-рекой. И уже в следующем году началось строительство. Казаков, уже строивший больницы, учел и опыт устройства монастырских лазаретов XVII века. Палаты были сгруппированы по сторонам вытянутого коридора, церковь посередине делила его на два подразделения — женское и мужское. В соответствии с требованиями медицины, здесь были и совершенно изолированные помещения, и хорошо освещенные неглубокие палаты, расположенные рядом с лечебными кабинетами, и отдельное место для инфекционных больниц... Аптека, цейхгауз, квартиры для врачей — всему в этой больнице нашлось место. Здание отступало от красной линии, и нарядная ограда придавала ему сходство с дворцом. Этот идеальный архитектурный ансамбль давно изуродован бесконечными перестройками позднесоветской эпохи, но до 1917 года больница сохраняла не только статус клинической базы медицинского факультета Московского университета (первые 50 лет все ее главврачи были профессорами) и авторитет одной из лучших столичных клиник, но и архитектурную целостность. За этим следили директора больницы, которые все до единого на протяжении более чем века были из рода Голицыных — этот пункт был оговорен в завещании основателя. Для гарантии, что средства будут потрачены по назначению.

В Голицынской больнице лечили всех, кроме крепостных, которых считали личным имуществом помещиков, и те обязаны были лечение своих крепостных оплачивать сами. На бесплатное лечение принимались «все бедные — и русские, и иностранцы, всякого пола, звания, вероисповедания и национальности». В 1802 году коек было полсотни, в 1805-м — уже 100. В 1803-м открылась богадельня для неизлечимых больных — подобные богадельни были при большинстве московских больниц. Предшественники нынешних хосписов. Здесь впервые в России появилось костоправное отделение (1814), фельдшерская школа для детей крепостных (1832). В 1808-м, после смерти Александра Михайловича Голицына, больнице досталась его коллекция живописи, и появилась галерея, которая, впрочем, просуществовала всего десять лет — потом картины были распроданы, а деньги пошли на больницу.

В княжеском дворце

Еще одна больница, построенная по проекту Матвея Казакова, — бывшая Ново-Екатерининская, впоследствии 24-я больница, открытая на Страстном бульваре, в доме 15/29. Это была самая красивая больница Москвы.

Впрочем, Казаков построил в 1776 году этот дворец не для лечебницы, а для князей Гагариных. Один из главных шедевров московского классицизма, с едва ли не самым длинным в городе 12-колонным портиком, танцевальным залом, манежем для верховой езды и церковью Екатерины Великомученицы, чей алтарный выступ виден сзади...

В 1802-м дворец превратился в Английский клуб. Во время оккупации Москвы Наполеоном в здании расквартировали штаб главного интенданта генерала Дарю. Анри Бейль, впоследствии снискавший славу под псевдонимом Стендаль, служил в его ведомстве и писал о здании, что «в Париже нет ни одного клуба, который мог бы с ним сравниться». Стендаль признавался, что таскал из дворцового погреба вино, и описывал «роскошные конюшни и сад, который можно бы назвать прекрасным, если б деревья этой страны не производили впечатления бедной растительности». Сад, кстати, был велик, в нем были даже пруды.

В том же 1812 году дворец Гагариных горел. После пожара его восстанавливал и перестраивал Осип Бове — уже в 1826-м, под нужды Екатерининской больницы, которую сюда перевели с Крестовской заставы. Вид здания изменился, но все, что можно, Бове сохранил, даже старую крышу с низким коньком, соорудив поверх нее новые стропила.

Больница меняла названия и содержание, здесь работали госпитальные клиники Московской медико-хирургической академии, а с 1845 года — медицинского факультета Императорского московского университета, здесь начинал преподавательскую деятельность великий терапевт Остроумов.

Городской клинической больницы № 24, которая работала во дворце Казакова — Бове с 1917-го до 2008 года, тоже здесь уже нет. Клинику выселили, когда мэр Лужков захотел из нее сделать дворец бракосочетаний. Потом рассудили, что негоже соединять семьи в бывшей лечебнице, и здание так и стояло забитое. Год назад в нем обнаружили пропажи — вандалы и мародеры унесли даже чугунную парадную лестницу с перилами и старинные батареи, после чего появилась охрана. Прошел слух, что в бывшей больнице могут открыть музей истории Москвы.

1682 год

Указ царя Феодора Алексеевича о создании двух гражданских госпиталей в Москве: в Знаменском монастыре и на Гранатном дворе у Никитских ворот.

25 мая 1706 года

Петр Первый подписал указ об организации «гофшпиталю за Яузой, против Немецкой слободы, для лечения болящих людей».

1654 год

Открыта первая медицинская школа в Москве.

разнообразии клинических форм

текст Владимира Седова, фотографии Ивана Ерофеева

Больницы лучше всего представляют стили Нового времени в Москве. Почему? Потому что они строились всегда, во все последние времена, во всех стилях. Особняки и фабрики, магазины и вокзалы были возведены в какие-то определенные периоды, а больницы — во все периоды. А потому, расположив их по стилям, можно проследить и сами стили, и их динамику, и даже уместность применения тех или иных стилей к учреждениям здравоохранения.

Боковой портик Шереметьевского странноприимного дома

Зрелый классицизм

Зрелый классицизм отличается строгим следованием античным формам, в основном римским, но в своеобразном прочтении. Основу декора здания (и основу его тектоники) составляют колонны, а если их нет, то — пилястры, плоские «проекции» колонн. Колонны структурируют образ, разные ордера дают разные настроения, разные «лица» зданий. Особенное значение играют группы колонн, портики, делающие здания похожими на античные храмы.

Главный фасад Голицынской больницы

Главный фасад Шереметьевского страноприимного дома

Главный фасад Мариинской больницы

Павловская больница

Боковой портик Голицынской больницы

Главный портик Ново-Екатерининской больницы

Окно с сандриком Голицынской больницы

Внутренний фасад Голицынской больницы

Деталь

Над окном, в ответственных с точки зрения композиции местах архитектуры классицизма размещают сандрик (фото слева), специальное украшение над проемом. Здесь мы видим треугольный сандрик: небольшой фронтон, поставленный на фигурные консоли.

Боковой, ионический портик Голицынской больницы

Матвей Казаков
1738 – 1812 годы

Родился в Москве. Учился у Василия Баженова, а потом сно-

сил и перестраивал его дворец в усадьбе «Царицыно». Нет никаких сведений о том, что Матвей Казаков бывал за границей. Но каким-то одним ему ведомым способом он смог освоить современные ему мировые тренды. Был в Москве нарасхват – строил очень много. Умер в Рязани – был там в эвакуации и не пережил вестей о пожаре Москвы, который, кстати, испортил многие его строения.

Ампир

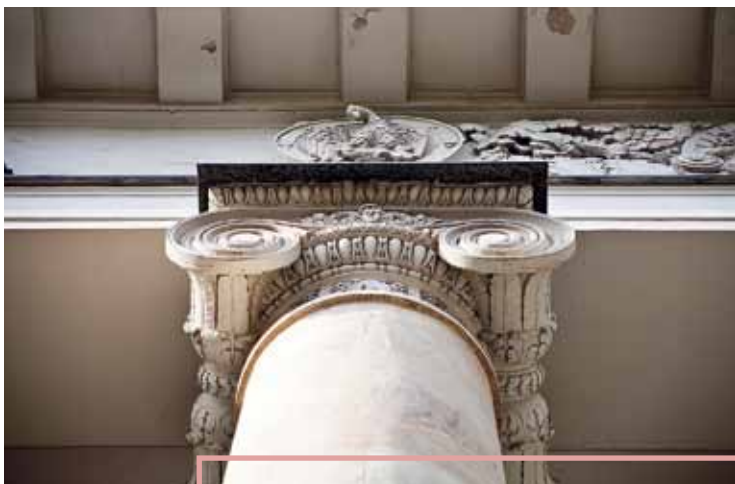
Ампир (он является частью позднего классицизма) родился во Франции, это стиль империи, а потому в нем больше выражен пафос, античный или антикизирующий. Формы этой версии стиля строже, декора меньше.

Главный портик
Первой Град-
ской больницы <

Детали

Портики и отдельные декоративные детали ближе к греческой архитектуре, чем римской (по крайней мере, так было в Москве, в Петербурге Росси развивал римскую тему).

Ионическая ка-
питель портика
Первой Град-
ской больницы <

Ионические
пилястры с леп-
ным фризом
Первой Град-
ской больницы >

Осип (Джузеппе) Иванович
Бове
1784–1834 годы

Родился в семье обрусевшего неаполитанского художника Винченцо Бовы в Санкт-Петербурге. Учился у архитектора и гравера Франческо Кампорези, еще одного обрусевшего итальянца. Успел порабо-

тать у Матвея Казакова и у Карла Росси в Москве и Твери. Чувствовал себя обязанным своей новой родине и пошел за нее воевать ополченцем в 1812 г. После военной службы работал архитектором города Москвы. Немало потрудился над ее украшением, с помощью утвержденного в 1817 году генерального плана, придал ей монументальный и величавый вид. В 1816 году получил звание архитектора от совета Императорской академии художеств. Женился на вдовой княгине Авдотье Семеновне Трубецкой. Умер в Москве.

Замковые кам-
ни и балюстра-
да в Ново-Ека-
терининской
больнице <

Фрагмент фа-
сада Ново-Ека-
терининской
больницы >

Эклектика

Эклектика — архитектура выбора, а не смешения, как иногда думают. Для определенного типа здания или для определенной комнаты в нем можно было выбрать на этапе проектирования любой стиль. Но чаще всего в эклектике используются неоренессанс или необарокко, в которых образованный зритель мог узнать черты той или иной знаменитой европейской постройки, выполненной в эпоху Возрождения или барокко.

Пищеблок больницы на Девичьем Поле

НИИ уронефрологии на Девичьем Поле

Клиника детских болезней имени М.А. Хлудова на Девичьем Поле

Клиника кожных и венерических болезней Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова на Девичьем Поле

Окно с рустовкой Клиники кожных и венерических болезней

Окно в сложной эдикуле на полукруглом ризалите клиники на Девичьем Поле

Спаренные ионические колонны глазной и пропедевтической клиники на Девичьем Поле

Детали
Дробность и механистичность в сочетании деталей всегда позволяют опознать этот стиль и отличить его от стилей-образцов (у нас Ренессанса не было, а потому спутать можно только барокко и необарокко).

Константин Михайлович Быковский
1841–1906 годы

Его мать Эмилия, умершая вскоре после родов, была сестрой архитектора Константина Минелли. Учился у отца, архитекто-

ра Михаила Доримедонтовича Быковского, затем у Николая Леонтьевича Бенуа. Работал помощником отца на постройке храма Знамения в Ховрине. С 1883 года — главный архитектор Московского университета. Предложил план медицинского городка на Девичьем Поле и частично воплотил его. Реставратор Успенского собора Кремля. Автор нескольких университетских зданий на Моховой и Центрального банка на Неглинной. Заместитель председателя комиссии по сохранению памятников Москвы.

Русский стиль

Русский стиль — это версия эклектики, в которой по патриотическим или функциональным соображениям использованы декоративные формы построек XVII века: московских приходских храмов или боярских палат. Основа здания остается классицистической, но на эту основу накладываются целый ряд деталей.

Центральный фасад Бахрушинской больницы

Один из корпусов больницы имени Алексева

Главный фасад Медведниковской богадельни

Мелкий псковско-новгородский декор на Медведниковской богадельне

Стилизованный фасад храма Медведниковской богадельни

Детали фасадов бахрушинской больницы можно спутать с палатами XVII века

Детали

Множество кокошников, наличников, нишек «ширинок», изразцов и тому подобных форм, заимствованных из отечественной древности, но не очень седой, а позднесредневековой накладывается на подготовленную основу. Это подходит как для храмов, так и для торговых, больничных и жилых построек.

Модерн

Модерн — попросту современный стиль. В России он возник в начале XX века, причем сначала в интернациональном варианте. Отсюда в раннем модерне только западные формы с линиями «удар бича», «мокрые волосы», подковообразные арки, болотные цвета. Со временем к этому арсеналу добавились некоторые русские формы, этот вариант стиля называют неорусским. В нем больше знания, больше стилизации, чем в русском стиле, а также в нем используются северные, новгородско-псковские мотивы, тогда как московских или ростово-ярославских — совсем нет.

Один из корпусов Морозовской больницы >

Лестничный выступ корпуса Морозовской больницы <

Ризалит Убежища для призрения неимущих в память Священного Коронования Николая II на улице Короленко >

Детали
Анри Клеман ван дер Вельде, один из основоположников бельгийского модерна: «Я стараюсь исключить из декоративного искусства все, что его унижает, делает бессмысленным, и вместо старой символики, утратившей всякую эффективность, хочу утвердить новую и столь же непреходящую красоту».

Тройное окно одного из корпусов Морозовской больницы >

Ворота ограды психиатрической больницы на улице 8 Марта <

Портал корпуса Морозовской больницы >

Неоклассика

Этот вторичный стиль назван на самом деле не совсем верно: если смотреть с какой-то самой верхней точки, то классицизм XVIII–XIX вв. тоже был неоклассикой, новой классикой — по сравнению с классикой античности (так его и называют на Западе). У нас же неоклассикой зовут суровый и умный стиль начала XX в., в котором архитекторы как будто очищали, рафинировали классические формы, сплетая и складывая их в нечто возвышенное, являющееся архитектурной параллелью акмеизму и знаточеству членов группы «Мир искусства» и читателей журнала «Аполлон». Отличить памятники неоклассицизма от классицизма трудно, но можно: если вам кажется, что это здание по деталям чище, изысканнее классицизма, то это, наверное, неоклассицизм.

Боковой фасад
Глазной больницы
имени Гельмгольца >

Флигель Глазной
больницы <

Детали

Это сложное окно, вписанное в арку и разделенное двумя колоннами тосканского ордера. Лепной орнаментальный декор дополняет композицию и составляет резкий контраст с плоскостью стен.

Неоклассический флигель
Голицынской больницы
начала XX века <

Илларион Александрович
Иванов-Шиц
1865–1937 годы

Родился в Воронежской губернии, окончил Петербургский институт гражданских инженеров, стажировался за границей. Работал в Москве помощником городского архитектора Максима Карловича Геппенера, затем стажировался на фирме у Льва Николаевича Кекушева, с которым сделал первую свою круп-

ную работу — станцию Вологодско-Архангельской железной дороги. Учился также у Отто Вагнера, стал известен именно как создатель образцов вагнеровского сецессиона.

Автор проектов нескольких знаменитых московских зданий: Морозовской больницы, Боткинской больницы, родильного дома на Миусской площади («Абрикосовского»), доходного дома Хомякова на Кузнецком мосту, 6, Введенского народного дома (полностью перестроен в 1940-е годы), здания нынешнего театра «Ленком».

При безбожной власти перестроил Большой Кремлевский дворец под нужды Верховного совета СССР. Получил орден Ленина и место на Новодевичьем кладбище.

богатые в пользу бедных

текст Элиши Зинде, архивные фотографии предоставлены oldmos.ru

История московских больниц началась с создания Павловского госпиталя, основанного Екатериной Второй в память об избавлении наследника престола от тяжелой болезни. Поданный императрицей пример был повторен не единожды. Вот лишь несколько историй о людях, память о которых сохранилась в зданиях московских больниц.

Фон дер Визе

Иоганн-Адольф Визе, уроженец Гамбурга, приехал в Россию в царствование Елизаветы Петровны, служил в Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, и в 1759 году был возведен в дворянское достоинство, став фон дер Визе. Его праправнук Павел Григорьевич фон Дервиз, уроженец города Лебедин Тамбовской губернии, после окончания Училища правоведения с золотой медалью поступил в канцелярию 1-го отделения 5-го департамента правительствующего Сената и начал потихоньку карабкаться вверх по служебной лестнице и ступенькам Табели о рангах. Титулярный советник, коллежский асессор, надворный советник, исполняющий должность правителя канцелярии, правитель канцелярии, статский советник. И вдруг решил переменить судьбу.

Павел фон Дервиз ушел с госслужбы и встал во главе Общества Московско-Саратовской железной дороги. С точки зрения поставленной задачи деятельность общества была неудачной — достаточное количество денег не было собрано, так что приходится менять устав общества и строить дорогу не до Саратова, а лишь до Рязани. После открытия сообщения с Рязанью он стал одним из concessionеров Рязано-Козловской железной дороги (во главе обще-

ства, занимающегося этой дорогой, был поставлен его родной брат Иван). Концессия сделала Павла одним из богатейших людей Российской Империи. Для души он пишет обзоры в «Биржевые ведомости» и размышления о путях развития России, сочиняет музыку (например, мелодию к романсу «Вечерний звон»), строит дорогие дома в Москве, Санкт-Петербурге, Франции, Швейцарии, создает собственный театр и симфонический оркестр.

Любимой жене, Вере Николаевне, он посвящал все музыкальные произведения. Но их первенец Владимир умер в годовалом возрасте от костного туберкулеза еще в период службы фон Дервиза в Сенате. Поэтому, когда годы спустя врачи поставили тот же диагноз дочери Варваре и сыну Сергею, порекомендовав сменить климат, семья уехала на Лазурный Берег. В Ницце на участке размером 10 га строится вилла «Вальрозе» («Сад роз», нынешний кампус факультета точных наук Университета Ниццы). На закладном камне Павел фон Дервиз приказывает высечь: «Я русский, родился в России, люблю Россию и не нашел бы никакой надобности устраиваться где-либо в другом месте, если бы не находился в положении исключительном по состоянию

здоровья моих детей». Местные жители называли замок «вилла русского Монте-Кристо», в наши дни студенты университета говорят проще — «дворец».

Уже из Ниццы фон Дервиз пишет письмо московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукову: «В Москве проведены мною лучшие годы моей общественной деятельности. Посему исключительно там, и ничем иным, как устройством образцовой Детской Больницы, я желал бы почтить память всех старших детей, утраченных мною в России». На богоугодное дело фон Дервиз жертвует 400 тыс. руб. И выдвигает три условия: больница должна зваться именем святого Владимира, небесного покровителя

Больница располагалась в популярных у московских дачников Сокольниках, и даже 20 ее зданий и павильонов были чем-то похожи на дачи

Павлу фон Дервизу не довелось увидеть больницу св. Владимира, построенную на его деньги

Дервиз ставил три условия: больница должна зваться именем святого Владимира, больница должна быть образцовой, 100 копек всегда должны быть бесплатными для сирот и детей из беднейших семей

Вопрос о призрении умалишенных оставался открытым пятнадцать лет, а Николай Алексеев разрешил его в пятнадцать минут

его первого сына, больница должна быть образцовой, подобной больнице принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге, 100 коек всегда должны быть бесплатными для сирот и детей из беднейших семей.

Московские власти с энтузиазмом берутся за дело. Куплен у купца Гучкова земельный участок, расположенный в живописной березовой роще в Сокольниках, популярном подмосковном дачном районе, к нему добавлен соседний участок, принадлежащий городу. Больницу строит приглашенный из столицы архитектор Р. А. Гедике, его консультирует директор детской больницы Принца Ольденбургского К. А. Раухфус. Было построено 8 лечебных и 12 служебных зданий. Отделения, занимающиеся приемом больных скарлатиной, дифтеритом, оспой, размещались отдельно. В главном корпусе было предусмотрено множество отдельных входов (в случае заноса инфекции корпус можно было разделить на пять отдельных частей). Самая современная система отопления, вентиляции, канализации. Сверхсовременные кухня и прачечная. 180 коек, высота потолков — 3 метра, площадь на каждого больного — 13 кв. м. Залы и крытые веранды для прогулок — в зависимости от погоды.

В бюджет удалось уложиться, на все потрачено 399 142 руб. Больница открывает свои двери уже при другом градоначальнике, князе А. А. Щербатове, 15 июля 1876 года. Фон Дервиз на открытии не присутствует, присылает из Ниццы поздравительное письмо. Содержание больницы берег на себя Мосгордума.

В 1881 году умерла от костного туберкулеза Варвара фон Дервиз. Отец пережил ее на несколько дней. На территории больни-

цы св. Владимира строится церковь Живоначальной Троицы, в которой располагается семейная усыпальница фон Дервизов (архитектор — А. П. Попов). Деньги — 225 тыс. руб. на постройку и 300 тыс. руб. на внутреннюю отделку — получены по завещанию Павла фон Дервиза. Вдова, Вера Николаевна, пережила мужа на 22 года, совершив за эти годы много благих дел (самое известное пожертвование — на женскую гимназию фон Дервиз, ныне — школа № 325). И также была захоронена в семейном склепе.

Что касается больницы св. Владимира, то при большевиках была нарушена воля завещателя. После ряда переименований больница стала носить имя комиссара Русакова, который добровольцем участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа (был комиссаром военно-морского госпиталя), был пойман переодетыми восставшими и расстрелян. Храм при больнице был закрыт и использовался под разные цели, в нем был пожар, уничтоживший всю внутреннюю отделку, надгробная статуя на могиле Варвары фон Дервиз была украдена.

Сегодня больница св. Владимира носит свое имя, храм действует, а на его стене можно увидеть памятную доску с именами Владимира, Варвары, Павла и Веры фон Дервиз.

Алексеев

Николай Александрович Алексеев был представителем влиятельного московского купеческого клана «ниточников-канительщиков», главой Торгового и промышленного товарищества «Владимир Алексеев». Из представителей клана лучше всего, разумеется, известен Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский), кузен Николая.

Николай Алексеев прожил недолгую (чуть больше 40 лет), но насыщенную событиями жизнь. Он получил домашнее образование, владел французским, немецким и английским языками. В 29-летнем возрасте стал гласным Московской городской думы, в 30 лет — председателем правления семейной фирмы (и еще нескольких фирм поменьше), в 33 был избран московским городским главой. В этой должности он проработал 8 лет. На чистом энтузиазме, отказавшись от служебного оклада — 12 тыс. руб. в год. Точнее, даже не бесплатно, а себе в убыток. Консолидируя пожертвования благотворителей, не последним из которых был он сам, Алексеев направлял деньги на городские нужды. Одновременно, используя свои

деловые способности, создавал коммерческие коммунальные предприятия на заемные средства. При нем в Москве появились современные водопровод и канализация, городские улицы покрылись асфальтом, скотобойни выведены из города и объединены в самый передовой в Европе мясокомбинат в Калитниках (нынешний Микояновский мясокомбинат), новые Торговые ряды на Красной площади, новое здание Мосгордумы.

Одно из главных дел, совершенных Алексеевым на этом посту, — постройка в Москве новой психиатрической больницы. Существовавшей в городе единственной больницы — Преображенской на 280 коек — было явно недостаточно. У Телешева в «Записках писателя» читаем: «Дело было на заседании губернского земского собрания, где Алексеев присутствовал как один из его членов. Он нарисовал перед земцами жуткую картину жизни деревни, где видел своими глазами людей психически больных, в звериных условиях существования. Вопрос о призрении таких больных оставался открытым в течение пятнадцати лет, а Алексеев поставил его ребром и разрешил в пятнадцать минут.

— Если бы вы взглянули на этих страдальцев, лишенных ума, — говорил он собранию, — из которых многие сидят на цепях в ожидании нашей помощи, вы не стали бы рассуждать о каких-то проектируемых переписях, а прямо приступили бы к делу. Для этого нужно немедленно найти помещение, — говорил он далее, — и сегодня же его отопить, завтра наполнить койками, а послезавтра — больными». Так и было сделано, но временная больница на 50 коек ситуацию не спасла.

Тогда и возник план строительства новой больницы, на собранные по подписке средства. Первый взнос — в 350 тыс. руб. — сделал сам Николай Алексеев. Всего в списке жертвователей — 86 частных лиц (какие имена... Абрикосов, Баев, Боткин, Гартунг, Гранат, Морозовы, Третьяковы, Ферейн) и 4 торговых дома. Один из крупнейших жертвователей — Флор Яковлевич Ермаков — дал 300 тыс. руб., одно из отделений больницы (100 коек) было названо Ермаковским.

Строительство велось на землях, выкупленных у купца Канатчикова, откуда и появилось прозвище «Канатчикова дача». Первые корпуса больницы, на 508 коек, открылись в 1894 и 1896 годах, в 1905 году добавились новые. В больнице не было решеток на окнах и смиренных рубашек. Зато были — библиотека, оранжерея с 200 сортами роз, даже бильярдный стол, не говоря уж о водопроводе, канализации, водопаровом отоплении и т. п.

Николай Алексеев не дожил до открытия первого корпуса больницы. 9 марта 1893 года он вел прием в своем кабинете в новом здании Московской думы. К нему зашел мещанин Новохоперского уезда Воронежской губернии В. С. Андрианов. «Что вам угодно?» — спросил городской глава. «А вот что», — ответил Андрианов и, достав пистолет, выстрелил Алексею в живот. Позже в кармане у психически больного Андрианова была найдена записка «Прости, жребий пал на тебя». Состояние Алексева было очень тяжелым. После операции, сделанной хирургом Склифосовским прямо в кабинете, Николай Алексеев прожил всего несколько дней. Незадолго до смерти он пожертвовал еще 300 тыс. руб. на строительство психиатрической больницы.

Его могила на кладбище Новоспасского монастыря была снесена вместе с кладбищем в конце двадцатых годов XX века. Больница была названа в его честь, в советский период носила имя психиатра П. П. Кашенко, сейчас опять зовется именем Николая Алексеевича Алексеева.

Психиатрическая больница им. Н. А. Алексеева — одно из первых зданий в Москве, в котором были водопровод и водопаровое отопление

Здание общей амбулатории и сомнительного отделения (принимавшего больных с неясным диагнозом)

Церковь Живоначальной Троицы — домовая церковь больницы св. Владимира — построил архитектор А. П. Попов, в честь которого назван расположенный неподалеку Попов переулок

Медведниковы

Иван Логгинович Медведников, житель и почетный гражданин города Иркутска, четырежды избиравшийся городским головой, купец первой гильдии, крупнейший оптовый торговец пушниной, золотодобытчик, активный участник российско-китайской торговли был глубоко верующим человеком (старообрядцем) и активно занимался благотворительностью.

Благими делами он продолжил заниматься и после переезда в Москву, который случился в 50-е годы XIX века. Вместе с супругой Александрой Ксенофоновной (представительницей одного из богатейших семейств Сибири — Сибиряковых) он поселился в Староконюшенном переулке. После смерти в 1899 году Александры Ксенофоновны (ее супруг почил десятилетием раньше) все громадное состояние Медведниковых, свыше 5 млн руб., было направлено на благотворительность. С этих денег фискальные органы попытались взыскать налог, но власти Москвы и Иркутска через суд и с привлечением министра финансов С. Витте сумели вернуть деньги. Около 2/3 капиталов осталось в Москве, остаток был направлен в Иркутск. В Москве на эти деньги, в частности, была создана прославленная гимназия Ивана и Александры Медведниковых (сейчас — школа № 59 имени Гоголя) и воплощено в жизнь три медицинских проекта — Богадельня для неизлечимо больных (Медведниковская больница), детская психиатрическая больница и (в связи с началом Первой Мировой войны) военный госпиталь. Еще одна Медведниковская больница появилась в Иркутске. Кроме того, единовременные пожертвования получили все храмы и монастыри двух городов.

Душеприказчик Медведниковых, Николай Алексеевич Цветков, делал все, чтобы учреждения строились, оборудовались и функционировали на самом высоком уровне. Так, московская Медведниковская больница была сверхсовременной с технической точки зрения — с водопроводом и канализацией, водяным отоплением, системой вентиляции, предусматривающей автономное обслуживание палат с увлажнением воздуха до 40% (передовой вентиляцией, кстати, было оборудовано и здание гимназии Медведниковых).

Больничный комплекс проектировал Сергей Устинович Соловьев, по замыслу которого территория богоугодного заведения должна была напоминать древний русский город.

Больница на 150 коек предназначалась для «неизлечимых больных христианского вероисповедания, без различия звания, пола и возраста», а богадельня могла принять 60 человек обоего пола. Через несколько лет появилась возможность принять в богадельню еще 8 человек.

Как отмечала газета «Московские ведомости», «на церемонии освящения, которое совершил Высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский, присутствовали и. и. высочества В. кн. Сергей Александрович и В. кн. Елизавета Федоровна» (всем им выпадет жребий стать жертвами революционеров).

Обитателей богадельни обеспечивали форменной одеждой, личными столовыми приборами и гигиеническими принадлеж-

ностями. Неимущих освобождали от платы за пребывание в богадельне. Каждого из призываемых три раза в день кормили (лежащим больным пищу приносили в палату), тех, кто вставал, сиделки водили в храм (короткие службы проходили два раза в день) или на прогулку в сад. Комплекс больницы включал в себя не только лечебные корпуса, но и две церкви: Тихвинской иконы Божией матери и Козельщанской иконы Божией матери. Они располагались рядом с палатами — чтобы больным было проще до них дойти. В 1923 году оба храма были закрыты и разорены.

В настоящее время больница носит имя святителя Алексия, находится под покровительством московского патриархата РПЦ, храмы освящены.

Хлудов

В комедии А. Н. Островского «Горячее сердце» один из персонажей рассказывает о некоем Хлынове: «И чего-чего только у него нет! В саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьет шампанское...»

В. А. Гиляровский в «Москве газетной» вспоминает «литературно-юмористически-карикатурный» журнал «Развлечение»: «Я помню его с семидесятых годов, когда он жестоко пробирал московское купечество, и даже на первой полосе, в заголовке, в эти годы печатался типичный купец в цилиндре на правое ухо и сапогах бураками, разбиравший в зале ресторана бутылкой зеркало. Это был портрет известного богача: кругом пьяная публика, тоже портреты, а перед купцом, согнувшись в три погибели, волосатый человек в сюртуке, из заднего кармана которого торчит полуштоф водки».

И герой Островского, и богач с карикатуры — один и тот же человек. Михаил Алексеевич Хлудов был из знатного купеческого рода. Его отец владел мануфактурами и лавками, прославился как собиратель древних рукописей и старопечатных книг (его знаменитая коллекция по завещанию была передана в Никольский единоверческий монастырь, а сейчас находится в Государственном историческом музее).

Деньги, имевшиеся в распоряжении Михаила Хлудова, пропить и прогулять было просто невозможно, несмотря на все его усилия и выдающиеся способности. Кроме спиртного, он также любил женский пол и только под венцом успел побывать пять раз.

Еще Михаил Хлудов воевал в Туркестане, Афганистане и Сербии (в Русско-турецкую войну), был награжден Георгиевским крестом и орденом Владимира IV степени.

Гиляровский последний раз видел Хлудова на собачьей выставке в Манеже в 1885 году: «Огромная толпа окружала большую железную клетку. В клетке на табурете в поддевке и цилиндре сидел Миша Хлудов и пил из серебряного стакана коньяк. У ног сидела тигрица, била хвостом по железным прутьям, а голову положила на колени Хлудова».

В том же году в результате глупого несчастного случая погиб 12-летний сын Хлу-

Церковь Алексия, митрополита Московского (первоначально — Козельщанской иконы Божией Матери) была построена в 1903–1904 годах в стиле ростовских храмов XV века

Даже надпись с названием богадельни была стилизована под старину глубокою

Архитектор Соловьев вдохновлялся архитектурой древнего Пскова и Новгорода

дова, гимназист Алексей. Отец сделал две вещи: переписал завещание и запил. Запил по-черному — до белой горячки, до содержания в комнате с решетками на окнах и войлоком на стенах. Умер он довольно скоро, будучи 42 лет от роду. Согласно новому завещанию, 100 тыс. руб. и 25 паев Ярцевской мануфактуры направлялись на создание детской больницы — в доме Хлудова в Тупом переулке. Душеприказчиками были назначены вдова — Вера Александровна, а также лечивший Михаила доктор Е. М. Павлинов. Воля усопшего была исполнена не в точности. Московский градоначальник Николай Алексеев, осмотрев хлудовский дом, решил, что тот не подходит под больницу: неудобной формы, неудобно расположен рядом с шумной и грязной железной дорогой. Для больницы построили новое здание — на Девичьем Поле, на земельном участке, конфискованном за неуплату арендных взносов.

Больница на Большой Царицынской улице (ныне — Большой Пироговской) открылась в 1891 году. Заведение предназначалось для лечения незаразных болезней и почти сразу из больницы превратилось в клинику детских болезней, а также стало учебной базой для подготовки педиатров. Сейчас это — Клиника детских болезней Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова.

Все состояние Медведниковых, свыше 5 млн руб., было направлено на благотворительность

М. А. Хлудов завещал отдать под детскую больницу свой дом, но городские власти решили, что для этих целей требуется здание большего размера

безумные миллионы

текст **Михаила Пророкова**

В 1904–1905 годы Врубель создает несколько автопортретов

Умалишенные в России всегда вызывали особое сострадание — то ли потому, что видели в них юродивых, то ли из боязни самим сойти с ума. Расстроенному рассудку требовался в первую очередь покой — его-то и пытались обеспечить благотворители.

Московские больницы — островки тишины и спокойствия посреди городского шума и суеты. Шаг-другой в сторону от оживленной трассы — и оказываешься посреди зелени, цветов, скамеек, как будто... ну, уехал за город.

Еще немного похоже на парк — но без музыки и без шашлыка. На музей — но без билетов и экскурсантов. Чуть на кладбище — но жизнь все-таки бьется сквозь тишину. Наконец, было бы похоже на монастырь — но светского человека в монастыре поражает прежде всего то, что заточение это — добровольно и радостно. Здесь же нет ни того, ни другого. Только заточение. И покой.

Но кому и отчего тут спокойно?

Отчего — предположить нетрудно. Проникнув, скажем, с улицы 8 Марта на территорию ЦМОКПБ (областной психиатрической больницы), можно сразу почувствовать, что и ее корпуса, и весь близлежащий Петровский парк — это не только и не столько окрестности стадиона или дворца.

Дачи. Зеленый пригород. Место покоя и отдохновения.

Собственно, ощущение дачи появится при подходе к забору. Он без сомнения дачный — деревянный, простой, даже грубоватый и в то же время неуловимо изящный. Знайки истории искусств сразу узнают в нем черты эпохи модерна; популярная версия гласит, что спроектировал его Федор Шехтель по эскизам Михаила Врубеля. Точных сведений об авторстве нет, но имя Врубеля в связи с этой больницей вспоминается неслучайно.

Но сначала об основателе. Им был выпускник Московского университета, известный психиатр Федор Арсеньевич Усольцев. Благодаря богатому наследству, полученному его супругой, доктор Усольцев смог в начале XX века приобрести в Петровском парке дачу и в марте 1903 года открыл там частную психиатрическую лечебницу.

Два одноэтажных деревянных флигеля были для этого перестроены. Федор Арсеньевич сам чертил их планы. Половина каждого здания отводилась больным, половина — членам семьи психиатра. Центральные залы служили общими гостиницами, здесь домашцы и пациенты питались — также вместе, по вечерам для тех и других устраивались беседы и концерты. В 1906 году для лечебницы было построено новое, уже двухэтажное здание, организованное по тому же плану.

Домашняя атмосфера лечебницы привлекала пациентов из обеспеченных (плата за лечение была по тем временам очень и очень немалой), в том числе творческих кругов. Здесь лечилась от внезапно сразившей ее тяжелой душевной болезни Надежда Юрьевна Станюкович, жена искусствоведа Владимира Станюковича — оба они были близкими друзьями Виктора Борисова-Мусатова. Художник часто навещал ее в больнице, хотел там писать ее портрет. «Начали искать краски и нашли их рядом — у безумного Врубеля», — вспоминал Владимир Станюкович.

Спасти Надежду Юрьевну доктору Усольцеву не удалось: в августе 1905 года ее не стало, и Борисов-Мусатов вместо портрета написал картину «Реквием», изобразив на ней трех — каждую в двух обликах — главных женщин своей жизни: жену, сестру и друга. Вскоре после завершения работы над акварелью 35-летний художник скоропостижно скончался. Что же до Врубеля, то домашняя атмосфера лечебницы, возможность работать над картинами, общаться — все оказывало на него благотворное действие. «Я долго и внимательно изучал Врубеля, и я считаю, что его

Портрет Веры Александровны Усольцевой, супруги Ф. А. Усольцева, работы Врубеля

Карандашный портрет лечащего врача Врубеля Ф. А. Усольцева работы Врубеля

творчество не только вполне нормально, но так могуче и прочно, что даже ужасная болезнь не могла его разрушить», — писал о своем пациенте доктор Усольцев. Увы, роковой диагноз, поставленный Врубелю Владимиром Михайловичем Бехтеревым еще в 1902 году, не позволял надеяться на полное исцеление. Первое — в 1904 году — пребывание в клинике в Петровском парке закончилось явным улучшением, второе же завершилось трагически: в декабре 1905 года Врубель начал быстро терять зрение и в феврале 1906-го окончательно ослеп. После этого из клиники Усольцева Врубеля перевели в Санкт-Петербург в клинику Конасевича и Оршанского. В Петербурге в 1910 году он и умер.

Лечившего его врача тоже стали преследовать несчастья: тяжело заболела сперва жена, затем дочь Федора Арсеньевича. Возникли финансовые затруднения, и большую часть владения в Петровском парке пришлось продать. Усольцев оставил за собой лишь старые одноэтажные флигели, выходящие на Ново-Зыковское шоссе (теперь на их месте расположен Гематологический центр) и участок 20 соток земли. Однако история клиники на этом не кончилась: купившая землю Александра Ивановна Коншина, принадлежавшая к семье известных фабрикантов и имевшая репутацию чуть ли не первой благотворительницы Москвы (на ее деньги строились приюты, дом матери и ребенка, дом призрения, больница на Большой Якиманке и один из корпусов лечебницы на Канатчиковой даче), перестроила отошедшие к ней здания лечебницы под лазарет. Начиналась Первая Мировая война, и нужно было позаботиться об оборудовании мест для лечения раненых.

Доктору Усольцеву еще довелось побыть главным врачом основанной им клиники — в 1919 году советская власть, переведшая лечение психиатрических больных на хозрасчет (в период с 1918 по 1921 год от голода в псих-

Я долго и внимательно изучал Врубеля, и я считаю, что его творчество не только вполне нормально, но так могуче и прочно, что даже ужасная болезнь не могла его разрушить

больницах вымерла треть пациентов), решила создать на месте лазарета психоневрологический санаторий. Заведовать им позвали владельца расположенной по соседству маленькой частной клиники. Главврачом Федор Арсеньевич проработал до 1922 года, а клиникой своей владел до 1931-го, пока, как и Врубеля, его не стала настичь слепота. На месте клиники, переданной им Красному Кресту, после Великой Отечественной войны построили НИИ гематологии и переливания крови, а санаторий в 1930 году преобразовали в Московскую областную психоневрологическую клинику.

Ну а главной московской психиатрической больницей стала та самая лечебница на Канатчиковой даче, одним из спонсоров которой была Александра Ивановна Коншина. Основная заслуга в ее основании в 1894 году принадлежит погибшему за год до того городскому голове Николаю Александровичу Алексееву. Он был инициатором строительства больницы, он собирал по подписке с московских купцов деньги на нее, он сам, умирая, завещал на нее 300 тыс. руб. — а умер он, только-только разменяв пятый десяток, будучи, по странному совпадению, застрелен в собственном кабинете душевнобольным. В память о нем — двоюродном брате К. С. Станиславского, политике, предпринимателе, меценате — больница, в советское время носившая имя психиатра П. П. Кащенко, вновь стала называться Алексеевской. Название же «Канатчикова дача» — под этим именем она, в частности, прославлена в песнях Высоцкого — пошло от купца Канатчикова, имение которого и было приобретено городской управой для строительства лечебницы.

Из лечебниц, связанных с именем самого известного пациента усольцевской клиники, упомянуть хотелось бы еще две.

Известная предпринимательница (русский язык пока женский род от слова «предприниматель» образует неохотно, но не называть же женщину 1848 года рождения «бизнесвумен») и благотворительница, скорбя о рано ушедшем из жизни муже — Абраме Абрамовиче Морозове, потратила на строительство и оборудование лечебницы 500 тыс. руб. Возглавить ее согласился лечивший Абрама Морозова профессор МГУ Сергей Сергеевич Корсаков. Его именем при советской власти клиника и была названа. После смерти Корсакова в 1900 году заведовать клиникой стал В. П. Сербский (институт судебной психиатрии на Пречистенке, названный его именем, к нашей истории отношения не имеет). Именно у него обследовался и лечился Михаил Врубель, после того как диагностировавший у него прогрессивный паралич (от той же болезни скончался и муж Варвары Морозовой) Бехтерев посоветовал ему сменить клинику. Другими известными пациентами клиники на Девичьем Поле были Сергей Есенин и Анна Голубкина.

Клиника Морозовой также обязана своим возникновением имению, правда, уже не загородному. Долго-Хамовнический переулочек, возле которого она была выстроена, находился на окраине города. Рассказывают, что когда в 1880 году Лев Толстой раздумывал о переезде из Ясной Поляны в Москву, он пожаловался друзьям — семье Олсуфьевых — на нежелание заново привыкать ходить по мостовой. В ответ хозяин дома предложил ему купить дом с садом рядом с ними, в Хамовническом переулке. (По другим сведениям, впрочем, с этой — московской — ветвью семейства своих знакомых писатель сблизился только после того, как поселился в Хамовниках.) Толстому понравилось, что из дома можно было ходить гулять на Воробьевы

Борисов-Мусатов писал «Реквием», потрясенный смертью Н. Ю. Станюкович

Во время лечения в клинике Усольцева Врубель написал портрет пациентки А. А. Станкевич

Заказанный Врубелю Николаем Рязушинским портрет Валерия Брюсова стал последней работой художника

Одна до наших дней в качестве больницы не дошла — это клиника Ф. А. Савей-Могилевича на Погодинской улице. Именно там художника осматривал Бехтерев, именно оттуда началось его странствие по лечебницам. Доктор Савей-Могилевич, в отличие от Усольцева и Кащенко, заметного следа в истории науки не оставил, но в клинике его лечился еще как минимум один известный пациент — будущий герой первой русской революции лейтенант (тогда еще мичман) Петр Петрович Шмидт. Начав свою военную службу со скандальной женитьбы на проститутке и истерики в кабинете командующего Черноморским флотом, молодой человек попросился сперва в отпуск по болезни, а потом и в отставку. На излечении в клинике Савей-Могилевича он находился с марта по апрель 1889 года, впрочем, особых результатов достигнуто не было. Диагноз Шмидта не был фатальным и даже тяжелым: «неврастения» в наше время звучит совсем обыденно, но и тогда, невзирая на все его художества, отставного мичмана через три года по первой же просьбе взяли во флот обратно. Чем это кончилось, напоминать, наверное, не нужно.

Здание больницы было позднее перестроено, сейчас там находится посольство Ирака. Но место ее расположения тем не менее достаточно примечательно. Дом, в котором была устроена частная лечебница, входил во владение купцов Бландовых, основателей крупнейшей сети производства и сбыта молочных продуктов в Москве и по России. Причина, по которой родственник знаменитых купцов Савей-Могилевич уговорил их помочь ему устроить клинику именно здесь, угадывается легко: в 1885 году город выделил на Девичьем Поле, краем которого, собственно, и владели Бландовы, землю для устройства клиник медицинского факультета Московского университета. В традиционном месте гуляний жителей Москвы (еще Пушкин в 1826 году участвовал здесь в каком-то праздновании) начал создаваться городок медиков; а где поселяются медики, туда стекаются и больные.

Схема финансирования была та же, что и у больницы на земле купца Канатчикова: подписка среди богатых, добровольные пожертвования. Но и Министерство народного образования в стороне не осталось, дав на благое дело 2,45 млн руб. Решение о строительстве было принято в 1884 году, в 1890-м первые клиники приступили к работе.

И самой первой открылась психиатрическая клиника Варвары Моро-

горы, «не ступая на мостовую». А из задней части сада через калитку можно было выйти в сад Олсуфьевых.

Именно у Олсуфьевых приобрела усадьбу Варвара Морозова, чтобы построить клинику. Про сад, окружающий здание клиники, позднее стали рассказывать, что он был подарен университету «самим Толстым». Уже после смерти писателя его вдова Софья Андреевна написала рассказ «Ванечка. Истинное происшествие из его жизни» — о дружбе младшего, рано умершего сына Льва Николаевича с одним из пациентов морозовской клиники: они беседовали через дырочку в разделявшем два сада заборе.

Начав с забора, мы к нему и вернулись. Ни на шаг не приблизившись к ответу на вопрос о том, кому же так спокойно в этих самых лечебницах — а если никому (что очень похоже на правду; врач, что ли, спокойная профессия? пациенты спокойны? ну разве что под дозой чего-нибудь сильнодействующего... родственники их?), то откуда берется это самое чувство покоя?

Возможно, спокойствие приходит с той стороны забора. Оттуда, откуда мы входим. Собрав душевнобольных (варианты: больных физически; алкоголиков; малоимущих; детей; стариков; преступников — а раньше, до нового времени, их всех нередко вместе и собирали) в одно изолированное место, общество надеется избавиться от болезни, заклясть ее — чуть ли не так, как удалось на исходе Средних веков заклясть прокажу; собственно, первые лазареты (по имени ордена Св. Лазаря, основанного крестоносцами в конце XI века в Иерусалиме) и служили для изоляции прокаженных. Все знаменитые рассказы об освобождении сумасшедших — доктором ли Пинелем в революционной Франции конца XVIII века, доктором ли Корсаковым в предреволюционной России конца XIX века (нетрудно догадаться, что снятие им с окон решетки в советское время были водружены обратно, вряд ли обошлось и без возвращения смиренных рубашек) звучат так умирительно во многом потому, что освобождение касается лишь условий содержания — за стены «дома скорби» умалишенных никто не выпускает. Даже до стен парков они не доходят — история с Ванечкой Толстым вряд ли могла повториться в наше время в Москве. Да вряд ли они и сами за эти стены пошли бы — вспоминаем «Гнездо кукушки».

Ну а если пошли бы — умиления бы и след простыл.

Садовая-Сухаревская улица, дом 14, строение 1,
Комсомольская площадь, дом 3/30, строение 1

«Форум» и «Круговое депо» рекомендованы к включению в реестр объектов культурного наследия

Комиссия при правительстве Москвы по рассмотрению вопросов осуществления градостроительной деятельности в границах достопримечательных мест и зон охраны объектов культурного наследия рекомендовала к постановке на государственную охрану в качестве объектов культурного наследия регионального значения «Здание электротехнического театра „Форум“» — одного из первых кинотеатров Москвы, построенного в 1914 году, и «Круговое депо Николаевской железной дороги» 1846–1851 годов постройки. Вопрос сохранения, реставрации и включения в реестр памятников истории и культуры объектов «Круговое депо Николаевской железной дороги» и «Здание электротехнического театра „Форум“» на протяжении последнего времени находился под особым контролем Мосгорнаследия. Департамент культурного наследия города Москвы принял все возможные меры для того, чтобы обеспечить присвоение ценного статуса памятников архитектуры данным историческим объектам и тем самым гарантировать сохранение и последующую реставрацию зданий депо и электрокинотеатра. «Кроме того, мы нацелены не просто признать эти здания памятниками архитектуры, а обеспечить их реставрацию и сохранение исторической функции», — отметил официальный представитель департамента.

Афанасьевский переулок, дом 24, корпус 1

дом Зиновьевых-Юсуповых восстал из руин

Завершена реставрация дома Зиновьевых-Юсуповых XVIII века. Усадьба — выявленный объект культурного наследия XVIII–XIX веков. По словам заместителя главы департамента культурного наследия столицы Ирины Савиной, в здании была проведена комплексная научная реставрация, работы были завершены в 2012 году и приняты департаментом культурного наследия.

Как рассказала архитектор-реставратор Татьяна Борисова, здание почти десять лет стояло без крыши, стены были открыты и практически превратились в руины.

Инвестор проекта — компания «Ластей-АРТ» получила участок, где располагаются палаты, в пользование и построила рядом жилой дом. В 2010–2012 годах была проведена реставрация дома Зиновьевых-Юсуповых, в процессе которой были вскрыты декоративные элементы палаты XVII века, воссоздано парадное крыльцо.

По словам Савиной, пока здание не сдано в аренду, но когда это случится, будет выполнен проект приспособления на основе реставрации по разрешению Мосгорнаследия.

www.vihod-v-gorod.ru

экскурсий всё больше

Департамент культурного наследия города Москвы вместе со Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры продолжает традицию бесплатных экскурсий по московским памятникам. Проект под названием «Выход в город» стартовал прошлой осенью. Знатоки и исследователи архитектуры провели за сезон 25 экскурсий. «Выход в город» стал очень популярен, и в этом сезоне решено существенно увеличить количество экскурсий: их будет более 2 тыс., они охватят 250 памятникам.

Как сообщает журнал «Большой город», теперь можно будет узнать истории тех памятников, которые раньше внимания экскурсоводов не привлекали: например, истории московских вокзалов или театров. По-прежнему можно будет посетить закрытые объекты города Москвы — те, которые раньше москвичи могли увидеть всего два раза в год, из-за чего каждое их открытие вызывало настоящий ажиотаж, сообщил глава Департамента культурного наследия Москвы Александр Кибовский на пресс-конференции, посвященной открытию нового сезона «Выхода в город». Изменится и подход к экскурсиям: фокус сместится со зданий на истории реальных людей, жителей и архитекторов, а рассказы о драматических событиях московской истории помогут воссоздать «гений места». Среди гидов будут не только искусствоведы и краеведы — о Москве расскажут историки, реставраторы и журналисты.

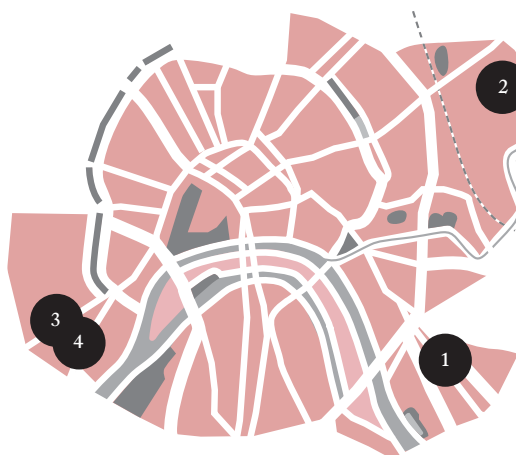
Посещать экскурсии станет удобнее: в этом году к пешеходным маршрутам добавятся автобусные и велосипедные. Месяц назад у проекта запущен сайт www.vihod-v-gorod.ru, где можно записаться на любую экскурсию.

улицы Красная Пресня и Кузнецкий Мост

на Пресне останется ценная брусчатка

Ценные исторические фрагменты брусчатки на Красной Пресне и Кузнецком Мосту в Москве будут сохранены. Как рассказал советник главы Мосгорнаследия Николай Переслегин, на улицах Красная Пресня и Кузнецкий Мост осуществляется плановая реставрация дорожного покрытия. Ценные исторические фрагменты брусчатки начала XX века сохраняют. Реконструированы будут те места, где брусчатка подвергалась некачественной замене в 70–80-е годы. Тогда работы были выполнены не лучшим образом. В результате брусчатка расшаталась и дорога в последнее время была в плачевном состоянии: местами «залатана» асфальтом, образовались ямы, создававшие сложность как для пешеходов, так и для автомобилей, пишут «РИА Новости». По словам Николая Переслегина, частичная укладка современной плитки, на которую обратили внимание москвичи, лишь пробная. Эти фрагменты будут также заменены аутентичной брусчаткой. «Мосгорнаследие настаивает на восстановлении аутентичной брусчатки. Будет сохранен исторический облик места, настроение», — сказал Николай Переслегин.

новые памятники города

1. Городская усадьба — Фряновская шерстопрядильная мануфактура Г. В. и М. В. Залогиных XVIII–XIX веков
улица Воронцовская, дом 19А, строения 1, 2

2. Городская усадьба Деминых конца XIX века
улица Казакова, дом 23, строения 1, 4

3. Особняк Н. Н. Медынцева начала XX века
Померанцев переулок, дом 6, строение 1

4. Городская усадьба О. Н. Чижовой начала XX века
Еропкинский переулок, дом 3, строение 1

отреставрированы московские мемориалы героям Отечественной войны 1812 года

34 объекта культурного наследия — захоронения участников Отечественной войны 1812 года были отреставрированы под контролем департамента культурного наследия города Москвы в августе — сентябре 2012 года. Работы проводились на объекте культурного наследия «Братская могила участников Бородинской битвы 1812 года» в сквере на Кутузовском проспекте, а также на исторических захоронениях Донского, Новодевичьего, Ваганьковского, Пятницкого, Введенского и Рогожского кладбищ Москвы.

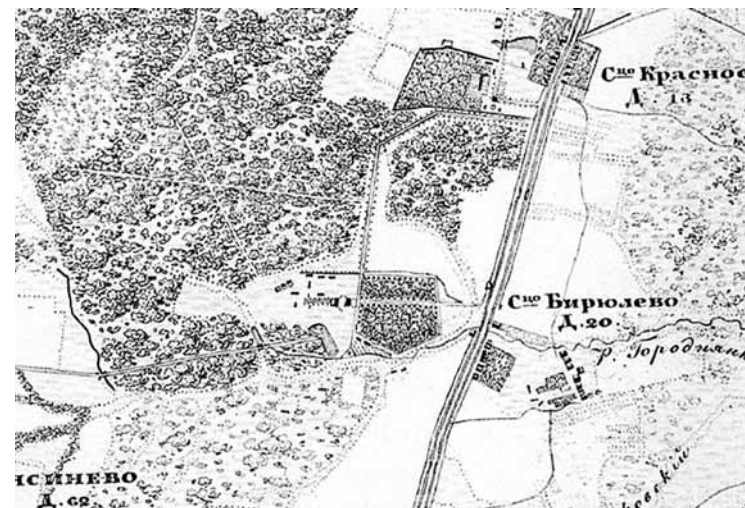
Работы включали в себя укрепление и гидроизоляцию фундаментов каменного зодчества, воссоздание кирпичных кладок, реставрацию металлических конструкций, скульптур, декоративных элементов и позолоты.

ПАРКИ В ЛЕСУ

Выявленная дубовая аллея в парке усадьбы «Бирюлево»

Парк усадьбы «Бирюлево» на карте Военно-топографического депо. 1848 год

текст и фотографии [Михаила Коробко](#)

Битцевский лес (точнее, природно-исторический парк «Битцевский лес») прежде не был единым целым — он состоит из кусков нескольких когда-то знаменитых подмосковных имений: Узкого, Ясенево, Бирюлево, Красного, Коньково, Марково, Колычево (Кленково), Знаменского-Садков и других.

Памятник столыпинской реформы: межевой столб 1909 года в Битцевском лесу

Марково

Первый, неизвестный ранее усадебный парк расположен в самой северной части Битцевского леса — на пересечении Балаклавского и Севастопольского проспекта. Частично он даже сохранил историческую планировку: вход со стороны Балаклавского проспекта — это дорожки парка усадьбы «Марково», принадлежавшей Колычевым, а в середине XIX века — отставному полковнику Алексею Николаевичу Житкову (1812-1872). Удалось обнаружить два пруда этого регулярного парка.

Коньково

В центре Битцевского леса, в районе Лысой горы был выявлен межевой столб 1909 года, обладающий всеми признаками объекта культурного наследия. Столб изготовлен из бетона и имеет пирамидальную форму, так что его можно называть и обелиском тоже. На лицевой поверхности его — выемка круглой формы и надпись «1909». Это год межевания Московской губернии, которое проводилось в связи с аграрной реформой Петра Столыпина — по закону от 7 ноября 1908 года о разрешении выхода крестьянам из общины.

Козьмодемьянское

Южнее Марково находилась усадьба «Козьмодемьянское», или «Кузьминки», устроенная на пустоши Козьмодемьянской. Как самостоятельная,

усадьба была ликвидирована еще в 1818 году. Тогда она принадлежала надворному советнику Якову Ивановичу Басаргину. Пруд этой усадьбы также удалось выявить.

Бирюлево

Это — главная находка! От усадьбы «Бирюлево» уцелела подъездная липовая аллея от Варшавского шоссе. Ныне она одним своим концом начинается со стороны Чертановской улицы, другим — упирается в улицу Красного Маяка. Аллея уже имеет статус памятника и находится на территории Южного округа. Если мысленно провести линию дальше, минуя постройки, перекрывающие проезд до Битцевского леса, можно оказаться в усадебном парке, расположенном на территории Юго-Западного округа. То есть остатки усадьбы разделены, и по этой причине парк не был раньше обнаружен и описан.

Парк усадьбы находится в относительно приличной сохранности и состоит из остатков дубовых аллей примерно 150-летней давности. Тогда Бирюлево принадлежало князьям Оболенским. На карте 1964–1965 годов главный дом усадьбы еще есть, видимо, он достоял до ликвидации совхоза «Красный Маяк» в 1974–1978 годах.

Екатерина Королькова

кандидат биологических наук, факультет экологии и естественных наук МГГУ им. М. А. Шолохова, доцент кафедры биологии и биотехнологии

Парк усадьбы «Бирюлево» — самый интересный из всех выявленных парков, ценный потенциальный памятник садово-паркового искусства. К сожалению, он пострадал практически в тот момент, когда был выявлен! В 2011 году из-за постройки комплекса «Эко-парк» центральный партер парка усадьбы «Бирюлево» утратил эстетическую ценность. Тем не менее сохранились дубы, обрамляющие этот партер с южной и юго-западной стороны, и рядовые посадки дубов в глубине массива! Этому участку леса возможно придание статус памятника природы, чтобы защитить его от уничтожения и определить границы его охранной зоны. Тем более что эта часть Битцевского леса — несмотря на свою близость к жилой застройке — сохраняет многие компоненты ненарушенного естественного фитоценоза.

Александр Спивак

историк, краеведческая группа управления культуры ЮЗАО

Из найденного особо интересен парк усадьбы «Бирюлево». Отлично видна планировка парка, большое количество старых деревьев, посаженных рядами (аллеями), отлично просчитывается шаг между деревьями, который равен 8–10 метрам, видна хозяйственная деятельность хозяев «Бирюлево» в формировании водных объектов — прудов по течению реки Городни, и видно не застроенное пространство на месте усадьбы. Более подробные исследования, вероятно, могли бы помочь найти фундаменты строений и привязки к местности самих строений, что, в свою очередь, создало бы целостную картину памятника культурного наследия.

Качество парка усадьбы «Бирюлево» (количество деревьев, их возраст и планировка) гораздо выше, чем например, парка усадьбы «Щербинка», памятника культурного наследия федерального значения, также находящегося на территории ЮЗАО.

Юрий Насимович

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ВНИИ охраны природы

Очень хорошо, что удалось выявить в Битцевском лесу целых три неизвестных ранее усадебных парка. И они не менее богаты особо охраняемыми видами, чем соседние естественные участки леса. Здесь точно так же встречаются краснокнижные растения: ландыш, купена многоцветковая, ветреница лютиковая, первоцвет весенний, гнездовка, медуница и др. Можно предположить, что Битцевский лес богат этими видами, потому что в усадебных парках эти растения сохранились и разошлись по всему лесу. Все участки старого леса в Битцевском парке связаны с усадьбами: мы знали только про Узкое, Ясенево, Знаменское-Садки, а теперь к ним добавились Марково, Козьмодемьянское и Бирюлево.

И мы должны знать, что есть новые выявленные усадебные парки, но особенно это должны знать сотрудники природно-исторического парка «Битцевский лес», чтобы какими-то действиями не уменьшить ценность этих участков.

Печатников переулок, дом 7

«Дом с кариатидами»,
Разбогатевший крестьянин Петр
Сысоев в довершение отделки
заказал вылепить свои инициалы
«ПС» в окружении кариатид
под карнизом дома

НЮ

фотографии [Мариам Медведевой](#)

В Москве очень мало обнаженной натуры. Не то чтобы мы специально за ней охотились, нет, но решили собрать образцы здорового мужского и женского тела, пристроенные или встроенные в архитектуру. Еще раз повторимся — это редкие примеры. Это потому, что у нас в силу религиозных и моральных причин обнаженное тело можно было наблюдать только в бане или в реке у бани. Голые фигуры, бывшие на Спасской башне (они были помещены туда шотланд-

ским архитектором Христофором Галовеем), вскорости было приказано одеть, на их рубашки и кафтаны, прикрывавшие срам, отпускались специальные деньги. Можно высказать максимум: ренессансный (маньеристический, конечно) писающий мальчик в Москве невозможен. Невозможен. Но с вестернизацией тело проникло в архитектуру — при посредстве античности, которая тело идеализировала и культивировала. Тело можно видеть в виде кариатид,

женских фигур, поддерживающих балконы и другие выступающие части, а также атлантов или теламонов. Мужских фигур. Эти формы есть и в эклектике и в неоклассицизме. В сталинской классике их не встретишь. Но здоровых девушек и юношей, развивших тело в социалистическом соревновании и спортивных занятиях, — хоть отбавляй. Но социалистические фигуры всегда задрапированы.

Проспект Мира, дом 41, строение 1

Жилой дом фарфорозаводчика
старообрядца М. С. Кузнецова

Плотников переулок, дом 4/5

Доходный дом, украшен фризами,
на которых изображены русские
писатели с музами

Большой Головин переулок,
дом 22

Доходный дом, архитектор
Н. А. Воскресенский

Проспект Мира, дом 3, корпус 1

Жилой дом, стилизованный
под раннее французское барокко

Славянская площадь, дом 4,
строение 1

Пенсионный фонд России

ГОРЬКИЙ МОДЕРН

подготовили Владимир Седов, Яна Миронцева, Рената Серебрякова
проектирование Оксаны Веселковой, графика Родиона Китаева

Особняк Рябушинского является центральным памятником московского модерна. Эта ужасная и скучная фраза, на самом деле, очень точно отражает то, чем является этот небольшой по современным меркам частный дом в самом центре Москвы. На примере этого дома можно понять и воспринять основные принципы модерна. Итак: у этого особняка нет главного фасада, все его фасады равнозначны. Это называется всефасадность. Это устроено так, как будто вы никогда не знаете, с какой стороны входить, и все время обходите дом для того, чтобы найти вход. На самом деле вход, конечно, обозначен, даже специально вынесен к улице (не для того ли, чтобы его нашли?). Внутри дома нет одной оси, нет анфилады комнат. Все помещения не нанизаны на что-то,

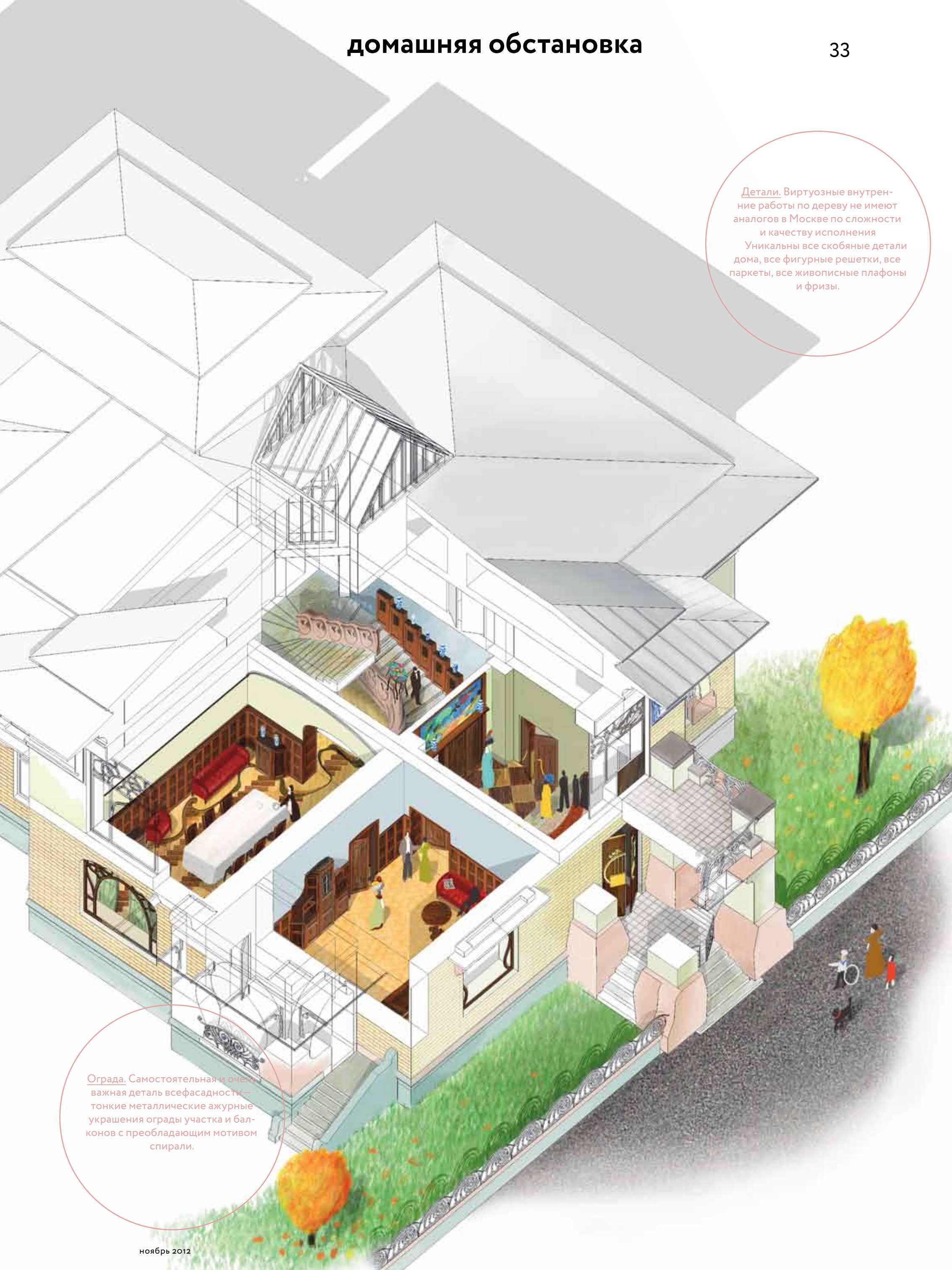
а обходят по или против часовой стрелки что-то. Этим что-то является лестница, ведущая во второй этаж, где располагались жилые комнаты. Но лестница устроена так, что она провоцирует какие-то события на ней: по ней нужно парадно восходить, по ней можно развязно спускаться, под ней можно таинственно прятаться. В принципе архитектура дома достаточно удобная, как будто заставляет хозяев и посетителей жить особой, другой, не свойственной им жизнью. Рябушинский, видимо, умел сдерживать «давление» дома. Но живший в доме в 1930-е годы Горький явно поддался: жизнь его и семьи стала такой драматичной, какой этого хотел дом, созданный Шехтелем. Декаданс настиг жильцов. Интересно, а музейным работником удастся отбиваться? ❦

Лестница. Лестница на второй этаж — композиционный центр интерьера: ее перила выполнены из массивных полированных натуральных мраморных панелей, изображающих высокую волну, на гребень которой вынесло медузу — бронзовый светильник, отделанный фигурным стеклом.

Фасад. На фоне светлой керамической плитки, которой облицован особняк, отлично видна широкая многоцветная полоса мозаичного фриза — на нем изображены цветущие орхидеи.

Окна. Оконные переплеты, часть из которых изображают деревья с плодами, ни разу не повторяются.

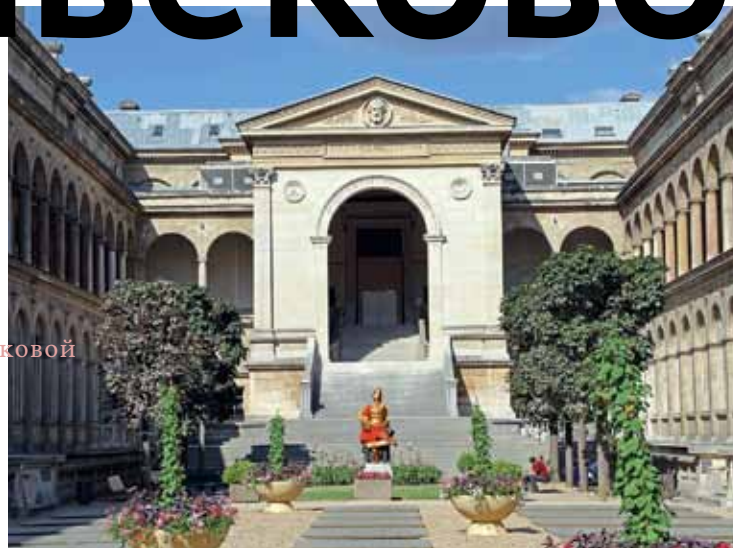

Детали. Virtuозные внутренние работы по дереву не имеют аналогов в Москве по сложности и качеству исполнения. Уникальны все скобяные детали дома, все фигурные решетки, все паркетные, все живописные плафоны и фризы.

Ограда. Самостоятельная и очень важная деталь всефасадности — тонкие металлические ажурные украшения ограды участка и балконов с преобладающим мотивом спирали.

ОКОНЧАНИЕ ТРИНАДЦАТИВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

текст Ренаты Серебряковой

Перед часовней Hôtel-Dieu стоит статуя выдающегося хирурга Гийома Дююитрена. Два раза в год студенты-медики наряжают его в смешные костюмы

Во внутреннем дворе красивый сад с фонтанами

Hôtel-Dieu построен в неоторосканском стиле

Вход в больницу украшает девиз Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство»

Старейшая в Европе больница, существующая с VII века, в ближайшее время прекратит прием больных: власти Парижа склоняются к тому, чтобы устроить в Hôtel-Dieu офис. Работать в нем будут сотрудники сети государственных больниц Франции, 800 человек, предыдущее их помещение продадут, а вырученные деньги потратят на ремонт: Hôtel-Dieu обветшал и не соответствует нормам пожарной безопасности. В историческом здании планируется также устроить музей медицины XX века, междисциплинарный образовательный центр для врачей и т. п. Но лечить людей — точно не будут.

Надо сказать, что тот Hôtel-Dieu, куда собираются переехать медицинские функции — на Place du Parvis Notre-Dame — отнюдь не древняя постройка: это больничное здание появилось в 1870-е годы. Но оно с полным правом может считать себя правопреемником первого Hôtel-Dieu, приюта милосердия, основанного примерно в 660 году

епископом Парижским, месточтимым святым Ландри. Есть версия, что приют появился при часовне Св. Кристофа.

В Средние века приюты существовали на пожертвования, их создавали при церквях, а управляли ими священнослужители. Приюты не ставили перед собой задачи вылечить больных — в них принимали всех, кому нужен был кров и уход: и больных, и голодных, и бездомных, и паломников, и больных заключенных из парижских тюрем. Девизом Hôtel-Dieu было *medicus et hospes* — «доктор и гость». До эпохи Возрождения Hôtel-Dieu был единственным сколько-нибудь лечебным учреждением Парижа, позднее начали появляться специализированные приюты для женщин, для больных чумой и др.

Первые приютские постройки находились справа от будущего собора Парижской Богоматери, напротив современного здания Hôtel-Dieu. Приют был всегда переполнен, несчастных укладывали

по двое и трое в одну кровать, и это несмотря на то что приют все время расширялся. За первые 500 лет существования Hôtel-Dieu занял целую набережную Сены (сейчас это Promenade Maurice Careme), а в XVI веке переправился через реку и расположился на нынешней Quai Montebello. У Hôtel-Dieu были собственные мосты: на Pont au Double построили дополнительные помещения для больных, а Pont Saint-Charles служил местом для их прогулок. В реке стирали белье и перевязочные материалы (монахини-августинки, за это и за уход за больными им давали стол и кров), из реки брали воду для приготовления пищи, в нее же, увы, сливали приютские отходы.

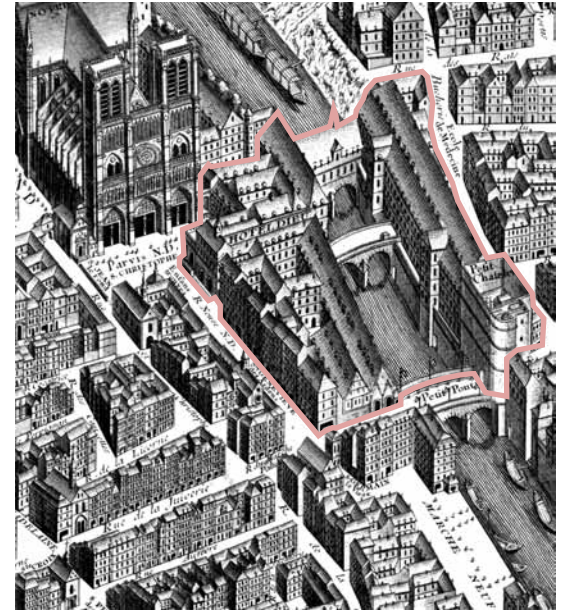
Смертность в Hôtel-Dieu была высока — 20%; сейчас таких показателей не дают даже реанимационные отделения.

В конце XVII века, когда размеры Hôtel-Dieu достигли максимума, случился разрушительный пожар — хаотическое нагромождение разнородных построек к этому

Остров Ситэ в 1909 году. Слева от собора, за деревьями, фасад недавно выстроенного Hôtel-Dieu

Шесть корпусов с палатами, по три с каждой стороны, соединены между собой двумя галереями, образующими прямоугольный внутренний двор

За первые 500 лет существования Hôtel-Dieu занял целую набережную Сены, а в XVI веке переправился через реку. Розовой линией очерчен силуэт Hôtel-Dieu в XVII веке

Вольтер

В Hôtel-Dieu царит вечная зараза, сваленные в кучу больные передают друг другу болезнь и смерть

Исторические интерьеры Hôtel-Dieu не похожи на больницу

Хорошее освещение было одной из основных задач для архитекторов

очень располагало. После пожара городские власти задумались о постройке новой больницы. Известный хирург Жак Тэно, входивший в специальную комиссию по разработке проекта нового Hôtel-Dieu, предложил взять за образец Королевский морской госпиталь в английском Плимуте — в нем главной идеей было соблюдение правил гигиены.

Но нужных денег не нашлось, Hôtel-Dieu просто отремонтировали, а плимутский госпиталь в 1850 году стал образцом для парижской больницы Lariboisiere, а затем, в 1868 году, все-таки и самого Hôtel-Dieu.

Новый проект вписался в масштабную перепланировку Парижа, затеянную бароном Османом. Город в городе, Hôtel-Dieu занимал всю площадь перед собором Парижской Богоматери и определенно мешал амбициозным идеям Османа. Он хотел вывести его за пределы Парижа, но за старинную больницу заступился император Наполеон III.

Новый Hôtel-Dieu решили строить слева от паперти собора, в проекте главное было устроить хорошую вентиляцию и предоставить возможность для разделения пациентов по типам заболеваний.

Архитектором стал Артур-Станисла Дье, построивший не одну больницу в Париже. Ему помогал его тесть Эмиль-Жак Жильбер, главный архитектор Парижа. Сначала здание планировалось трехэтажным, но по ходу стройки из-за узости двора и недостатка света третий этаж разобрали. Новый Hôtel-Dieu, в котором было всего 514 койко-мест (329 терапевтических, 169 хирургических, 16 детских), обошелся в 50 млн франков, строительство заняло 13 лет. Историки утверждают, что проект вышел чрезвычайно дорогим: за эти деньги можно было создать 8000 койко-мест.

В палатах было по два ряда окон и не более восьми коек, а чтобы было веселее выздоравливать, для больных организовали комнаты отдыха. Мужчин передевали

в серые халаты, женщин — в белые рубахи и колпаки. Мужчинам разрешалось курить в палатах трубку и играть в шашки. Во внутреннем дворе разбили красивый парк. Один из корпусов нового Hôtel-Dieu отдали монахиням-августинкам.

С тех пор Hôtel-Dieu принципиально не менялся, он остается одним из самых посещаемых медицинских учреждений Парижа: в нем консультируют в год 300 тыс. больных, а 120 тыс. оказывают неотложную помощь. На модернизацию госпиталя потребовалось бы 250 млн евро, но у Парижа их нет. А значит — прием окончен.

Парижский епископ св. Ландри прославился бесконечным состраданием к бедным и больным. Во время долгого голода он продал все свое имущество и даже церковную утварь, чтобы накормить людей.

Парижский епископ Морис де Сюлли, строитель собора Парижской Богоматери, заодно затеял и обновление Hôtel-Dieu, потребовав от каждого служителя собора жертвовать на приют.

Историческая память о месте

текст Марии Трошиной, фотографии Ивана Ерофеева

Когда-то мечеть имела два минарета. Сейчас единственный восстановленный не используется по назначению

Минбар и михраб — непременные атрибуты мечети

Мечеть на Большой Татарской улице — старейшая в Москве. В разное время её именовали и 1-й Суннитской, и Татарской, и Заречной, и Саудовской, но более распространенное название — Историческая.

Когда мечеть в Замоскворечье была основана — точных данных в архивах города не имеется. Известно, что первый молельный дом для мусульман в Москве появился еще в XVI веке именно в Татарской слободе. Сама слобода в Москве известна с XV столетия. Жили в ней переводчики-толмачи, ремесленники — кожевники и овчинники, временно приезжавшие в Москву купцы, прасолы. Прасолы пригоняли в город табуны лошадей, гурты овец. Московские мусульмане не могли не иметь специального молитвенного помещения. Согласно шариату, им необходимо было собираться как минимум один раз в неделю — в пятницу, для совершения совместного намаза, но они вполне могли довольствоваться и малым — отдельным залом или комнатой в частном доме. Было необязательно, чтобы это помещение имело минарет с полумесяцем и другие атрибуты мечети, — достаточно, чтобы место было просторным и ритуально чистым, и имелся бы ориентир в сторону Мекки.

Поэтому так сложно определить дату основания первой мечети, как бы то ни было просуществовала она недолго. В 1649 году царь Алексей Михайлович специальным указом упразднил все иноверческие (то есть неправославные) храмы и выселил большинство жителей Татарской слободы на дальние московские земли.

Согласно некоторым сообщениям, в 1782 году небольшую по размерам деревянную мечеть якобы построил на своем дворе князь Султан-мурза Сименей, переводчик Коллегии иностранных дел. Князь получил согласие на строительство от императрицы Екатерины II. Мечеть просуществовала до начала XIX века; затем она обветшала и была разобрана.

В начале XIX века было предпринято несколько безуспешных попыток построить каменную мечеть. В 1805 году председатель Оренбургского духовного собрания муфтий Мухамеджан Гусейнов ходатайствовал перед московским генерал-губернатором Александром Беклешовым. В августе 1816 года московские купцы-мусульмане Макай Абдулов, Надран Измайлов, Мирза Ради Наврузов и мулла Абдулла Узбеков подали прошение уже на «Высочайшее имя Императора...».

Лишь в конце 1823 года мусульманское татарское молитвенное общество получает разрешение столичного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына на строительство молитвенного дома на владениях купца Хашалова, но с большим количеством условий. Строение в соответствии с требованиями властей не напоминало мечеть: «Чтобы крику, каковой обыкновенно татарское общество делывали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам, отнюдь впредь производимо не было, и чтобы дом, в коем купец

Вокруг мечети проходит оживленная жизнь общины: это место для встреч и общения

Хамалов может по обряду своему отправлять богослужение, отнюдь строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью».

В июне 1880 года Молитвенное татарское общество добилось разрешения от Московского губернского правления на реконструкцию мечети на Татарской. Имеющееся здание уже не могло вместить выросшую диаспору московских мусульман. Проект был выполнен архитектором Г. Певницким, участковым архитектором Пятницкой части. В результате проведенной перестройки здания оно было расширено по восточному и западному фасадам, над обеими пристройками и над крышей основного объема мечети появились минареты. Вместимость увеличилась до 1500 человек. Именно эта мечеть на протяжении XIX века имела статус Соборной мечети.

В сентябре 1915 года на деньги Садека Ерзина рядом было построено каменное здание медресе, которое сегодня выполняет роль административного помещения. Именно семья Ерзиных стала инициатором возведения в 1904 году новой Соборной мечети в Выползовом переулке.

При советской власти в 1936 году имам татарской мечети Абдулла-хазрат был арестован и расстрелян. В 1939 мечеть закрыли, минарет разобрали. В здании разместился военкомат, а затем типография и мастерские.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов мусульмане Москвы, старейшины и аксакалы татарской диаспоры ходатайствуют о возвращении мечети верующим. В 1991 году здание мечети было передано мусульманской общине. Большую помощь в реконструкции мечети оказал посол Королевства Саудовская Аравия в России доктор Абдель-Азиз-хаджа и министр культуры КСА Ибрагим аль-Анкари. Торжественное открытие мечети состоялось в мае 1993 года.

В большие праздники и по пятницам открыт моельный зал в подвале

Перед входом в моельный зал необходимо снять обувь, для чего установлены стеллажи

При мечети работает воскресная школа

Руфат Сафаевич Ахметжанов,
имам Исторической мечети

Расскажите о жизни мечети.

Мечеть — прежде всего это храм, куда каждый человек ходит поклониться Всевышнему, для того чтобы прочитать молитву. Мечеть в нашем мегаполисе — не только культурное здание, это место, где мусульманин может познакомиться, пообщаться со своими братьями по вере. Это место, где каждый человек, вне зависимости от своего вероисповедания, может получить помощь. Конечно, мы в первую очередь стараемся помогать мусульманам, тем, у кого на это есть основания. При мечети происходит благотворительная раздача мяса на Курбан-байрам, когда сотни мусульман по Москве приносят в жертву барана и какую-то часть оставляют для раздачи на благотворительные цели. Наша мечеть занимается рассылкой литературы по тюрьмам: приходит много писем из мест, не столь отдаленных. При нашей мечети можно получить помощь, если не хватает денег на операцию, если человек остался без средств к существованию, если сгорел дом.

А какую просветительскую деятельность вы ведете?

При мечети действует медресе, воскресная школа. Каждый желающий, не обязательно мусульманин, может получить знания об исламе, научиться читать Коран в оригинале. При нашей мечети есть и курсы арабского языка как иностранного. В языковые группы мы набираем желающих, когда по записи собирается группа, мы начинаем занятия. Также мы помогаем желающим с организацией паломнических поездок.

Мечеть когда-то называлась Татарской...

Исторически так сложилось, что татары жили в этом месте. Сейчас Москва многонациональный город, среди исповедующих ислам много разных национальностей, по-

этому в жизни общины участвуют не только татары. Проповедь в мечети читается на разных языках, в том числе и на татарском.

Давно вы здесь?

Я здесь уже 12 лет. Я татарин и коренной москвич, родился на Сретенке. Происхожу из обычной татарской семьи, которая никогда не оставляла веру. Несмотря на разгул атеизма, в нашей семье сохраняли традиции.

В 1990-е годы, в годы оттепели открылись курсы при мечети на проспекте Мира. Тогда это была единственная мечеть, действующая в Москве. Я их посещал, после окончания школы поехал в Марокко, где была возможность продолжить обучение.

Что значит быть имамом?

Имам, если коснуться лингвистического значения этого слова, то это человек, который возглавляет коллективную молитву, то есть предстоятель. Но имам в нашей стране выполняет самые разные функции: он и юрист, и психолог. Имам — это руководитель общины. У нас в мечети четыре имама, если у одного выходной или он болеет, то его заменяют. Имам обязательно должен присутствовать на молитве, поэтому можно сказать, что это такая работа.

Как происходило возрождение мечети?

В 1990-е годы здесь располагалась типография. Ничто не напоминало о том, что здесь была мечеть. Тогда активисты, прежде всего из татарской общины Москвы, ходатайствовали о возвращении верующим мечети. Я сюда пришел в 2000 году, уже после, но я знал людей, участвовавших в этом возвращении, многие уже ушли в мир иной, но память о них живет.

Представители Турции, арабы помогли и деньгами, и работами — все делалось со-

обща. Мечеть является памятником федерального значения, поэтому регулярно выделяется определенная сумма, то на ремонт крыши, то на замену стекол, в основном на текущий ремонт. Все остальные работы мечеть проводит на деньги общины. У нас была перестилка полов, коммуникаций, за десять лет два раза перестраивали санузлы. Каждый богатый мусульманин обязан помогать неимущим. Это называется закят.

Что людей приводит в мечеть?

В мечеть, как ни грустно, людей приводит горе, когда человек, теряя что-то в своей жизни, начинает задумываться о ее смысле, возвращается к своим корням, начинает молиться, интересуется религией. Есть и любопытствующие.

А что-то вернулось в мечеть из исторических реликвий?

Ничего не вернулось. Более того, внучка последнего имама, который был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности, рассказала, что когда его арестовывали, все конфисковали, и ничего не осталось на память об отце, лишь несколько фотографий и воспоминания.

Для вас имеет значение, что это историческое место мечети?

Это памятник, память о месте, где мусульмане служили издревле, свидетельство того, что они вели свою деятельность на протяжении столетий с представителями других религий на благо государства, в котором они живут и частью которого они являются.

А в архитектурном отношении?

Да, конечно, это важная составляющая памяти, но нужно иметь в виду, что это здание выглядит далеко не так, как до революции, например, не хватает одного минарета. Это лишь попытка воссоздать то, что некогда здесь было. Что касается дореволюционных времен, то надо сказать, что мусульманам всегда было непросто.

Исторически это место моельного дома, который ничем не отличался от окружения. В результате многолетней переписки с властями здание было перестроено и были построены минареты, с которых созывали на молитву. Сейчас для этого нет никакой необходимости. Достаточно вывести динамики на улицу, и все. Конечно, мы соблюдаем законы города Москвы и в утреннее и ночное время этим не пользуемся, призыв к молитве осуществляется без усиления звука. У нас очень мало места, на большие праздники мы не можем вместить всех желающих, и тогда молящиеся стоят до самой «Новокузнецкой». Ведь мечетей в Москве мало, а мусульман много.

Когда-то мечеть была частью большого комплекса, принадлежащего общине, который простирался чуть ли не до Ордынки. Многие постройки остались, но теперь принадлежат различным организациям. Упомяну дом Асадулаева в Малом Татарском переулке, там размещалась татарская школа.

самая гармоничная площадь

текст Александра Фролова, архивные фотографии предоставлены oldmos.ru

Путь, которым Наполеон въехал в Москву в начале сентября 1812 года

Здесь был Смоленский рынок

Место, где стояли Смоленские ворота

Церковь Смоленской Божией Матери на Плющихе. Храм играл большую роль в панорамных видах площади, снесён в 1930-е годы

Фрагмент Смоленского бульвара

Угол Глазовского переулка и Смоленской-Сенной площади. В этом доме были квартиры служащих Рукавишниковского приюта. Примета времени — вывеска над магазином. «Торговля мылом»

Дом Несвицкой (Рукавишниковский приют) в начале XX века. Ещё не пробиты окна третьего, антресольного этажа на фасаде

Вид на Смоленскую улицу и Бородинский мост с МИДа. Образцовый ансамбль социалистического города: симметричные корпуса гостиницы Белград (до перестройки) отмечают начало Смоленской улицы

Высотка Министерства иностранных дел прославил Смоленскую-Сенную площадь на весь мир. А прежние москвичи знали ее как главное место торговли сеном и дровами — с XVII и до начала XX века.

На площадь выходит знаменитый Арбат, с противоположной стороны она ограничена Смоленской улицей, которая спускается к Москве-реке и оканчивается Бородинским мостом. Кроме треугольной части со сквером посередине площадь включает в себя и отрезок Садового кольца к югу от здания МИДа — от Глазовского переулка на внутренней стороне кольца или от Ружейного переулка на внешней.

На старом городском валу

Как всегда на Садовом кольце, место для Смоленской-Сенной площади было определено укреплениями Земляного города. Его обозначили вставшие в 1591–1593 годы на Смоленской дороге ворота. Башня со Смоленскими воротами стояла в углу современной Смоленской-Сенной площади, по оси Арбата. Земляные укрепления по сторонам от башни просуществовали до 1775 года. Поскольку крепость в военных целях давно не использовалась, москвичи приспособили валы под свои нужды. На валах стояли и два казённых питейных дома (то есть государство незаконно заняло удобные места); и деревянные лавки купца Алексеева; и целых восемь мясных лавок. У Арбата стоял каменный дом с лавками купца Мещанинова.

Смоленское окно в Европу

Просто Смоленская площадь, не Сенная, тоже рядом. Это небольшая часть Садового кольца к северу от треугольной площади перед МИДом. Оканчивается она у Проточного переулка, который отходит от Садового кольца на запад прямо за большим домом с башней — домом Жолтовского. Это ещё не все Смоленские названия в этом районе Москвы. С юга

Церковь Троицы на Арбате на углу с Денежным переулком. На месте храма — дом Общества пролетарского туризма и экскурсий, 1934 год, арх. И. А. Голосов и Д. Д. Булгаков

Строительство здания МИДа

от Смоленской-Сенной площади есть Смоленский бульвар. Он тоже часть Садового кольца. Смоленский бульвар начинается у Зубовской площади и плавно переходит в Смоленскую-Сенную площадь: нумерация домов на бульваре и на Смоленской-Сенной единая. Можно ещё вспомнить, что в глубоком прошлом Арбат был Смоленской улицей. Так много всего смоленского в одном месте появилось из-за важности Смоленской дороги. Она ведёт не только в Смоленск, но и в Варшаву, Берлин, Париж.

Ворота для Наполеона

Именно через это «европейское окно» в Москву вошел Наполеон. В сентябре 1812 года русская армия оставила Москву. Вместе с уходящим русским арьергардом в город входил авангард двенадцати языков. Войска шли на столь небольшой дистанции, что иногда перемешивались. Столкновений не было только потому, что на время выхода из Москвы Милорадович заключил перемирие с Мюратом. Наполеон въехал в Москву через Смоленские ворота и далее двигался к центру по Арбату. Император был поражен отсутствием людей в городе, первых москвичей он увидел только близ Арбатской площади, да и те оказались семьей немецкого аптекаря.

Единственное напоминание о прошлом

Современный вид Смоленская-Сенная площадь обрела во второй половине XX века. Единственное дореволюционное здание — доходный дом в стиле интернационального модерна архитектора В. В. Шервуда постройки 1906 года (он значится по Смоленской площади, 6, а не по Смоленской-Сенной). Сложный и даже вычурный декор и сложная композиция с балконами и ризалитами делают этот дом одним из самых приметных зданий города.

Высотка

Но главное и самое запоминающееся здание — МИД, построенное в начале 1950-х годов по проекту В. Г. Гельфрейха и М. А. Минкуса. Разработка проекта началась в 1947 году, в январе 1949 года был готов технический проект здания, а уже в апреле авторы были удостоены Сталинской премии первой степени. Официально считалось, что здание МИДа построено с использованием русских национальных традиций в архитектуре. Как пример такой традиции указывали на ярусность композиции дома. Действительно, боковые корпуса по проекту были шестиэтажные, крылья по 15 этажей, а центр — 27 этажей. Среди архитектурных мотивов в верхней части фасада здания можно увидеть и зубцы, напоминающие кремлёвские. Тем не менее люди, знакомые со строительством в США, сразу же отмечают родство московских высоток начала 1950-х годов с американскими зданиями 1920-х.

До появления завершающей конструкции со шпилем дом на Смоленской-Сенной был почти совсем американским. Возможно, одна из причин дополнения проекта шпилем, который сначала не предполагался, состоит именно в этом.

Здание МИДа было в основном закончено и вступило в строй летом 1955 года. Предполагалось, что оно станет тем центром, от которого начнётся преобразование окрестных кварталов. Невысокая застройка улиц и переулков вокруг должна была смениться домами, размеры которых подсказывали боковые корпуса МИДа. Такие здания должны были стоять на новых широких магистралях, пробитых через старые переулки. Одна из улиц шириной 42 метра должна была пройти вдоль южного крыла высотки в сторону Дворца советов.

Архитектура 1970-х

Треугольная часть Смоленской-Сенной площади получила архитектурное завершение после строительства двух корпусов гостиницы «Белград» в 1975 году. Здания высотой по 21-му этажу симметрично встали по сторонам Смоленской улицы, оформляя западную часть площади. Правда, при взгляде снизу, от Бородинского моста, новые корпуса гостиницы спорят с высоткой. Они оказались сравнимы по объёмам и по высоте, главенство МИДа стало призрачным. Тем более что с 1953-го до 1975 года изменился стиль архитектуры, теперь представительный и сложный в плане, объёмах и отделке МИД соседствует с легкими стеклянными параллелепипедами гостиницы. Авторы «Белграда» — архитекторы В. Г. Гельфрейх, В. П. Соколов и А. А. Кузьмин.

В 2003 году прошла реконструкция гостиницы «Белград». Теперь один из корпусов занимает не гостиница, а офисы. Здания лишились симметрии, над одним из них сделана овальная в плане надстройка, исказившая первоначальный замысел.

Барочные отроги

С юга от здания МИДа, на Смоленской-Сенной площади стоит жёлто-белый небольшой дом с портиком из восьми спаренных колонн (Смоленская-Сенная, 30). В истории архитектуры он известен как дом Несвицкой, а в истории Москвы — как Рукавишниковский приют. Дом был построен в 1740-х–1750-х годах в стиле барокко. Его стены были украшены плоскими криволинейными нишами и окрашены в терракотовый цвет. В 1794 году Н. И. Несвицкая купила дом у Н. М. Желябужского и перестроила его в модном классическом стиле. Дом стал одним из лучших произведений классицизма в Москве. Долгое время его автором считали Матвея Казакова, двухсотлетие кончины которого пришлось на октябрь 2012 года. Но авторству Казакова нет документальных подтверждений.

После пожара 1812 года здание восстановили, немного упростив фасады. С 1878 года в доме располагался Рукавишниковский исправительный приют для подростков. В 1879 году к дворовому фасаду здания архитектор Александр Лаврентьевич Обер пристроил церковь Николая Чудотворца в византийском стиле. Интересный храм не виден с улицы, и мало кто знает о его существовании.

Приют был основан в 1864 году сначала как исправительная школа для малолетних детей, состоящих под следствием или судом, подлежащих отдаче на поруки или остающихся без надзора после суда над ними, а также для детей, занимающихся нищенством. Вскоре школу обязали принимать осужденных, и она стала называться приютом. В ней были дети до 14 лет. Приют был первым подобным учреждением в России.

С 1870 года приют возглавил выпускник физико-математического факультета Московского университета Николай Васильевич Рукавишников. Он видел своей целью исправление малолетних правонарушителей, поощрение их на добрые дела. Была организована правильная работа в мастерских, преподавание общеобразовательных предметов, отдых. В 1873 году император Александр II присвоил приюту название «Рукавишниковский». Его братья выкупили для приюта дом Несвицкой и финансировали строительство Никольской церкви. Приют прекратил существование после 1917 года. Сейчас здание приюта занимает банк.

Дом Несвицкой стоит в глубине участка, за парадным двором. На красной линии площади, загородив дом Несвицкой, в конце XIX века встали три двухэтажных здания городской читальни имени А. Н. Островского. Их построил архитектор Густав Леон Коромальди. В советское время два южных корпуса разобрали, чтоб освободить вид на дом Несвицкой, остался только небольшой третий корпус.

Смоленский рынок в 1917 году, торговля с возов. Лет 200–300 назад торговлю с возов принято было называть Ленивым торжком. На заднем плане дом на углу Новинского бульвара и Проточного переулка

То же место в те же дни начала сентября 1917 года

самодержавное милосердие

подготовили Элиша Зинде, София Алексеева

С начала войны император Николай Второй и члены его семьи чуть не ежедневно стали посещать раненых. Возможно, фотография сделана 1 ноября 1914 года, о чем есть запись в дневнике государя: «В 10 ½ часов приехала Аликс с Ольгой и Татьяной. Радостно было встретиться. Поехали вместе в собор, а потом в два лазарета с ранеными. Погода была холодная и дождливая».

До 1926 года медсестер в России называли сестрами милосердия. В годы Первой мировой войны существовало более 100 общин сестер милосердия. В крупнейшей из них, носившей имя св. Георгия, состояло 1603 сестры.

Почти все общины сестер милосердия находились в ведении Общества Красного Креста под покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая Второго.

Сестринские дипломы были у императрицы Александры Федоровны, супруги Николая Второго, и их старших дочерей, великих княжон Ольги и Татьяны. С началом Первой мировой — в дополнение к существующим госпиталям — стали создаваться лазареты на средства частных лиц. Императрица создала Собственный лазарет № 3 при Царскосельском дворцовом госпитале, в котором трудилась вместе со старшими дочерьми. Младшие, Мария и Анастасия, навещали раненых по воскресеньям.

Николай Второй, император всероссийский (годы правления — 1894–1917). Отрекся от российского престола. Николай Второй и члены его семьи были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. В 1981 году царская семья была канонизирована Русской православной церковью за рубежом, в 2000 году — Русской православной церковью.

По центру, слева направо: великая княжна Ольга, государь император Николай Второй, императрица Александра Федоровна, великая княжна Татьяна

девелоперам нравятся длинные проекты

подготовила Оксана Самборская

Сооружение, переписавшее историю города, — именно такие памятники архитектуры вызывают восхищение московских застройщиков. И как показывают наши опросы, самый восхитительный из них — барселонская Sagrada Família, упомянутая уже третий раз.

Роман Ткаченко, глава представительства RD Group в России

Колонны в храме Святого Семейства, по замыслу Гауди, должны напоминать деревья, а потолок — небо

Когда в 1999 году надземную железную дорогу решили снести, местные активисты предложили сделать там парк

Николай Матушевский, генеральный директор группы компаний Realogic

Мировая архитектура знает множество случаев, когда строительство тех или иных зданий и сооружений растягивалось на многие годы и даже века. Мне представляется, что можно особо выделить самый большой долгострой в мире, а главное, единственный современный пример того, что долгострой становится успешным. По сути, будучи строительной площадкой, объект внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Я имею в виду храм Святого Семейства (Sagrada Família) в Барселоне, который начал возводиться в 1882 году и, видимо, будет завершен в 2026 году — к столетию смерти его архитектора, Антонио Гауди. Здание уникально во всех отношениях: начиная от этапов строительства, сложнейших архитектурных решений, заканчивая самым «частным» в мире инвестором. Строительство ведется на благотворительные взносы, принимаемые по всему миру. Интересен и тот факт, что собранные пожертвования уже превышают необходимую для завершения строительства Sagrada Família сумму, однако сроки не связаны с финансированием. Дело в другом: выполняются беспрецедентные виды работ. Необычные, уникальные формы проекта требуют особого подхода к материалам. Например, каменные блоки, формирующие непростые формы этого сооружения, требуют тщательной подгонки. Это здание может стать хорошим назидательным примером: современный девелопер должен помнить, что он оставляет след в истории.

Я очень люблю архитектурный облик Нью-Йорка. И не только то, как в ряды небоскребов вписываются исторические памятники, такие как вокзал Гранд Централ или неоготические соборы середины XIX века, но и то, как используются и заново рождаются новые архитектурные решения. Вы наверняка знаете о, на мой взгляд, уникальном нью-йоркском парке — Хай-Лайн, расположенном на высоте 10 метров от земли на закрывшейся в 80-х ветке железной дороги. Сейчас там разбит потрясающий парк. Аллея тянется более чем на 2 км. Этот проект демонстрирует, как можно дать старым строениям второе рождение и вписать их в историю города. До парка это была просто «железка». А теперь — это история и, своего рода, визитная карточка города. Или обратный процесс, когда ревитализация позволяет сохранить архитектурный облик исторических строений. Тут же в Нью-Йорке есть такое место, которое мне очень напоминает наш дизайн-завод «Флакон». Это бывший промышленный район XIX века на северо-западе Бруклина прямо под Бруклинским мостом. Возможно, что все исторические строения были бы снесены, если бы не активность художников и галеристов, заселившихся туда. Таким образом искусство стало катализатором для роста благосостояния района. Сейчас там располагается значительный творческий кластер DUMBO.

пробка длинной в сто лет

текст Романа Цеханского, архивные фотографии предоставлены oldmos.ru

Первая запечатлённая московская пробка. Даже после триумфа 1945 года на Тверской всё ГАЗы да ЗИСы, лишь немногие — трофейные БМВ и «Опели»

«Вид Страстного монастыря на Страстной площади», 1853 год, И. И. Шарлемань

Страстная площадь, 1920-е годы. Удачно спланированный разворотный трамвайный круг Долгоруковской линии позволял разворачивать пары вагонов и оставлял площадь в целом пешеходной

Транспортные заторы — отнюдь не новое явление для Москвы: радиально-кольцевая структура города мешала беспрепятственно ездить еще в доавтомобильные времена, а особенно остро проблема встала, когда к конным экипажам добавились механические и сильно возросла деловая активность.

Некогда Страстная, а ныне Пушкинская площадь возникла — как и другие площади Бульварного кольца — после сноса стен и башен Белого города Москвы, в конце XVIII века. Тогда стены заменились бульварами, а на месте бывших ворот возникали перекрестки, переходившие затем в площади.

Страстная была из крупных — помимо проездов бульваров и Тверской улицы на нее выходили еще и Малая Дмитровка, и Большая Дмитровка, и Большая Бронная.

Поначалу ситуация на площади была спокойной. Жители Санкт-Петербурга с его широкими проспектами «склонны были называть Москву «большой деревней» с её живописной пестротой, тихими переулками, бородатыми извозчиками, трусившими по булыжным мостовым» (Б. И. Пуришев «Воспоминания старого москвича»). Кареты были редки — разве что для торжественных случаев. Памятная специальная карета перевозила по Тверской чудотворную Иверскую икону Богородицы (из часовни у Воскресенских ворот) с остановкой для молебна у Страстного монастыря. А так были популярны «ландо» с откидным верхом.

Крупные усадьбы, вроде дома генерал-губернатора на Тверском бульваре, где устраивались знаменитые балы, театры и возможность прогулок привлекали сюда множество транспортных средств, в том числе и карет. Открытие памятника Пушкину в начале Тверского бульвара 6 июня 1880 года привлекло массу людей и экипажей. Площадь вообще часто использовалась для массовых гуляний и многолюдных мероприятий.

Но сначала это были «точечные», кратковременные заторы.

Неизбежная составляющая развития транспорта, регулярные пробки на площади, появились довольно

быстро. Пробки были обусловлены неповоротливостью и тихоходностью гужевого транспорта. Скорость легкового извозчика была 5–10 км/ч, а лихачей лишь в 1,5–2 раза больше. Медленней всех двигались «грузовики» — ломовые извозчики, которые вели своих коней под уздцы шагом.

Московские власти, естественно, пытались бороться с пробками — и методы их борьбы мало чем отличались от нынешних. В частности, пытались запретить движение ломовых извозчиков по Тверской.

Кроме того, скверным было качество дорожного покрытия на московских улицах. Долгое время мостовые были булыжными. Только в 1910–1912 годах начали появляться усовершенствованные покрытия. Участок Тверской улицы от дома генерал-губернатора (нынешнее здание мэрии Москвы, дом 13) до Страстной площади включительно был частично заасфальтирован, частично покрыт деревянной торцовой мостовой. В отличие от Петербурга, торец был не шестигранный, а прямоугольный, как кирпич, и положен местами прямо или по диагонали. После Страстной и до Триумфальной площади Тверская была замощена «кляйн-флястйрем» — мелкой квадратной шашкой на бетонном основании, выложенной дугообразным рисунком. Далее до Смоленского (Александровского, Белорусского) вокзала шла брусчатая мостовая, ровесница такой же мостовой, сохранившейся на Кузнецком Мосту. Страстная площадь была пешеходной, люди свободно передвигались по ней в любом направлении.

Потребность в быстрых поездках у москвичей возрастала, и на площади возникла крупнейшая стоянка извозчиков-лихачей. Дорожная сеть с ними не справлялась: «Легковые извозчики по Тверской ехали плотно друг за другом и нередко над головой пассажира, сидящего в санках, раздавался храп бегущей сзади лошади» (А. Я. Гуревич «Москва в начале XX века»).

Ситуация стала выправляться после прокладки здесь в 1872 году первой в Москве линии конно-железной дороги в сторону Бутырской заставы. Множество людей, пересевшие на общественный транспорт, вздохнули с облегчением: пропускная способность

конок во много раз была выше. По Тверской москвичам можно было добраться до загородного Петровского парка, до ресторана «Ярь» и т. д. Полезнейший внутригородской маршрут конок шёл по Бульварному кольцу. Крутой подъём на Страстную площадь от Страстного бульвара пара лошадей преодолевала с трудом, приходилось впрягать на Трубной площади дополнительную пару, а потом сверху под уздцы везти лошадей обратно.

Техническая революция рубежа XIX–XX веков заменила лошадей на более совершенные технические средства передвижения — трамвай и автомобиль. На Страстной площади впервые в 1899 году конку сменил трамвай, сделанный в Коломне. На площади для остановки трамваев в 1909 году построили красивый павильон-остановку в стиле модерн (с магазинчиком и общественным туалетом).

Старый гужевой транспорт не сразу ушёл в прошлое. Он спокойно перешёл в разряд того, что ныне мы именуем такси.

Первый «извозчик на автомобильной тяге» также оформился на Страстной площади в 1907 году. Стоянка красивейших открытых авто была под колокольней Страстного монастыря, сменив находившуюся там стоянку (биржу) извозчиков.

В дальнейшем время произошло перемещение практически всего общественного транспорта под землю — в метро. Крупный пересадочный узел из трёх станций находится на приличной глубине под площадью и более всего рассчитан на транзитных пассажиров. А наземный общественный транспорт сократился до минимума. Сейчас почти каждый москвич может купить себе машину, так что мы вернулись к ситуации рубежа XIX–XX веков — к пробкам. Только обусловлены они теперь иными причинами. Выход из этого подсказан историей: максимальное развитие общественного транспорта. Гармоничное соотношение личного и общественного транспорта характерно для городов с охраняемым историческим центром.

Из всех до-революционных остановок общественного транспорта только деревянный павильон «Красностуденческий проезд» на улице Дубки чудом дожил до наших дней >

Императрица Александра Фёдоровна в Страстном монастыре в 1901 году. Даже царские особы любили прокатиться в универсальных бричках — популярных «ландо» с откидным верхом >

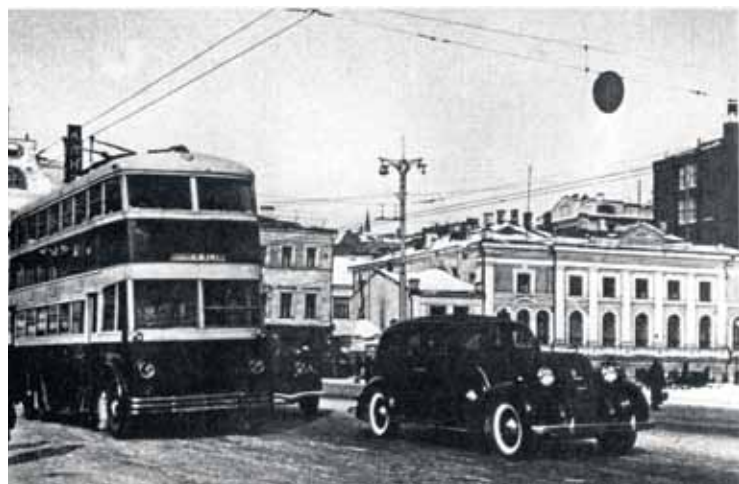
Скорая помощь

В 1898 году на пожертвования купчихи Анны Ивановны Кузнецовой в Москве появились кареты скорой помощи, развозившие уличных больных по станциям скорой помощи. Сначала станций было две, при Сущевском и Сретенском полицейских участках, на каждой было по одной карете. В карете ехали врач, фельдшер и санитар, была укладка с лекарствами и перевязочными материалами. Вызовы принимались только на улицы, на квартиры ездить скорым было запрещено.

До появления карет пострадавших обычно подбирали полицейские, пожарные, иногда извозчики; доставляли подобранных в приемные покои при полицейских домах.

Затем скорые появились при каждом полицейском участке — финансирование экстренной медицины постепенно перешло к государству. В связи с малым количеством частных телефонов полицейская часть входила в соглашение с их владельцами на своей территории, чтобы круглосуточно можно было вызвать скорую помощь. Право вызова скорой помощи имели только официальные лица — полицейский, дворник и ночной сторож. Кареты кроме оказания первой помощи на улицах стали также перевозить тяжелых больных из квартир в больницы. Обо всех значительных происшествиях за дежурство докладывалось старшему врачу полиции.

В 1912 году, и опять за счет частных пожертвований, удалось создать станцию скорой помощи и оборудовать санитарный автомобиль. Станция эта была открыта на Долгоруковской улице.

До 1890 года на площади торговали сеном и дровами, и в дальнейшем здесь был мини-рынок >

Выезд пожарных Пречистенской части в начале XIX века (неизвестный художник) >

Уникальный двухэтажный советский довоенный троллейбус, преемник двухэтажной конки <

Пожарные

С середины XIX века мерное течение жизни Тверской улицы регулярно нарушалось выездами пожарных команд из Тверской полицейской части — она располагалась в Тверском частном доме, там, где сейчас стоит памятник Юрию Долгорукому. Полицейский участок соседствовал в этом доме с тюрьмой и пожарными, для которых была встроена также и каланча.

На каланче для информирования обывателей вывешивались при пожарах шары, от одного до пяти, количество их зависело от того, насколько силён был огонь. Поэтому доставление пьяных и буянов в полицейскую часть, как пишет Гиляровский, называлось в разговорном московском языке «попасть под шары».

Пожарных частей в Москве был десяток, по настоянию полицмейстера Николая Ильича Огарева каждая из них комплектовалась лошадьми отдельной масти. Тверские пожарные ездили на желто-пегих битюгах.

«Мимо генерал-губернаторского дома громыкает пожарный обоз: на четверках — багры, на тройке — пожарная машина, а на парах — вереница бочек с водой. А впереди, зверски дудя в медную трубу, мчится верховой с горящим факелом, — пишет Гиляровский. — И громыкают по булыжным мостовым на железных шинах пожарные обозы так, что стекла дрожат, шкафы с посудой ходуном ходят, и обыватели бросаются к окнам или на улицу поглядеть на каланчу».

С 1908 года появились пожарные автомобили — небольшие машины с прикрепленной наверху раздвижной лестницей, — но и гужевого транспорта никуда не делся: лошадиный обоз с водой догонял автомобиль брандмайора.

Пожарная команда, 1900-е годы <

почему у нас сегодня социальная архитектура такая невыразительная?

подготовил [Алексей Кириллов](#), иллюстрация [Екатерины Даугель-Дауге](#)

[Анна Щетина](#), руководитель архитектурно-дизайнерского бюро «Терра»

Проблема в том, что сейчас у нас не отработана система заказов. Конкурсы выигрывают неадекватные архитектурные компании, которые занижают цены до такой степени, что нормальный архитектор уложиться не может. И работают люди, которые ничего нового придумать не могут. Да и деньги выделяются не всегда адекватные масштабам заказа. Государство не желает тратить на социальную архитектуру. На Западе это проекты знаковые, их делают не так много, проводятся открытые конкурсы, вкладываются очень большие средства, применяются новейшие технологии... Социальная архитектура — это проявление состояния общества.

[Александр Кривов](#), директор Национального градостроительного института

Я не стал бы говорить, что социальная архитектура у нас маловыразительная. Социальные объекты — это стадионы, вокзалы, музеи. Вот строящийся стадион «Зенит» в Петербурге — социальный объект. Он отличается выразительной архитектурой, проект участвовал в международных конкурсах. Магазины — тоже социальная архитектура. Да, она невыразительна, но она и не должна быть выразительной, она чисто функциональная. Здесь никаких излишеств быть и не должно.

[Михаил Боярский](#), актер

Главное значение принимает функциональность зданий, а не то, чтобы они радовали глаз. Архитекторы уже не творцы, а ремесленники, и как все рабочие люди, они стараются сэкономить.

[Владимир Плоткин](#), архитектор

Социальные объекты должны быть недорогими, но, к сожалению, эту недороговизну у нас переносят и на проектирование. Для того чтобы социальная архитектура была яркой и выразительной, проекты нужно отдавать самым грамотным и авторитетным архитекторам. Так происходит за рубежом. Мы продолжаем строить по типовым проектам, только ухудшенным.

[Сергей Семенов](#), коммерческий директор ГК Facilicom

Наша социальная архитектура формировалась ещё в советское время, с тех пор мало что изменилось. Но все предпосылки для развития нового направления есть. Другое дело, что вопрос качества социальной архитектуры вторичен по сравнению с качеством архитектуры жилья. Есть удачные примеры крупных госпроектов, таких как Сколково и спортивные объекты в Сочи, несколько образовательных и дошкольных учреждений в Москве. Думаю, надо ввести обязательную практику конкурсов среди архитекторов и дизайнеров — на разработку концепций социальной архитектуры.

[Марат Гельман](#), директор Музея современного искусства PERMM

Главной проблемой считаю службу заказчика — государство у нас не является профессиональным заказчиком. Проблема, как ни странно, и в законодательстве, при котором построить что-то хорошее практически невозможно. В Европе любой социальный объект — это момент престижа, у нас же закон требует не лучшее, а самое дешевое.

[Константин Михайлов](#), координатор общественного движения «Архнадзор»

Современная социальная архитектура так же невыразительна, как и любая другая современная архитектура. Я знаю считанные образцы хорошей архитектуры и крайне мало людей, которых можно считать мастерами в этом деле. И дело не в государственном заказе: к счастью, государство не заказывает архитектурный стиль, максимум — размеры и функциональные особенности. Проблему, наверное, можно было бы решить открытыми конкурсами — с широким публичным обсуждением проектов и привлечением экспертов и специалистов.

[Борис Бернасconi](#), архитектор, автор Гиперкуба — первого здания в Сколково

В социальной архитектуре у архитектора нет простора, а есть масса ГО-СТов, согласований и урезанных бюджетов. К строительству школы такие требования, которые не дадут сделать что-то красивое и запоминающееся. Тем более сейчас, в век «заводской» архитектуры, строятся в основном типовые здания, творчества нет, оно не выгодно и никому не нужно. Людям, которые считают деньги, нужна не красота, а функциональность и сроки.

[Александр Цимайло](#), архитектор

В Европе подобные объекты имеют общественный резонанс, а у нас они мало кого интересуют. Хотя уверен, что и наши люди были бы рады, если бы в каждом районе появились яркие нестандартные детские сады, поликлиники, муниципальные здания. Сейчас ситуация начинает потихоньку меняться, и чиновники понимают, что на создании в городе комфортной и красивой среды тоже можно заработать определенный политический капитал. Один из ярчайших примеров — парк Горького: если есть политическая воля и профессиональная команда, все возможно.

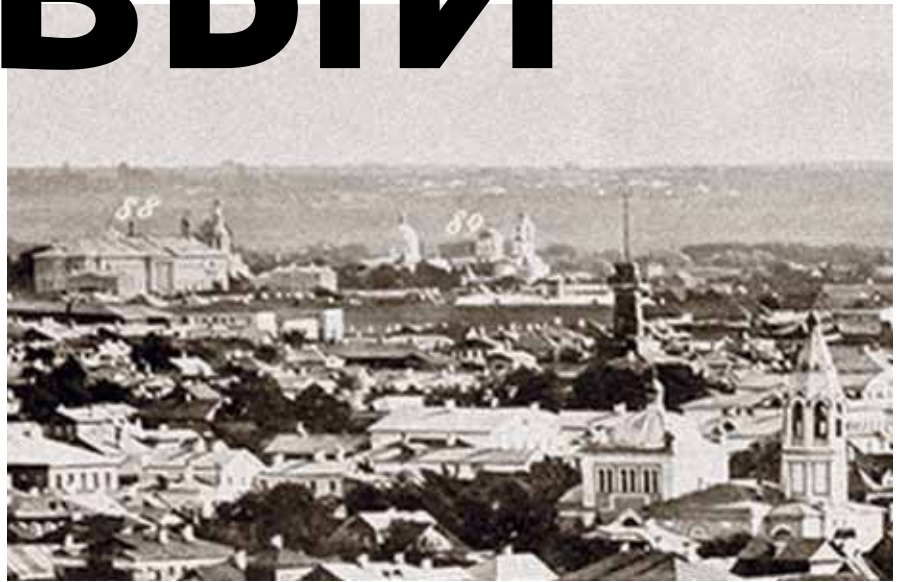
[Николай Переслегин](#), советник руководителя Департамента культурного наследия города Москвы

Корни этой проблемы достаточно глубоки. Первопричиной стало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»: при Хрущеве стали бороться с вычурностью. Хрущевский стиль — это стиль деградации, обезличивания. Может, мотивация и была положительной, попыткой рационализировать архитектурное искусство. Но по факту это привело к высушиванию архитектурного ландшафта: архитектор из представителя творческой элиты превратился в чертежника-ремесленника, в винтик в бесконечной бюрократической системе гигантских проектных институтов, необъятных моспроектов и ДСК, которые выпускали архитектуру с конвейера. Это же привело к распаду Академии архитектуры СССР и к развалу московской архитектурной школы: студентов перестали учить думать и декларировать новые архитектурные идеи и концепции, заменили процесс обучения зазубриванием СНиПов и ГОСТов.

В 1991 году, когда страна столкнулась с новой реальностью, архитекторы получили возможность строить и самовыражаться, но по сути делать хорошо это никто не умел. Предшествующие 30 лет вся система была ориентирована на минимизацию индивидуальности архитектора и на работу с примитивными строительными материалами. И архитекторы, крайне плохо владевшие профессией и никогда ничего не строившие, стали учиться проектировать «по-живому», в процессе работы.

СЧАСТЛИВЫЙ ЮЖНЫЙ СЕКТОР

Павловская больница (слева) и церковь Марона Пустынника

текст **Владимира Седова**,
круговая панорама Москвы сделана фотографической фирмой «Шерер и Наболец» с храма Христа Спасителя в 1867 году;
современная панорама с той же точки — в 2009 году. Все материалы предоставлены фондом «Московское время»

На этой части панорамы Москвы помещается почти всё Замоскворечье, его западная половина, которая была чуть побогаче восточной (что осталось и сейчас). Кроме того, видны были и ближайшие окрестности за Садовым кольцом: больницы, богадельни, слободские храмы, монастыри. Удивительный силуэт, не уступающий, даже превосходящий Арбат или Покровку. Десятки храмов, низкая жилая застройка, редкие гражданские здания — город храмов, какой-то равнинный Новый Иерусалим. Са-

мое удивительное, что большинство храмов, видных на панораме 1867 года, дошло до нашего времени. Объясняется это тем, что Замоскворечье было провинцией внутри Москвы и планы сталинской и хрущевской реконструкции столицы его не очень затронули. Из приведенного списка храмов «смахнули» три, причем два из них — в начале 1970-х годов, к приезду американского президента Никсона. Вот почему этот район «счастливый»: здесь очень многое осталось на своих местах, очень многое можно найти

внимательному москвичу. Но для того чтобы «попасть» в этот район, нужно зрительно и физически продрааться через высокие здания, его обрамляющие и даже частично его же насыщающие. Эти высотные объемы, которых понастроили множество, закрывают большинство памятников, отчего в современной панораме можно увидеть только два-три объекта. Так что в этом секторе нужно быть внимательным: он не открывается в панораме, не виден сразу, в него нужно проникнуть.

утраченные «вертикальные акценты» (памятники сохранились)

8
Церковь
Георгия
на Всполье

9
Церковь Спаса
на Болвановке

10
Церковь
Флора и Лавра
на Зацепе

11
Симонов
монастырь

12
Церковь
Успения
в Казачьей

13
Солодов-
никовская
богадельня
с церковью
Михаила
Архангела

14
Церковь
Иоанна Воина
на Якиманке

15
Церковь
Троицы
на Шаболовке

Церковь Флора и Лавра на Зацепе у нынешнего Павелецкого вокзала (слева) и колокольня Симонова монастыря (справа)

утраченные памятники

16
Церковь
Иоакима
и Анны
на Якиманке

17
Церковь Спаса
Преображения
в Наливках

18
Якиманский
полицейский
дом

19
Церковь
Казанская

«вертикальные акценты» (памятники сохранились)

1
Церковь
Троицы
в Вишняках

2
Церковь
Григория Нео-
кесарийского
на Полянке

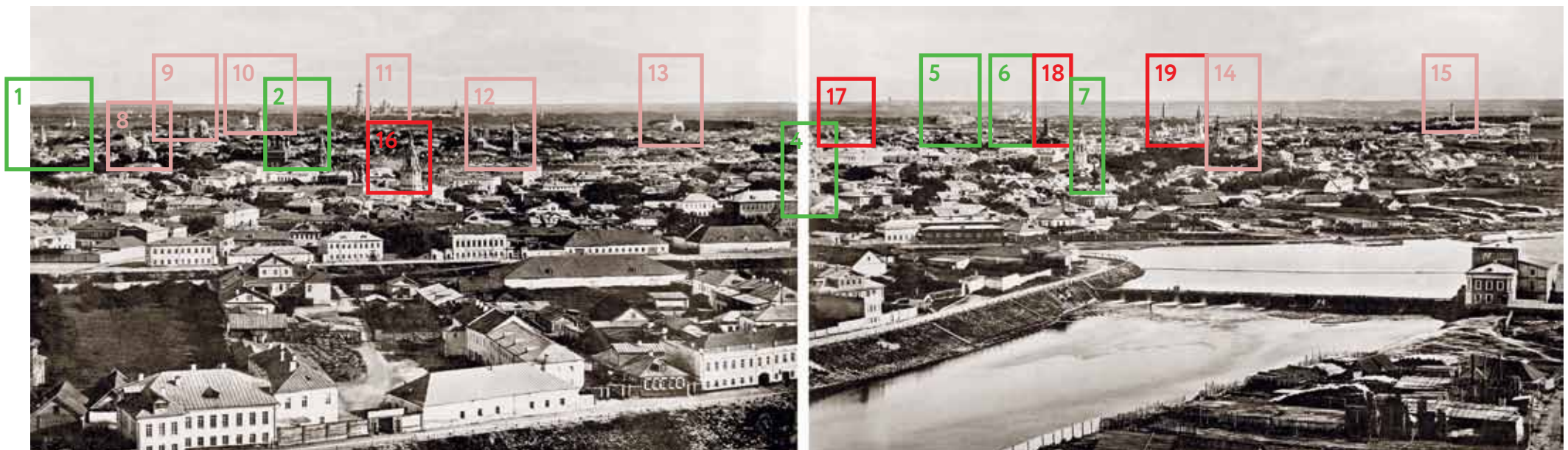
3
Церковь
Иверской
Богородицы
на Полянке

4
Церковь
Николаи
в Голутвине

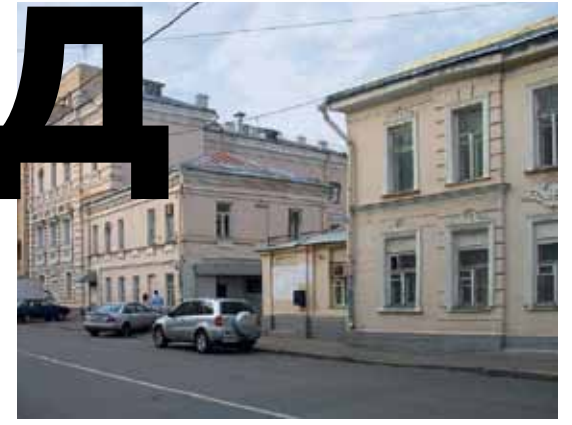
5
Павловская
больница

6
Данилов
монастырь

7
Церковь
Марона
Пустынника

победа над ампиром

Почти 200 лет гармонии закончились

подготовили Игорь Груберт, Яна Миронцева

Усадьба купцов Алексеевых была поставлена на углу улицы Бахрушина (бывшая Лужнецкая улица, дом 11, стр. 1) и Большого Татарского переулка. На самом углу стоял двухэтажный дом 1817 года, замечательный, компактный и многослойный одновременно. Его фасад, выходящий в переулок, сохранял строгость и простоту ампира, здесь было немного декоративных форм. А на главном фасаде, выходящем на улицу, сохранялся первоначальный представительный декор ризалита с рустом. На этом фасаде поверх ампира был когда-то нанесен еще и эклектический лепной декор, так что здание было своеобразным палимпсестом. Левее по улице стоял еще двухэтажный флигель, тоже сохранивший свой ампирный строгий декор, и примыкавший к нему доходный дом с эклектической необарочной лепниной на фасаде. Все вместе образовывало если не ансамбль, то комплекс, в котором отчетливо выделялась ампирная тема, свидетельство послепожарной застройки Москвы.

На этом плане дом купцов Алексеевых в первоначальном виде — с мезонином

Такой усадьба была перед сносом

К протоколу №17 от 25 июля 2006г заседания рабочей группы Комиссии по вопросам сохранения зданий в исторически сложившихся районах г. Москвы при Правительстве Москвы

За шесть лет до сноса московские чиновники и эксперты считали, что по крайней мере часть усадьбы Алексеевых стоит сохранить

Но уже через год решили, что снести можно, если сделать обмеры фасадов

СЛУШАЛИ: 7. О сносе строений в связи со строительством административно-офисного здания

1. Заказчик	-ООО «Экобытсервис»
2. Адрес, наименование объекта	-ЦАО, район «Замоскворечье», ул.Бахрушина, д.11, административно-офисное здание
3. Основание	-Инвестиционный договор №0530 от 12.12.05
4. Перечень строений, предложенных к сносу:	- ул.Бахрушина д.11 стр.1,2; д.11/48 стр.1,2,3,4
5. Докладчики	-Пастернак Б.Е.(ЗАО«ЦИГИ») Андреев Б.В.(ООО«Арка»)

Решение

- Отклонить предложение о полном сносе строений: ул.Бахрушина д.11 стр.1 и 2; д.11/48 стр.1, представляющих историко-архитектурную ценность.
- Согласиться со сносом строений ул.Бахрушина д.11/48 стр.2,3,4 как не имеющих самостоятельной историко-архитектурной ценности. Физический снос строений не производить до согласования проектной документации по регенерации застройки владения в установленном порядке.

ЭКОС (Шередега В.И., Пастернак Б.Е., Андреева Е.Е.)
МГО ВООПИиК (Королев С.В.)
ГУП «Моспроект-2» (Матюшина И.В., Никулина Е.Г.)
ГУП «ЦНИИ Генплана г.Москвы» (Бодз Б.В.)

Председатель рабочей группы

Секретарь рабочей группы

В.И.Чернышенко

Н.И.Артазей

1

2

Секретарь Комиссии

Н.И.Артазей

«Утверждаю»
Первый заместитель Мэра Москвы
в Правительстве Москвы

В.И.Ресин

ПРОТОКОЛ
заседания Комиссии по вопросам сохранению зданий
в исторически сложившихся районах г.Москвы

26 февраля 2007 г.

Председатель: Ресин В.И. — первый заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы

Присутствовали члены Комиссии и представители организаций:

Шевчук В.А., Чернышенко В.И.,
Кучеев А.Л., Науменко Г.И.,
Артазей Н.И.
Любимов Е.А.
Маланичева Г.И.
Королев С.В.
Кудрявцев А.П.
Шередега В.И.
Федоров С.Ю., Чапаев А.М.
Артемов А.В.
Коломеева Г.И.
Никулина Е.Г.,
Оболеский А.Н., Елисеев В.А.
Делисов В.Ю., Плешаков А.П.
Ковалдо Ю.Б.
Пекшев В.Г., Третьяков Б.А.

-Москомнаследие

-Москомархитектуры
-ЦС ВООПИиК
-МГО ВООПИиК
-ЭКОС

-Префектура ЦАО
-МОСХ

-Департамент имущества

-ГУП «Моспроект-2»

-ООО «ТРАНСАЭРО

ТУРС ЦЕНТР»

-ГУП «НИИОСП

им.Н.М.Герсеева»

-Посольство Республики

Беларусь

-ОАО «Мосинжстрой»

-ЗАО «Урбис»

-ООО «Фирма АР СС»

-ООО «Арка»

-ООО «Экобытсервис»

Слушали: 4. О сносе строений: ул.Бахрушина, д.11, стр.1,2; д.11/48, стр.1, в связи со строительством многофункционального комплекса

Заказчик- ООО «Экобытсервис»

Проектная организация -ООО «Арка»

Докладчики – Шередега В.И.(историко-архитектурные

исследования)

Колосницын В. В. (предпроектные предложения)

Решили:

Согласиться со сносом предложенных строений при условии выполнения обмеров фасадов строений, выходящих на улицу Бахрушина.

ЭККОС

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ при Главном архитекторе города Москвы

103754 Москва, Триумфальная пл., д.1., ком. 520 ☎ 250-47-42

Бюро ЭКОСа
при Главном архитекторе г. Москвы
от 15 мая 2007 года

ПРЕДПРОЕКТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО РЕГЕНЕРАЦИИ ТЕРРИТОРИИ И СТРОИТЕЛЬСТВУ ГОСТИНИЧНО-ДЕЛОВОГО КОМПЛЕКСА по адресу: улица Бахрушина, вл. 11 (для составления АРИ)

Заказчик: ООО «ПИК «ЭКОБЫТСЕРВИС»
Проектная организация: ООО «АРКА»
Авторы проекта: С.Б.Ткаченко, В.В.Колосницын, Е.Ю.Смирнова
Историко-архитектурное обследование: ЦИГИ, В.И.Шередега, Б.Е.Пастернак
Визуально-ландшафтный анализ: «Моспроект-2», мастерская № 20, Е.Г.Никулина, И.В.Крымова

Проектные проработки по данному участку, где планируется размещение гостинично-делового комплекса, велись на вариантной основе. В процессе консультаций и согласований первоначальное объемно-пространственное решение претерпело изменения в связи с необходимостью адаптации нового объема к историко-градостроительной среде. К настоящему времени в установленном порядке принято решение о разборке всех существующих строений, выполнен и согласован проект корректировки охранной зоны с исключением большей части проектной площадки из ее территории. Проектное предложение представлялось на рабочем рассмотрении у Главного архитектора города и получало одобрение.

Учитывая проведенные согласования и решения предельных вопросов, Бюро ЭКОСа в целом согласовывает предпроектное предложение для оформления АРИ. Тем не менее, Бюро ЭКОСа констатирует, что реализация данного проектного предложения продолжит тенденцию формирования крупных объемов в Замоскворечье, поддерживая процесс трансформации градостроительной среды района. В связи с этим рекомендуется разработать дополнительный вариант с воссозданием исторического углового объема по архивным чертежам, что даст возможность новому комплексу вписаться в градостроительный контекст.

Председатель ЭКОС,
Президент РААСН А.П.Кудрявцев
Ученый секретарь ЭКОСа Е.Г.Никулина

Усадьба Алексеевых должна была исчезнуть — и исчезла, чтобы на ее месте появился гостинично-деловой комплекс, адаптированный к историко-градостроительной среде

Культурным наследием усадьбы Алексеевых оказалось считать неправомерно

СЛУШАЛИ:

1. Адрес: г. Москва, ул. Бахрушина, д.11, стр.1
Объект: Главный дом городской усадьбы купца Федора Алексеевича Алексеева, 1817 г.

Заявитель: Ю.В. Мезенцева, А.А. Фролов
Докладчик: Б.Е. Пастернак (ЗАО «ЦИГИ»)
Экспертиза: В.М. Косогорова (Москомнаследие)

Предмет рассмотрения: определение историко-культурного значения объекта, проект предмета охраны, проект границ территории объекта.

1.1. Выступили:

Докладчик:
1.1.1. Б.Е. Пастернак: Представил сведения по истории формирования домовладения в целом и строения 1. В основе строения 1 находится объем 1813-1817 гг. Владение в это время принадлежало купцу Ф.А. Алексееву. В 1842 году над восточной частью здания был надстроен второй этаж, а в 1877 году появилась одноэтажная пристройка с северной стороны здания. Комиссия по вопросам сохранения зданий в исторически сложившихся районах Москвы под председательством В.И. Ресина (протокол от 26.02.07 г.) согласилась со сносом строения, при условии выполнения обмеров фасадов строения, выходящих на ул. Бахрушина. Учитывая ранее принятые решения по зданию, считать вопрос о придании статуса объекта культурного наследия строению 1 неправомерным.

Экспертиза:

1.1.2. В.М. Косогорова: Отметила, что при реконструктивных мероприятиях в советский период исторические строения домовладения потеряли первоначальную планировочную структуру и архитектурную обработку фасадов. В настоящее время разработан и прошел все стадии согласования проект строительства гостиничного комплекса. Предлагается отнести строение 1 к объектам историко-градостроительной среды.

Члены секции и ИКЭС:

1.1.3. А.Е. Филяев, Г.И. Пауменко: Предложили поддержать выводы исследователей об отнесении строения 1 к объектам историко-градостроительной среды.

1.1.4. Т.Д. Божуткина: Сообщила, что данное домовладение рассматривалось на заседании Экспертной комиссии в связи с корректировкой границ объединенной охранной зоны № 93 и на Научно-методическом совете Москомнаследия, поэтому история формирования домовладения и оценка строений, входящих в состав владения уже проводилась. Предлагает поддержать выводы экспертизы об отнесении строения 1 к объектам историко-градостроительной среды.

1.2. Принято решение с учетом голосования:

утвержденный Распоряжением правительства Москвы № 2847-ПП от 2.12.2008 «О проектировании и строительстве гостиничного комплекса по адресу: ул. Бахрушина, вл. 11», в котором, в частности, ООО «Экобытсервис» разрешается, в целях реализации инвестиционного договора от 12.12.05 №0530, «строительство гостиничного комплекса в рамках применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной среды ... на месте сноса существующих зданий по адресу: Бахрушина ул., д.11, стр.1,2, д.11/48, стр.1,2,4».

Таким образом, учитывая ранее принятые решения, вопрос о придании статуса выявленного объекта культурного наследия строениям по указанному адресу представляется не правомерным.

Главный архитектор ООО «Центр историко-градостроительных исследований» Б.Е. Пастернак
2366773, 2366281

3

4

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ГОРОДА МОСКВЫ (МОСКОМНАСЛЕДИЕ)

Пятницкая улица, д.19, Москва, 115035
Телефон: (495) 953-20-79 Факс: (495) 951-06-03 E-mail: info@guor.msk.ru http://www.mos.ru
ОКПО 00652228, ОГРН 1027700151170, ИНН/КПП 7705021556/770501001

РАЗРЕШЕНИЕ

на производство работ по сносу объекта ДЕЙСТВИТЕЛЬНО до 30.08.2009
от 16.08.2008 № 16-19/0014-1334/8

Настоящее разрешение выдано <указать полное наименование физического или юридического лица>:
ООО «Экобытсервис»

на производство работ по сносу объекта недвижимости (здания, строения, сооружения), расположенного по адресу:
ул. Бахрушина, д.11, стр.1,2
ул.Бахрушина, д.11/48, стр.1,2,4

Настоящее разрешение выдано в соответствии с пунктом 2.2 постановления Правительства Москвы от 26.12.1995 № 1015 «Об уточнении порядка рассмотрения вопросов сохранения объектов историко-градостроительной среды в исторически сложившихся районах г. Москвы» и решением Комиссии по рассмотрению вопросов сохранения зданий в исторически сложившихся районах г. Москвы, протокол № 17 от 26.02.2007

Первый заместитель председателя И.А.Светина
Руководитель структурного подразделения В.Е.Грамов
Ответственный исполнитель В.М.Косогорова
Разрешение получил

<указать дату, должность, Фамилию И.О.>

Московское правительство уточнило порядок рассмотрения вопросов сохранения историко-градостроительной среды — и выдало разрешение на снос

Теперь, когда усадьбы нет, можно попытаться хотя бы не создавать нового вертикального акцента

5

6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

«МОСПРОЕКТ-2» им. М.В. Посохина

123056, Москва, 2-я Брестская ул., 5 • Тел./факс 251-81-87 • Мастерская ТАНТОС

Исх. №505 от 7.00.07
На № 21-05/07 от 21.05.07

Директору ООО «Экобытсервис»
Чеглакову И.Л.

Заключение
на Предпроектные предложения по регенерации территории и строительству многофункционального комплекса по адресу: ул. Бахрушина, 11, р-н «Замоскворечье», ЦАО.

В соответствии с Градостроительным планом развития территории района Замоскворечье, утвержденным Постановлением Правительства Москвы № 1018-ПП от 17.12.2002г., предусмотрена реорганизация территории с сохранением исторической застройки вдоль ул. Бахрушина и Б. Татарского переулков, и заменой малостажной, ветхой застройки в режиме регенерации вдоль Б. Татарской улицы. Актуализацией Градплана развития территории района Замоскворечье, рассматриваемый участок включен в территории возможных преобразований.

Научно-методическим советом Москомнаследия Протокол №138 от 27.12.2006, принято решение о корректировке границ объединенной охранной зоны №93, в которую входит рассматриваемый участок. Постановление Правительства Москвы по данному решению № 377-ПП от 15.05.2007г.

Корректировка охранной зоны, предполагает включение в её границы застройки вдоль улицы Бахрушина в пределах рассматриваемого владения. Остальная часть владения имеет режим зоны строгого градостроительного регулирования.

Получено разрешение на снос всех строений на территории владения. Протокол от 26.03.07 Комиссии по вопросам сохранения зданий в исторически сложившихся районах Москвы.

Предпроектными предложениями предлагается размещение многофункционального комплекса, включающего: апартаменты (8,6тыс.кв.м), гостиницу(5,76тыс.кв.м), объекты обслуживания(4,56тыс.кв.м), административные помещения(3,96тыс.кв.м) со следующими параметрами:

Площадь участка	0,34 га
Площадь застройки	2980кв.м
Общая площадь	39435кв.м
- в т.ч. надземная площадь	24435кв.м
подземная площадь	15000кв.м

Этажность	14-10-5 этажей
Верхняя отметка	49,5 м
Вместимость автостоянки (5 подземных уровней)	420м/м

Из Петровского в Разумовское

Маршрут №7
10 км

текст, графика, фото Александра Васина

Петровский путевой дворец — Клиника доктора Усольцева — Тимирязевский парк — Петровская академия — Лиственничная аллея

0 км

Два Петровских — Петровский путевой дворец и Петровская сельскохозяйственная академия — два центра, объединивших вокруг себя архитектурные памятники, пусть и не относящиеся к одним эпохам, но связанные между собой двумя темами. Тема первого центра — Сила, тема второго — Знание.

Наш путь начинается от станции метро «Динамо», открытой в 1938 году на территории Петровского парка. Вестибюли станции спроектированы Д. Н. Чечулиным, скульптурные фризсы со спортивным сюжетом, а также медальоны на самой станции выполнены Е. А. Янсон-Манизер, супругой скульптора М. Г. Манизера.

На противоположной стороне Ленинградского шоссе когда-то было Ходынское поле, на котором в 1896 году на гуляниях по случаю коронации Николая II произошла давка, где пострадало несколько тысяч человек.

2,5 км

Петровский путевой дворец **1** (Ленинградский просп., 40), спроектированный М. Ф. Казаковым по указу Екатерины II, был возведен в 1776–1780 годах в честь успешного завершения Русско-Турецкой войны. Поставленный за версту до первой московской заставы, на землях сельца Петровского (принадлежавшего Высоко-Петровскому монастырю — древнейшему московскому монастырю, расположенному на ул. Петровка), дворец был предназначен для отдыха высоких особ перед въездом в столицу. Кроме русских императоров здесь побывал даже один иностранный — Наполеон, в сентябре 1812 года ожидавший ключи от старого Кремля.

С 1920 года во дворце располагалась Военно-воздушная инженерная академия имени Жуковского. В 1997 году здание было сильно реконструировано и превращено в Дом приемов московского правительства (можно сказать, восстановлено первоначальное назначение). В настоящее время дворец закрыт для экскурсий.

Интересные здания, находящиеся вокруг Петровского парка: бывший ресторан «Эльдорадо» **2** (ул. Красноармейская, 1), в котором находился Дом офицеров (там

Петровский путевой дворец. Архитектор М. Ф. Казаков. (1776–1780-е гг.)

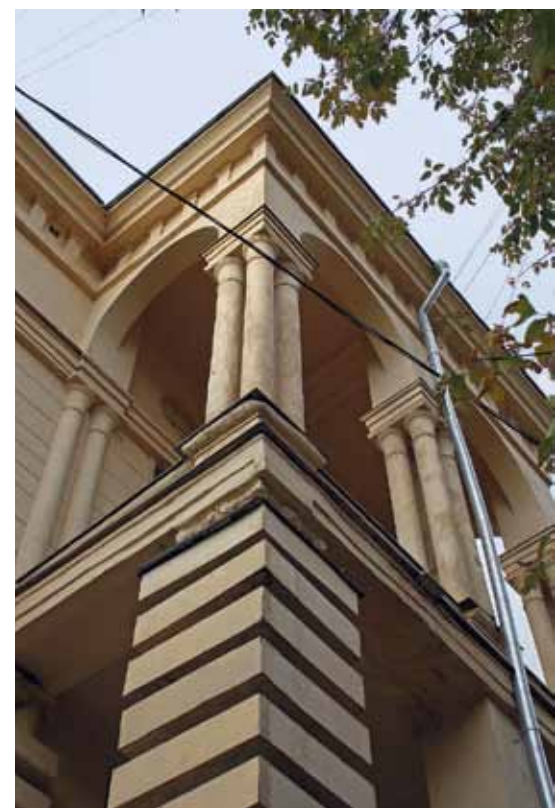
Главный корпус Аграрного университета. Архитектор Н. Л. Бенуа. (1862–1865 гг.)

3-й корпус Аграрного университета. Архитектор Б. М. Иофан (1933 г.)

Дом для высшего руководящего состава ВВС СССР

1-й корпус Агроинженерного университета им. Горячкина (1927–1931 гг.)

Комплекс студенческих общежитий. Архитектор Б. М. Иофан (1927–1931 гг.)

еще снимался эпизод фильма «Адъютант его превосходительства»), бывшая гостиница «Мавритания» **3** (Петровско-Разумовская аллея, 12а, стр. 2), где Катюша Маслова из «Воскресения» Л. Н. Толстого отравила купца 2-й гильдии Смелкова, а в начале 1950-х Институтом авиационной и космической медицины проводились тренировки собак-космонавтов (рядом с домом находится памятник собаке Лайке); жилой дом Министерства обороны **4** (Петровско-Разумовская аллея, 16); **5** жилой дом для высшего руководящего состава ВВС СССР (Петровско-Разумовская аллея, 16).

5 км

На углу Старого Петровско-Разумовского проезда и улицы 8 Марта располагается Центральная Московская областная клиническая психиатрическая больница **6** (ул. 8 Марта, 1) (бывшая Частная психиатрическая клиника доктора Ф. А. Усольцева), ограда, угловые башенки **7** **8** и ворота **9** которой выполнены Ф. О. Шехтелем по эскизам М. А. Врубеля, самого знаменитого пациента клиники. К сожалению, часть деревянных секций ограды недавно была сломана, и теперь заменена листами крашеного железа.

Клинику открыли в марте 1903 года. Плата за лечение была высока: 150 руб. в месяц (в государственных больницах брали 3 руб.).

В 1915 году на территории клиники был организован военный госпиталь для лечения солдат с ранениями в голову и нервноболевых, а после революции — Психоневрологический санаторий для женщин-работниц им. 8 Марта. Улица получила название в честь санатория.

Неподалеку проходят 1-я и 4-я улицы 8 Марта, между которыми когда-то были еще 2-я и 3-я (со временем они были застроены домами) — там находится уютный, окруженный зеленью особняк-мастерская М. Г. Манизера **10** (1-я ул. 8 Марта, 3, стр. 2), построенный знаменитым скульптором для себя и своей семьи. С 1928-го по 1937 год все четыре улицы носили имя наркома Рыкова (расстрелянного в марте 1938 года).

Мы доезжаем до конца улицы 8 Марта, проходим за здание автобусной конечной станции и через дырку в заборе **11** выходим на пути Рижской железной дороги. Пересекаем пути, снова в дырку, и вот мы в Тимирязевский парке. В принципе, железную дорогу можно перейти по пешеходному мосту, это 400 м вправо, у платформы «Гражданская».

8,5 км

В парке можно покататься и сделать привал, потом аллеями и тропинками добраться до Пасечной улицы и двинуться в сторону Российского государственного аграрного

университета (бывшей Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева), расположенного на территории старинной усадьбы Петровское-Разумовское.

Усадьба была заложена Кириллом Нарышкиным, дедом Петра I, на месте села Семчино. Наименование Семчина Петровским, по одной версии, связано с именем царственного внука, по другой — с постройкой (или перестройкой) церкви Петра и Павла, которая могла появиться здесь еще при прежнем владельце, князе Прозоровском.

Позднее Петровское получило приставку «Разумовское» — по фамилии нового владельца — президента Российской академии наук и последнего малороссийского гетмана Кирилла Разумовского. В 1861 году Петровское-Разумовское выкуплено в казну, и на его территории основана Петровская земледельческая и лесная академия. Ветхий дворец Разумовских перестраивается под нужды учебного заведения архитектором Н. Л. Бенуа и становится главным корпусом академии **12** (ул. Тимирязевская, 49).

Здание имеет два фасада: парадный, с часами, напоминающий вокзал — он выходит на улицу, скромный — выходит в парк. В этом парке в 1869 году произошло убийство студента И. Иванова членами революционного кружка «Народная расправа» под руководством С. Нечаева. Событие нашло отражение в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Официально в парк войти нельзя, но слева от главного корпуса есть маленькая калитка, иногда открытая. Если быть вежливыми, но настойчивыми со сторожами, то можно прогуляться по Липовой аллее и полюбоваться четырьмя аллегорическими скульптурами **13**, попавшими сюда из Бауманского сада.

Интересные здания, находящиеся вокруг: двухэтажный деревянный «Дом Вильямсов» **14** (ул. Тимирязевская, 53) — в котором жил академик В. Р. Вильямс, профессор и заведующий кафедрой общего земледелия и почвоведения; «Лесной кабинет» **15** (ул. Прянишникова, 17); дом профессора Н. М. Кулагина **16** (Тимирязевский пр., 4).

Дом, в котором проживали священники **17** (ул. Прянишникова, 21), служившие в церкви Апостолов Петра и Павла, увидеть не удастся, он весь закрыт какой-то черной тряпкой. Саму церковь, находившуюся рядом с главным корпусом, снесли в 1934 году для спрямления трамвайной линии.

10 км

Когда-то улицы Петровско-Разумовского имели красивые названия — Вязовая, Леняная, Кленовая. Теперь это улица Прянишникова, Академический проезд, Кленовая вообще исчезла. Только Лиственничная аллея сохранила свое имя. С 1750-х годов она соединяет усадьбу с Дмитровской дорогой. Знаменитые сибирские лиственницы были посажены учёным Р. И. Шредером в 1863 году. В конце 1920-х — начале 1930-х годов аллея застраивается учебными корпусами и общежитиями академии.

Конструктивистские здания на Лиственничной аллее: дом **3** **18** — 3-й корпус РГАУ (архитектор Б. М. Иофан), дом **2** **19** — 12-й корпус РГАУ, дом **6** **20** — 1-й корпус МГАУ им. В. П. Горячкина, дома **12**, **14**, **16**, **18** к.1 **21** — общежития (архитектор Б. М. Иофан). Также стоит обратить внимание на памятник трактору и полуторке **22**, стоящие перед вторым корпусом МГАУ.

В конце 1990-х годов Лиственничная аллея стала пешеходной улицей. Маршрут заканчивается у Дмитровского шоссе (на противоположной стороне станция метро «Петровско-Разумовская» и одноименная железнодорожная платформа). **23**

Бывший офицерский клуб, еще раньше ресторан «Эльдорадо» и металлические детали фасада, разработанные Л. Н. Кекушевым

Ограда Центральной Московской областной клинической психиатрической больницы, созданной по эскизам М. А. Врубеля

Монумент «Слава воинам-автомобилистам» у 2-го корпуса Агринженерного университета им. Горячкина

заповедник русской драмы

записала Мария Трошина, фотографии Иван Ерофеев

История Малого театра началась задолго до строительства привычного для москвичей здания на Театральной площади — в 1757 году, с образования театральной труппы при Московском университете. Именно от этого момента ведется история театра. Незадолго до этого был издан указ императрицы Елизаветы об учреждении в России театра; таким образом, Малый театр — один из старейших в нашей стране. Театр просуществовал недолго, но на его основе впоследствии была сформирована первая постоянная труппа в Москве.

Следующей страницей в истории стало появление в Москве Майкла Меддокса, или, как его называли на русский манер, Михаила Егоровича Медокса, англичанина, выстроившего в 1780 году новый театр, получивший название Петровского, который со временем вошел в систему императорских театров, то есть перешел на казенное содержание.

В 1803 году произошло разделение труппы на драматическую и оперную, что повлекло за собой в дальнейшем разделение театра на Большой и Малый. Это разделение было очень условным: дирекция Императорских театров приступила к строительству в Москве театрального комплекса, состоящего из нескольких построек, и вначале эти определения значили лишь размеры зданий и писались с прописных букв. До этого масштабного строительства история Большого и Малого театров — одна на двоих.

В архитектурном ансамбле Театральной площади по замыслу Осипа Бове Большой театр должен был играть доминирующую роль, а окружающая застройка служила фоном для величественного здания театра. Первоначально здание Малого было построено (в 1822–1824 годах) как частный дом купца В. Варгина архитектором А. Элькинским.

Место под нынешним Малым театром в конце XVIII века занимал берег реки Неглинной, которую со временем засыпали и заключили в подземную трубу. Узкая полоса была застроена частными домами, которые принадлежали трем владельцам. К моменту, когда был утвержден план обустройства Театральной площади, купец из Серпухова Варгин выкупил полностью эти участки и начал строительство.

К 1824 году, когда дом был достроен, Варгину предложили сдать его в аренду казне под устройство театра. Купец вложил огромные деньги в реконструкцию здания. Работы проводились непосредственно под руководством и по проекту архитектора О. И. Бове.

14 октября 1824 года императорская труппа дала первое представление в Малом театре. Таким образом, он на три месяца раньше открыл свой зал для театралов, чем стоящий по соседству Большой театр.

Портретная галерея рядом с дирекцией хранит память об актерах, игравших в сценах Малого театра

Главными цветами Малого являются синий, белый и желтый

В 1832 году дирекцией императорских театров здание было выкуплено, и уже в 1838–1840 годах была проведена реконструкция театра по проекту архитектора К. А. Тона. В результате реконструкции у театра появился второй (Северный) ризалит и были несколько изменены пропорции здания. Двор Малого театра и прилегавшая территория были отданы под строительство торговых пассажей. В 1841 году в здании случился пожар. Восстановление сгоревшего театра продолжалось до 1848 года.

Последнюю реконструкцию театра проводили в советское время под руководством архитектора А. П. Великанова: в здании исчезли напоминания о разделении зон театра, подчеркивающих принадлежность зрителя к определенному сословию. Были улучшены фойе на всех этажах и появились новые интерьеры.

Юрий Мефодьевич Соломин
художественный
руководитель театра

Когда я закончил Театральное училище имени Щепкина при Малом театре, то был приглашен в труппу Малого театра. Малый театр — это дом для меня. Я впервые появился здесь в 1955 году, будучи студентом второго курса. Я был в числе еще ряда студентов отправлен сюда на практику. Первая моя работа была в спектакле «Иван Грозный», и даже сохранилась программка этого спектакля, где было написано: второй ремесленник — студент Театрального училища имени Щепкина такой-то. Причем надо сказать, что спектакль этот был очень сильный,

мощный. Там играли замечательные артисты, в том числе, и мой педагог Вера Николаевна Пашенная. У меня даже были слова, реплика, которую я, правда, выкрикивал из толпы, но она выделялась. Я кричал: «Мы ремесленники от Мясницких ворот». Это была моя первая роль и первые слова.

Мне посчастливилось выходить на сцену и, в общем, быть партнером: раз на сцену выходишь, значит, ты уже партнер того человека, с которым разговариваешь, даже если ты молчишь. Мне тогда посчастливилось выходить на сцену и молчать с Александрой Александровной Яблочкиной, например. В «Ярмарке тщеславия», я первый год работал, я вывозил ее в кресле. Она играла одну из главных ролей, а я изображал слугу. А потом через сезон или два я в этом же спектакле играл уже небольшую роль.

Выходить на сцену вместе с Яблочкиной — это теперь история. И потом надо сказать, что все они — Яблочкина, Турчинина, Рыжова — все те люди, которых я видел, с которыми здоровался, тоже мне отвечали «здравствуйте»...

Вообще, у нас в театре все ходят и здороваются. Если даже незнакомый человек — с тобой обязательно здороваются. Это хорошая традиция. А уже проработав там год-два, мог сказать, что моими партнерами были Михаил Иванович Жаров, Игорь Владимирович Ильинский, Михаил Иванович Царев, Елена Николаевна Гоголева, Иван Александрович Любезнов, Владимир Александрович Владиславский, Светловидов Николай Афанасьевич.

Это плеяда была, времени не хватит, перечислять всех актеров с такими именами, это целая школа.

Традиции нужно помнить. Вот к большому счастью, в Малом театре традиции помнят, чтят и уважают. И то поколение, которое на сегодняшний день занимает основные позиции в Малом театре, оно учит следующее поколение уважать традиции, традиции русской культуры, куда входит русский язык, который сейчас уже становится каким-то иностранным языком.

Малый театр, скажу, не стеснясь, на сегодняшний день хранитель русско-

го языка. Потому что репертуар Малого театра, сколько я его помню, а уж 17 лет помню очень хорошо, поскольку руковожу им 17-й год, формируется на базе классики. И когда случились у нас в стране всякие изменения, мы решили в театре, что эта сцена будет классической. Почему все страны мира и все народы имеют свой национальный театр, будь то Франция с «Комеди Франсез», или Англия с Королевским Шекспировским, или Япония с Кабуки? Но вот в России русского национального театра не было, хотя он был всегда. И всегда национальным театром был Малый театр. Исполон века так пошло, от указа императрицы Елизаветы Петровны в 1756 году о создании первого Государственного, тогда он назывался Императорского театра. Были созданы театры Александринка в Петербурге и в Москве Малый театр.

Цитата из интервью телеканалу «Культура» к 70-летию Юрия Соломина 18.06.2005

Виталий Анатольевич Коняев,
актер театра

Я служу в театре 54 года. Я своим ученикам говорю: «Октябрьскую революцию я помню, но Ленина не видел».

Малый театр — это уникальное произведение искусства, вот я уже 54 года жизни отдал этому театру. Я был единственным, кого взяли с курса Щепкинского училища в труппу, и жизнь театра неотделима от моей собственной. Мы пережили несколько ремонтов.

Когда-то Ермоловой подарили кусок сцены, ее потом меняли несколько раз, у нее нет уже того вкуса старины, нет ощущения того, что великие актеры ходили по этой сцене — сцена немножечко не та.

Александра Александровна Яблочкина говорила, что если делать ремонт, то ни в коем случае нельзя пробивать крышу, потому что здесь скопилась аура артистов Малого театра, все эмоции, все волнения, которые здесь были за много лет службы актеров. У сцены Малого театра есть

удивительное качество — она может и поднять и может прихлопнуть. Когда выходишь на сцену, волнуешься безумно, ноги и руки трясутся страшно. Даже Мария Николаевна Ермолова перед выходом на сцену падала от волнения, потом выходила. Она никогда не знала, какой зал будет сегодня, как зал ее примет. Это для нее было очень важно. Потом она брала зал, и все было великолепно.

В этом году театру уже 188 лет, он в октябре месяце был основан, как и МХАТ.

Мое впечатление от театра, как от большой такой желтой машины, которая находится в центре Москвы. Это свое государство, у нас есть свое электричество, своя вода, у нас есть все для того, чтобы театр существовал и актеры могли не выходить из наших подъездов, здесь можно написать пьесу,шить костюмы, отрепетировать и сыграть.

До сих пор здесь есть такие закоулочки, которые я еще не видел. Один раз я имел счастье попасть в место, которое называется ложа правительства, там красивая мраморная лестница, есть помещения для охраны, есть помещения для кухни, комната для отдыха с потрясающей мебелью еще дореволюционных времен.

Когда я делаю экскурсию по Малому театру, то я показываю пространство за сценой, а потом поднимаемся в живописный цех, очень большой, потому что там делают полотна для задников.

Другое место связано с актером Виктором Павловым. Он играл в спектакле «Клоун». Там были использованы голуби, потом прошел спектакль, его сняли, голуби были не нужны и добрая душа, Виктор Павлов, думал куда бы их пристроить. Он сделал на крыше Малого театра голубят-

ню, и со временем голубей становилось все больше и больше, и вот однажды он меня туда позвал — это было потрясающе. Он говорил, что это души актеров, которые играли в Малом театре, и я верю, что это действительно так.

Еще я показываю подземный переход между Большим и Малым театрами. Сейчас его заложили, но раньше актеры, участвовавшие в массовке и там и там, бегали, передевались. В театре много интересного: на задней стенке сцены есть колокола, которые использовали в исторических пьесах. У нас был специальный звонарь, там же остались специальные приспособления для того, что бы делать шум, например морской волны.

У нас остался суфлер, и еще во МХАТе, больше такого нигде нет. Когда я пришел, здесь был легендарный суфлер Иосиф Иванович Дарьяльский, который знал еще Ермолову, когда он оглох, он стал договариваться, как ему говорить, вступать в диалог. До самой смерти он работал здесь. Здесь есть в театре династии, отдавшие свою жизнь служению театру: Садовские, Рыжовы. И сейчас в театре есть потомки актеров, игравших здесь. История продолжается.

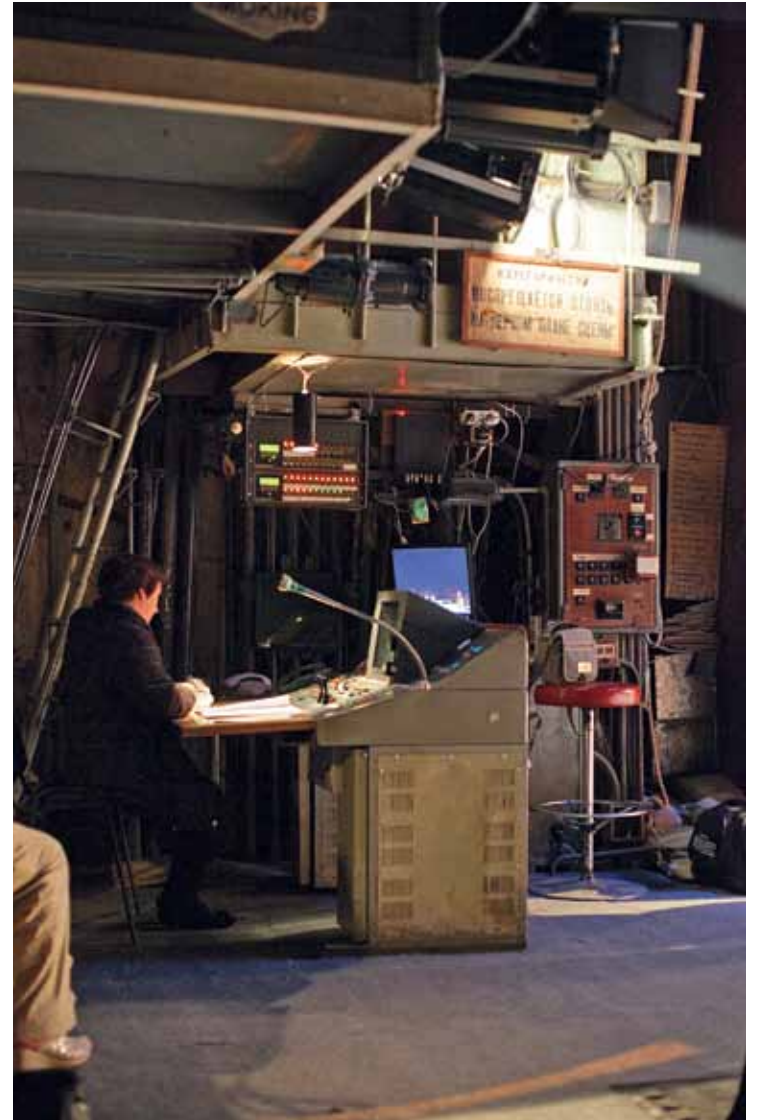
Копия портрета великой актрисы работы В. Серова украшает фойе ее имени

В Ермоловском фойе актеры готовятся к выходу на сцену

Мало кто знает, что в театре есть лифт

Процесс, происходящий на сцене, можно наблюдать на экране монитора

Через пять метров начинается другая жизнь — жизнь сцены

Курский театр приехал на гастроли в Малый

Татьяна,
гардеробщница

Раньше я работала в Ермоловском театре, три года, до этого я на базе работала. Здесь я уже десять лет.

Что привело вас в театр?

Я пошла на пенсию, сидеть дома не хотелось, пришла работать, и мне очень нравится. Мы на спектакли бегаем, одним глазком посмотреть по очереди, а потом рассказы-

ваем друг другу. У нас на гастролях театр был из Курска — замечательный, и люди ходят, столько людей было, все было завешано до самого конца гардероба. И студенты ходят театральных училищ.

Как вы справляетесь с работой?

Раньше было тяжело, а теперь шубки такие легонькие, прям прекрасно работается. Раньше ужас был: приходит мужчина с тяжелой одеждой, говорит, «все свое ношу с собой».

Мы в театре все друг друга знаем, общаемся все. Праздники отмечаем вместе — 8 Марта...

Я вообще про театр ничего не знала. В жизни как: занимаешься своими делами, бегаешь туда-сюда, детки растут, а потом я очень полюбила театр, и мне очень захотелось в Малый, и в Большой хотелось, но я не дошла, мне возраст помешал. Ремонт скоро, говорят, будет, может, придется уйти совсем. А лучше нашего театра нет, это такая красота, здание замечательное, и люди.

Театр начинается не только с вешалки, но и с синей стены

Владимир Драгунов,
режиссер-постановщик
Малого театра

Я здесь 20 лет работаю, до этого я работал в других театрах, потом был приглашен сюда на постановку, ну и задержался, первый мой спектакль в 1991 году был по пьесе великого князя Константина Романова «Царь Иудейский». Главную роль играл подходивший к столетию Николай Александрович Анненков, с ним было очень интересно работать.

Почему вы здесь решили остаться?

Вы знаете, есть ощущение своего дома, и когда тебе хорошо, уютно, то хочется продолжать работать, и благодаря решению Юрия Мефодьевича Соломина, художественного руководителя театра, я остался.

Мне близок психологически театр, здесь актеры играют доминирующую роль, здесь очень доброжелательная атмосфера, здесь очень высокий уровень культуры во взаимоотношениях между людьми. Малый театр — как намоленный храм.

Я учился у Андрея Александровича Гончарова, а режиссерскую группу вел Марк Анатольевич Захаров.

Когда вы впервые попали в Малый театр?

Я помню, меня мама водила мальчишкой на «Ревизора», и мы почему-то сидели в директорской ложе. Соломин играл Хлестакова, совершенно безумно. Так произошло мое знакомство с Малым театром.

У вас есть любимые места в театре?

Есть замечательное место — Ермоловское фойе, там артисты готовятся к выходу, они что-то повторяют, здесь проходит техническая подготовка.

Там очень уютно, я еще канделябры застал, все постепенно меняется, но остается то, что хочется. Все-таки это дом, рыночные отношения сюда не въехали, и хочется думать, что нас они не очень сильно заденут.

Что ждет театр в ближайшем будущем?

Будет реконструкция театра, спектакли переедут на сцену на Ордынке, плюс к этому будут гастроли, возможно, что мы будем играть на других площадках. Артисты Малого театра, мне кажется, домоседы,

для них важны стены театра, но жизнь есть жизнь. Если крышу откроют — это будет совсем другой театр. Старика опасно трогать. У нас уже есть опыт со сценой на Ордынке. Конечно, это совсем другое. После открытия он был холодный, но сейчас уже его «наиграли» — энергетически наполнили его. Есть магия своя, нельзя, чтобы она выветривалась.

Основной дом здесь, есть артисты, которым больше нравится на Ордынке, старшее поколение предпочитает эти стены.

Здесь есть энергетически положительный заряд. В Малом работает закон врачевания: «Не навреди!». По моим ощущениям, у нас нет спектаклей, которые навевают ощущение безысходности, отчаяния. Очень полезно посмотреть спектакль в трудные минуты своей жизни, это очень помогает. Мой учитель Андрей Александрович Гончаров призывал зажигать свечу в финале спектакля, потому что в зале всегда может оказаться человек, который сейчас решает, жить или не жить. И это ужасно, если театр подталкивает к роковому решению.

Дмитрий Бочаров,
артист оркестра

Моя работа в принципе достаточно стандартная, в спектаклях я выхожу как альтист, как музыкант на сцену со своим инструментом в парике в чулках. Есть спектакль, «Таинственный ящик», где весь оркестр на сцене сидит, в некоторых спектаклях задействованы малые составы, где-то я занят, где-то нет.

Я закончил Московскую консерваторию у Башмета.

Как вы сюда попали?

Достаточно случайно, лет 18 назад позвали попробовать, я и не предполагал, что это затянется так надолго. Есть большая разница между тем, когда ты выходишь в Большой зал Консерватории играть концерт, и тем, что происходит здесь. Надо выйти в образе, иногда совершенно неожиданные ситуации разыгрывать. В обычном оркестровом или сольном исполнении такого не бывает.

Вы еще где-то работаете?

Нет, но я занимаюсь фотографией, сейчас на сцене на Ордынке моя выставка висит в зрительском фойе.

Есть ли проблемы, связанные с тем, что здание историческое?

Проблемы есть. Сейчас ожидается ремонт этого здания, и мы очень надеемся, что это будет ремонт. Не хотелось бы, чтобы с нами случилось то же, что и с Большим.

Ручки этих дверей хранят память о руках многих великих актеров

Иван Ерофеев

Посмотрим на этого льва. Он добрый и человечный. Он красивый, еще — какой-то грустный. Надмирный какой-то лев. Это потому что он на больнице, над одним из окон в главном портике Первой Градской больницы, построенной Бове в 1830-е годы? Из-за больничной атмосферы у него такое выражение? Наверно. Этот лев — кузен тех «львов на воротах», которых упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». Те, правда, почему-то улыбаются. Этот, как мы уже видим, грустит. Все львы ампира, а именно этот стиль вырастил великое множество как бы античных львов, населивших особняки, больницы и полицейские дома, человекоподобны. Они делаются как отсылка к античности (где были знаком силы на постройке), но потом скульптор, выполняющий деталь по своему умению и разумению, сообщает им те или иные качества. Ничего подобного этим львам в Москве нет. Вернее, есть, это женские головки времени модерна. Тут бы порассуждать на тему о человекоподобности зверей ампира и звероподобности людей модерна, но что-то уж больно мудро получается. Просто посмотрите на этого льва.

журнал
«Московское наследие»
№24

учредитель
Департамент культурного
наследия города Москвы

руководитель проекта
Александр Кибовский

консультант проекта
Николай Ефимов

координатор проекта
Николай Переслегин

благодарность
Юлии Хасии
Елене Кашиной
Ларисе Герасимовой

научный консультант
Владимир Седов,
доктор искусствоведения

главный редактор
Яна Миронцева

выпускающий редактор
Рената Серебрякова

дизайнеры
Иван Васин
Иван Величко
Екатерина Даугель-Дауге
Наталья Жукова
Дарья Зудина

фоторедактор
Иван Ерофеев

цветокорректор
Максим Гудков

корректор
Наталья Дзергач

адрес редакции
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 19
+7 (495) 637 40 43, +7 (495) 637 42 17
m.nasledie@gmail.com
mosnasledie.tumblr.com

издатель
Николай Черепанов,
ООО «Юник Медиа Ателье»

печать
ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

тираж
10 000 экз.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ No. ФС77-
50269 от 14 июня 2012 г.

© Департамент культурного
наследия города Москвы, 2012

Перепечатка материалов журнала
невозможна без письменного
разрешения редакции

адреса
распространения
журнала

книжные магазины: Республика
ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 10; ул. Мясницкая,
д. 24/7, стр. 1

кафе, рестораны, клубы: Жан-Жак
Цветной б-р, д. 24, кор. 1; ул. Льва Толстого,
д. 18 Б; ул. Верхняя Радищевская, д. 15,
стр. 2 • Бонтепи Никитский б-р, д. 8а,
стр. 1 • Хача-пури Украинский б-р, д. 7;
Большой Гнездиковский пер., д. 10; • Correas
ул. Садовническая, д. 82, стр. 2; ул. Большая
Ордынка, д. 40, стр. 2; ул. Тимура Фрунзе, д. 11 •
Маяк ул. Большая Никитская, д. 19 • Бискотти
ул. Мясницкая, д. 24/7; ул. Пятницкая, д. 6/1 •

Мастерская Театральный пр-д, д. 3, к. 3 •
ДеФакТо ул. Большая Лубянка, д. 30/2 • Рагу
ул. Большая Грузинская, д. 69 • Сквот-кафе
ул. Рождественка, д. 12/1

арт-площадки: Винзавод 4-й Сыромят-
нический пер., д. 1, стр. 6 • Стрелка
Берсеневская наб., д. 14, стр. 5А • Art Play
(Британская школа дизайна) ул. Нижняя
Сыромятническая, д. 10 • Московский
архитектурный институт ул. Рождественка,
д. 11 • Фабрика Переведеновский пер., д. 18 •
Ого-город Большой Афанасьевский пер., д. 36

музеи: Центральный дом художника
ул. Крымский Вал, д. 10/14 • Государственный
исторический музей Красная пл., д. 1 •
Московский планетарий ул. Садовая-
Кудринская, д. 5, стр. 1

органы государственной власти:
Правительство Москвы ул. Тверская,
д. 13, под. 5 • Департамент культурного
наследия города Москвы ул. Пятницкая, д. 19;
ул. Пречистенка, д. 3/1

социализм на бумаге, или как охраняли культурное наследие после Великой Отечественной войны

Из серии публикаций, посвященных 95-летию органа охраны памятников города Москвы.

Текст *Марины Доброновской*

Разрушение национального достояния в войну использовалось для возбуждения и ненависти к захватчикам, и чувств национальной гордости и патриотизма — надо было сплотить народ вокруг партии и вдохновить на борьбу. При мысли об «обращенных в прах, разрушенных и сожженных прекрасных сооружениях русского зодчества» советские люди должны были испытывать закономерные чувства «скорби и гнева». После войны пропагандистская функция памятников иссякла. Как и о людях, о руинах можно было не заботиться. Центральной темой пропаганды стал энтузиазм восстановительного периода.

Это хорошо видно на примере Москвы. Военные разрушения здесь были минимальными, а вот состояние архитектурных памятников было удручающим: «Значительная часть церковных памятников архитектуры в течение многих лет лишены кровли. Эти памятники видимы со многих мест и своим полуразрушенным видом уродуют площади и улицы Москвы. В таком состоянии памятники находятся даже в самом центре города... Ряд ценнейших памятников по-прежнему лишены элементарной поддержки и ухода, не ремонтируются в течение десятков лет и вследствие этого катастрофически разрушаются».

Немного было сделано и к 800-летию юбилею города. Постановление правительства СССР от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры» отметило серьезные недостатки в деле охраны памятников в связи с подготовкой празднования 800-летия Москвы. «Катастрофическое» и «неудовлетворительное» состояние архитектурного наследия и его охраны фигурирует в документах и все последующие годы.

«Забота партии и правительства» о сохранении старины измерялась главным образом числом законодательных актов: общесоюзные и республиканские, решения Мосгорисполкома, инструкции и положения — 1947, 1948, 1957, 1958, 1960, 1965, 1966 годы — все словно написаны «под копирку». Это был социализм на бумаге, потому что не было в законах ни конкретного механизма охраны и сохранения памятников, ни ответственности за их порчу и разрушение, ни достаточного бюджета. «В сущности, вся забота о сохранении и поддержании памятника в его историческом виде, возложенная на исполкомы, осуществляется арендатором... Но хороший арендатор — редчайшее исключение. Сотни примеров... говорят о варварском отношении к историко-архитектурным памятникам со стороны использующих их учреждений». Лишь в 1966 году в УК РСФСР ввели ст. 230, которая предусматривала наказание за умышленное уничтожение, разрушение и порчу охраняемых государством памятников, но само понятие «памятник» не было определено, а за неумышленное разрушение наказания не полагалось.

После войны снос исторической застройки Москвы возобновился и производился масштабно и планомерно. С целью строительства одной

Социалистические методы сохранения памятников были в основном «бумажными»: из документа в документ переходили «серьезные недостатки» и «строгие меры»: «обязать», «потребовать», «улучшить дело охраны», «обеспечить бережное сохранение», «принять меры к приведению зданий в образцовый порядок», «организовать шефство предприятий над памятниками», «обеспечить проведение необходимых ремонтно-реставрационных работ», «применять к нерадивым пользователям необходимые меры воздействия».

*ЦАОПИМ, ф. 4, оп. 142,
д. 37, лл. 113–120/*

Завершение храма Положения Ризы Господней (Ризоположения) на Донской улице в Москве является великолепным примером архитектуры нарышкинского стиля. Храм сооружен в 1701 году, на исходе древнерусского времени, но обладает всеми особенностями зодчества 1690-х годов. Здесь и пояс из раковин, в которых есть даже жемчужины (эти раковины пришли из Архангельского собора Московского Кремля), и гермы (расширяющиеся столбики), и довольно сложные карнизы с «городками» и тянутыми профилями.

58

Тыдман
Владислав
Петрович
(1894–1972)

Инженер путей сообщения, член комиссии по памятникам культуры Советского комитета защиты мира, член секции оргкомитета по оргпросам. В 1918–1920 годах служил в Кубанской армии Кавказского фронта. С 1959 года участник архитектурной секции Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Пламенный защитник московской архитектуры. Его пылкие выступления помогли спасти от уничтожения многие памятники, в том числе Белые и Красные палаты.

официальный взгляд

из сталинских высоток в 1948–1950 годах было почти полностью разрушено Зарядье. Интересно, что тогда же его вносили в списки наиболее важных туристических достопримечательностей, требующих немедленной реставрации.

Но самые большие утраты пришлось на хрущевскую эпоху. В 1961 году разрушители добрались до Кремля: на месте старой Оружейной палаты, Кавалерских корпусов и Синодального корпуса появился Дворец съездов. Никита Хрущев не жаловал и идею охраны культурного наследия, считая ее «расточительством». На рубеже 1950-х—1960-х годов в два раза сократились и до этого негустые государственные ассигнования на охрану и реставрацию памятников истории и культуры.

Большими потерями исторической застройки Москвы обернулось строительство Нового Арбата (до 1994 года — проспект Калинина) по проекту Михаила Посохина, Ашота Мндоянца, Глеба Макаревича и др. Ради прокладки Нового Арбата были полностью уничтожены Собачий переулок, Собачья площадка и Кречетниковский переулок. По словам С. О. Шмидта, «строительство на месте переулочья с его своеобразием стандартного типа широкого проспекта Новый Арбат, сразу же прозванного Хрущатином, решительно порушило не только дома и зелень садов, но особенность «арбатского» уклада жизни, приводило к утрате характерных для «арбатцев» настроев мысли, манеры общения». Письма как в защиту Арбата, так и о необходимости реформирования всей системы охраны памятников архитектуры, подписанные известными литераторами и художниками, публиковались в газетах «Известия», «Правда», «Советская культура», «Литературной газете». С обращениями в правительство выступило МОСА (Московское отделение Союза архитекторов СССР). В осторожной форме их поддержало правление Союза художников и Союза архитекторов СССР.

Пионером послевоенного движения в защиту архитектурного наследия можно считать В. П. Тыдмана, первое письмо которого было адресовано партийному идеологу А. А. Жданову еще в 1948 году.

Но активная градостроительная деятельность Мосгорисполкома продолжалась. В 1971 году был утвержден Генеральный план развития Москвы на 1985–1990 годы, который вызвал новую волну протестов. На Постоянной выставке по градостроительству были представлены макеты реконструкции Арбатской площади, площади Белорусского вокзала, площади Дзержинского, улиц Сретенки, Марксистской, Димитрова, Новокировского проспекта и др., которые предполагали тотальные сносы исторической застройки. На ЦК и в газеты вновь посыпались письма, на этот раз подписанные не только известными деятелями искусства, но и академиками, учеными-физиками. Это уже представляло довольно серьезную опасность для советского режима периода застоя. В стране в 1960-е—1970-е годы крепло диссидентское движение. В среде его были и пронациональные и религиозные направления, которые могли объединиться под знаменем легальной борьбы за спасение культурного наследия. В 1976 году генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев написал по поводу запланированных сносов исторической застройки Москвы: «Нельзя допустить накала страстей вокруг этой темы, которая может при определенных условиях получить нежелательный политический оттенок. Упомянутые мною представители творческой интеллигенции начинают писать «петиции» в центральные партийные и советские органы, которые становятся достоянием гласности. А жителей столицы, особенно коренных москвичей, этот вопрос, естественно, возбуждает».

На фоне страстей, кипевших вокруг плана реконструкции, кажется, что деятельность Отдела государственной охраны памятников Москвы проходила в параллельном мире. Инспекция находилась в самом низу бюрократической иерархии: с 1961 года она была частью Отдела внешнего благоустройства, оформления и озеленения в составе ГлавАПУ, которое, в свою очередь, подчинялось Моссовету. В 1945 году в ней было два инспектора, к 1976 году весь штат составлял не более двадцати сотрудников.

Изменилась ситуация 29 октября 1976 года, когда был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» — первый общесоюзный акт в области охраны и использования культурного наследия. Не все требования борцов за наследие были учтены. Тем не менее закон содержал базовые правовые нормы. Впервые было сформулировано юридическое определение «памятников градостроительства и архитектуры».

142
Глубокоуважаемый Андрей Александрович,

Позвольте обратиться к Вам, ^{как} непосредственно возглавившему подготовку и проведение в жизнь мероприятий по оздоровлению советской литературы и музыки, по ликвидации в них антинародных, футуристических настроений.

Есть еще один участок советской культуры, нуждающийся в таком же специальном постановлении ЦК ВКП/б/, как это имело место в отношении литературы и музыки. Участок этот - архитектура, архитектурные памятники и планировка.

Болезнь здесь та же - пренебрежение богатым наследием прошлого, пренебрежение историей своего народа, воплощенной в памятниках архитектуры.

Только положение русских зодчих и их творений значительно печальнее.

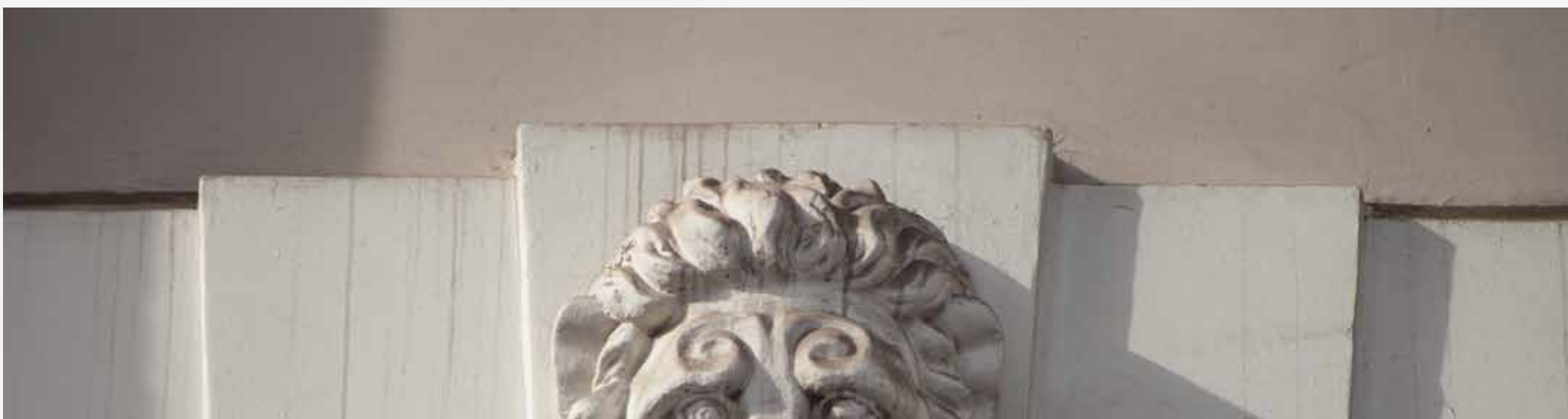
Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Горького, Глинку и Чайковского нельзя уничтожить, нельзя предать забвению.

Иное дело - архитектурные произведения Зарудного, Ухтомского, Баженова, Казакова и других зодчих.

Их разрушают не только время и фашистские изуверы, не только невежественные обыватели, но и некоторые девадки настроенные архитекторы и планировщики, не любящие истории своей родины и ставящие удовлетворение своего честолюбия выше интересов народа, его культуры. Нетрудно провести аналогию между деятельностью некоторых композиторов, осужденной постановлением ЦК ВКП/б/ и деятельностью некоторых архитекторов-планировщиков.

Если первые старались "задвинуть в переулок" музыкальных классиков, то вторые буквально задвинули в переулок с ул. Горького здание глазной больницы работы Казакова 1786 г., затратив большие суммы на эту передвижку и полуразрушив здание.

Но разве многоэтажный амектический ящик какого либо "Мурадели от архитектуры" более достоин украшать ул. Горького, чем творчество Казакова?

«восставшая из руин»: две жизни берлинской Карл-Маркс-аллее

текст *Михаила Леца*, перевод *Анны Грановской*

Если отправиться из центра Берлина, с Александерплац, на восток, то попадешь на одну из самых больших улиц города, Карл-Маркс-аллею. На всем протяжении в 2,3 км она обрамлена внушительными жилыми домами, так называемыми дворцами для рабочих, построенными в 1950-е годы в стиле советской монументальной архитектуры. Гости из Западной Европы бывают весьма удивлены. Ни в одном западном городе нет ничего подобного. От помпезной архитектуры и размаха они теряют дар речи и переживают настоящий культурный шок. Я же родился в восточной части Германии и потому раньше, проходя по этой улице, испытывал скорее негативные эмоции. Много было серых и тоскливых домов, с осыпающихся фасадов падала плитка. Кроме того, аллея была связана со сталинской эпохой, мрачным временем в истории ГДР и Советского Союза. Ведь когда-то она носила имя генералиссимуса и «отца народов». В начале 1960-х годов по случаю переименования в Карл-Маркс-аллею Вольф Бирман (его можно сравнить с Высоцким или Окуджавой) воспел ее в своей иронической балладе «Восемь аргументов за сохранение аллеи Сталина названия аллея Сталина»: «Белый кафель/На головы нам летит./В вечном... ремонте/Каждый дом стоит».

Какую роль играет Карл-Маркс-аллею в сознании современных жителей Берлина и как распоряжаются сейчас архитектурным наследием эпохи ГДР? Чтобы ответить на эти вопросы, надо сначала вспомнить историю создания Карл-Маркс-аллею, которая не только тесно связана с историей ГДР, но и сильно повлияла на градостроительство в Западном Берлине. Как ответ на аллею Сталина (Шталин-аллею) там появился квартал Ханза-фиртель. Этот своеобразный диалог Востока и Запада, происходивший в форме «градостроительной конфронтации» в разделенном Берлине, мы и рассмотрим.

Новая перспектива в градостроительстве после Второй Мировой войны

Карл-Маркс-аллею первоначально называлась Большая Франкфуртская улица. На востоке она переходит во Франкфуртер-аллею. Обе эти берлинские улицы — части оси Восток — Запад, которая возникла в Средние века и была торговым путем между Берлином и лежащим дальше на востоке Франкфуртом-на-Одере, откуда дорога идет дальше в Польшу и Россию. Она стала одной из важнейших транспортных артерий города. Многие значимые события в истории Берлина и Европы связаны с осью Восток — Запад. Когда-то уверенный в своей победе Наполеон шел по ней из Парижа в Москву, а потом здесь же, разбитый, возвращался с остатками Grande Armee во Францию. Весной 1945 года Красная армия прорывалась с боями с востока по Франкфуртской аллее и Большой Франкфуртской улице в центр Берлина. В результате ожесточенных уличных боев последних дней войны и англо-американского воздушного налета 3 февраля 1945 года дома на улице были сожжены дотла: 68% зданий лежали в руинах. Здесь, в особенно сильно разрушенных районах Фридрихсхайн и Митте, должен был появиться символ нового градостроительства. Под руководством архитектора Ганса Шаруна, которого советская военная администрация назначила в первый Совет по градостроительству в послевоенном Берлине, был разработан так называемый коллективный план по застройке и переустройству Берлина. Для первичного применения «коллективного плана»

Посмотрим на этого льва. Он добрый и человечный. Он красивый, еще — какой-то грустный. Надмирный какой-то лев. Это потому что он на больнице, над одним из окон в главном портике Первой Градской больницы, построенной Бове в 1830-е годы? Из-за больничной атмосферы у него такое выражение? Наверно. Этот лев — кузен тех «львов на воротах», которых упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». Те, правда, почему-то улыбаются. Этот, как мы уже видим, грустит. Все львы ампира, а именно этот стиль вырастил великое множество как бы античных львов, населивших особняки, больницы и полицейские дома, человекоподобны. Они делаются как отсылка к античности (где были знаком силы на постройке), но потом скульптор, выполняющий деталь по своему умению и разумению, сообщает им те или иные качества. Ничего подобного этим львам в Москве нет. Вернее, есть, это женские головки времени модерна. Тут бы порассуждать на тему о человекоподобности зверей ампира и звероподобности людей модерна, но что-то уж больно мудро получается. Просто посмотрите на этого льва.

Многоэтажный жилой дом на Штраузбергер-плац

Карл-Маркс-аллею

было выбрано место вокруг сегодняшней Карл-Маркс-алле. Здесь должна была появиться «жилая ячейка Фридрихсхайн». Ганс Шарун и его коллеги в своих планах опирались на современную архитектуру довоенной поры, прежде всего на Баухаус. В идеале застройка города должна была быть децентрализованной, разнообразной, с активным озеленением. В 1949 году по проектам архитектора Людмилы Герценштейн, урожденной петербурженки, были построены два дома с крытыми галереями — первые здания сегодняшней Карл-Маркс-алле.

«Первая социалистическая улица Германии»

Поначалу планы по сооружению «жилой ячейки Фридрихсхайн» получили широкую поддержку восточноберлинского магистрата. Однако в результате углубляющегося разделения города и обострения конфронтации между Западом и Востоком в градостроительстве произошла смена курса: проекты Шаруна заклеили как «формалистские», «западно-декадентские» и «космополитические», а дома с крытыми галереями обозвали «американскими упаковками для яиц». Отныне была востребована архитектура «национальная по форме» и «демократичная» по содержанию. Большая Франкфуртская улица должна была стать «первой социалистической улицей Германии». 21 декабря 1949 года, к 70-летию Сталина, она была переименована в честь генералиссимуса в Сталин-алле. Архитектурный стиль Сталин-алле определило сооружение высотного здания по проекту архитектора Германа Гензельмана на Вебервизе. Эту первую жилую высотку Берлина воздвигли в 1952 году в непосредственной близости от Сталин-алле. В архитектурном отношении она опирается, с одной стороны, на советскую монументальную архитектуру сталинского времени, с другой — заимствует элементы из берлинского классицизма, пережившего период расцвета в начале XIX века при архитекторе Карле Фридрихе Шинкеле.

В 1951 году был объявлен архитектурный конкурс на застройку Сталин-алле. Первые пять мест в нем в приведенном порядке заняли следующие архитекторы: Эгон Хартман, Рихард Паулик, Ганс Гопп, Карл Зоурадны и Курт В. Лойхт. Каждому поручили спроектировать свой участок Сталин-алле. Вне конкурса к участию в застройке был также привлечен Герман Гензельман: он сделал проекты 14-этажных жилых домов на Штраусбергской площади на западном конце, а также обеих башен-высоток на Франкфуртер-тор на восточном участке Сталин-алле.

«Дворцы для рабочих» строились ударными темпами, с колоссальным напряжением сил. Уже 21 декабря 1951 года, к сталинскому 72-летию, первые квартиры были торжественно переданы будущим жителям. Сталин-алле была символом престижа ГДР, ее вывеской. Она должна была продемонстрировать преимущество социалистического общества перед капиталистическим Западом. Однако вскоре стала исходной точкой для первого крупного политического противостояния в «государстве рабочих и крестьян». 16 июня 1953 года строители прекратили работу на Сталин-алле, чтобы выразить свой протест против решения правительства ГДР повысить нормы труда. К демонстрации строителей, двигавшейся по Сталин-алле, присоединилось много людей. 17 июля протест распространился по всей ГДР. В ответ правительство объявило чрезвычайное положение. Вошли советские танки. Восстание было кроваво подавлено.

Следующее решающее историческое событие произошло на Сталин-алле несколько лет спустя совершенно тихо: позднее, чем в других социалистических странах, в ГДР началась десталинизация. Она не миновала и Сталин-алле. С 1951 по 1961 год здесь стоял самый большой в ГДР памятник Сталину. 13 ноября 1961 года его снесли. Демонтаж памятника произвели тайно, ночью. Опасались протеста со стороны последователей Сталина. Затем Сталин-алле переименовали в Карл-Маркс-алле, а памятник переплавили. Остались только одно ухо и часть усов диктатора. Их можно увидеть сегодня на выставке, посвященной истории аллеи в кафе Sybille, Карл-Маркс-алле, 72.

Ханза-фиртель — ответ Запада на Сталин-алле

Строительство Сталин-алле бросало вызов политикам и проектировщикам Западного Берлина и заставило их, в свою очередь, соз-

seibert/seier

Жилой дом архитектора Эгона Айермана в Ханза-фиртель, начало 1960-х годов

Посмотрим на этого льва. Он добрый и человечный. Он красивый, еще — какой-то грустный. Надмирный какой-то лев. Это потому что он на больнице, над одним из окон в главном портике Первой Градской больницы, построенной Бове в 1830-е годы? Из-за больничной атмосферы у него такое выражение? Наверно. Этот лев — кузен тех «львов на воротах», которых упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». Те, правда, почему-то улыбаются. Этот, как мы уже видим, грустит. Все львы ампира, а именно этот стиль вырастил великое множество как бы античных львов, населивших особняки, больницы и полицейские дома, человекоподобны. Они делаются как отсылка к античности (где были знаком силы на постройке), но потом скульптор, выполняющий деталь по своему умению и разумению, сообщает им те или иные качества. Ничего подобного этим львам в Москве нет. Вернее, есть, это женские головки времени модерна. Тут бы порассуждать на тему о человекоподобности зверей ампира и звероподобности людей модерна, но что-то уж больно мудро получается. Просто посмотрите на этого льва.

дать масштабный архитектурный ансамбль, чтобы продемонстрировать теперь уже преимущество западно-капиталистической системы над восточно-социалистической. Вызов был принят: в рамках международной архитектурной выставки в 1957 году в Западном Берлине был построен Ханза-фиртель. То, что Ханза-фиртель — политический символ, было совершенно очевидно: его построили в непосредственной близости от бывшего Шарлоттенбургского шоссе, которое после жестокого подавления протестов 17 июня в ГДР было переименовано в улицу 17 Июня.

Как и Карл-Маркс-аллее, улица 17 Июня тоже является частью берлинской оси Восток — Запад. В пространственном отношении оба архитектурных ансамбля, расположенных всего в 12 км друг от друга, связаны, в политическом же они были символом разделения Берлина и мира во времена холодной войны.

То, что Ханза-фиртель появился в результате противостояния со Сталин-аллее, очевидно прежде всего в эстетическом отношении. Архитекторы придерживались градостроительной концепции, удивительным образом напоминавшей эстетические воззрения Ганса Шаруна в его проекте «жилой ячейки Фридрихсхайн»: планировка была свободной, с озеленением, с отдельными современными постройками. Это было открытое выступление против историзма и педальирования национальных архитектурных традиций, характерных для Сталин-аллее, декларирование приверженности интернациональному модерну в архитектуре. Интернациональные амбиции Ханза-фиртель проявляются в привлечении к проекту самых крупных архитекторов своего времени. Перечисление их имен — это «Who's who» истории архитектуры XX века. Среди них: Вальтер Гропиус, Оскар Нимейер, Ле Корбюзье, Алвар Аалто и Вернер Дютман.

«Догоняющий модерн»: строительство «новой» Карл-Маркс-аллее в 1959–1965 годах

Сооружение Ханза-фиртель, западного ответа на Сталин-аллее, в свою очередь, повлияло на дальнейшее формирование «первой социалистической улицы Германии». Вопреки первоначальному плану, аллея не была до конца достроена в едином стиле. Причина в том, что строительство «дворцов для рабочих» оказалось слишком дорогим. Кроме того, в архитектуре ГДР произошла смена стилей: не в последнюю очередь под влиянием Ханза-фиртель здесь также обратились к архитектуре модерна. Поэтому время, в которое произошел второй этап застройки Карл-Маркс-аллее (1959–1965), называют этапом «догоняющего модерна» в архитектуре ГДР. На западном конце Карл-Маркс-аллее от Штраубергской площади до Александерплац появились восьми-десятиэтажные панельные дома. Между микрорайонами и вдоль улицы были заложены обширные площади зеленых насаждений. Перед жилыми домами появились представительные строения-павильоны, в которых разместились гастрономические и культурные объекты. Самые значительные из них — кафе «Москва», «Мокка-Мильх-айсбар» и кинотеатр «Интернациональ». Если «старая» Карл-Маркс-аллее отчасти напоминает просеку, прорубленную в традиционном рабочем районе Берлин-Фридрихсхайн, то на новом участке проектирование включило в себя также территорию, прилегающую к аллее. Появились разреженные зелеными насаждениями микрорайоны, своей архитектурной концепцией напоминающие как «жилую ячейку Фридрихсхайн», так и Ханза-фиртель.

Будни Карл-Маркс-аллее

Карл-Маркс-аллее, визитная карточка ГДР, во многих отношениях была исключением из правил. Здесь находились эксклюзивные магазины с невиданным изобилием товаров. Легендарными и очень популярными были рестораны «Варшава», «Будапешт» и «Бухарест». Квартыры во «дворцах для рабочих» были обставлены со всем комфортом и в сравнении с жильем в старых берлинских доходных домах были совершенно роскошными. Они пользовались большим спросом. Однако состояние домов на «старой» Карл-Маркс-алее на глазах ухудшалось: с фасадов облетала плитка. И вскоре роскошный бульвар стал выглядеть плачевно. До объединения Германии и исчезновения ГДР состояние «вечной стройки», как поется в песне Вольфа Бирмана, оставалось неизменным.

«Социализм победит». Во время стройки на Карл-Маркс-аллее в 50-е годы

Вид на «новую» Карл-Маркс-аллее

Кафе «Москва»

Жилой дом архитектора Оскара Нимейера, 1950-е годы

1990-е годы: воскресение Карл-Маркс-алле

После исторического перелома Карл-Маркс-алле неожиданно пробудилась к новой жизни. Сегодня массу гостей прежде всего привлекают экзотические на западный взгляд «дворцы для рабочих». А вот «новой» Карл-Маркс-алле поначалу было трудно заставить воспринимать себя как самостоятельный архитектурный ансамбль. Слишком уж сильно она ассоциировалась с типичной для ГДР панельной жилой застройкой. Лишь в последнее время начинает что-то меняться и постепенно приходит признание градостроительной ценности и этой части Карл-Маркс-алле, а также примыкающих к ней жилых районов.

Хотя то и дело возникала дискуссия о том, не следует ли переименовать Карл-Маркс-алле и вернуть ей старое название Большая Франкфуртская улица. Вопреки всем политическим потрясениям она до сих пор сохранила имя немецкого экономиста. В 1990 году она стала охраняемым памятником. Сегодня это один из самых крупных архитектурных памятников Европы. С 1995-го по 1999 год большинство «дворцов для рабочих» прошли дорогостоящую санацию. И с тех пор предстали в новом блеске. Но если заглянуть с задней стороны, кое-где можно увидеть тот самый осыпающийся кафель былых времен. Кажется, время здесь остановилось.

Квартиры в «дворцах для рабочих» стали культовыми объектами и благодаря комфорту и расположению в центре города пользуются огромным спросом. Широкие улицы и тротуары, подросшие за прошедшие годы деревья и большое количество зелени, а также доступность метро делают Карл-Маркс-алле одним из самых привлекательных жилых районов в сердце Берлина. Конечно, надо располагать изрядными средствами, чтобы тут жить, потому что аренда стала очень дорогой.

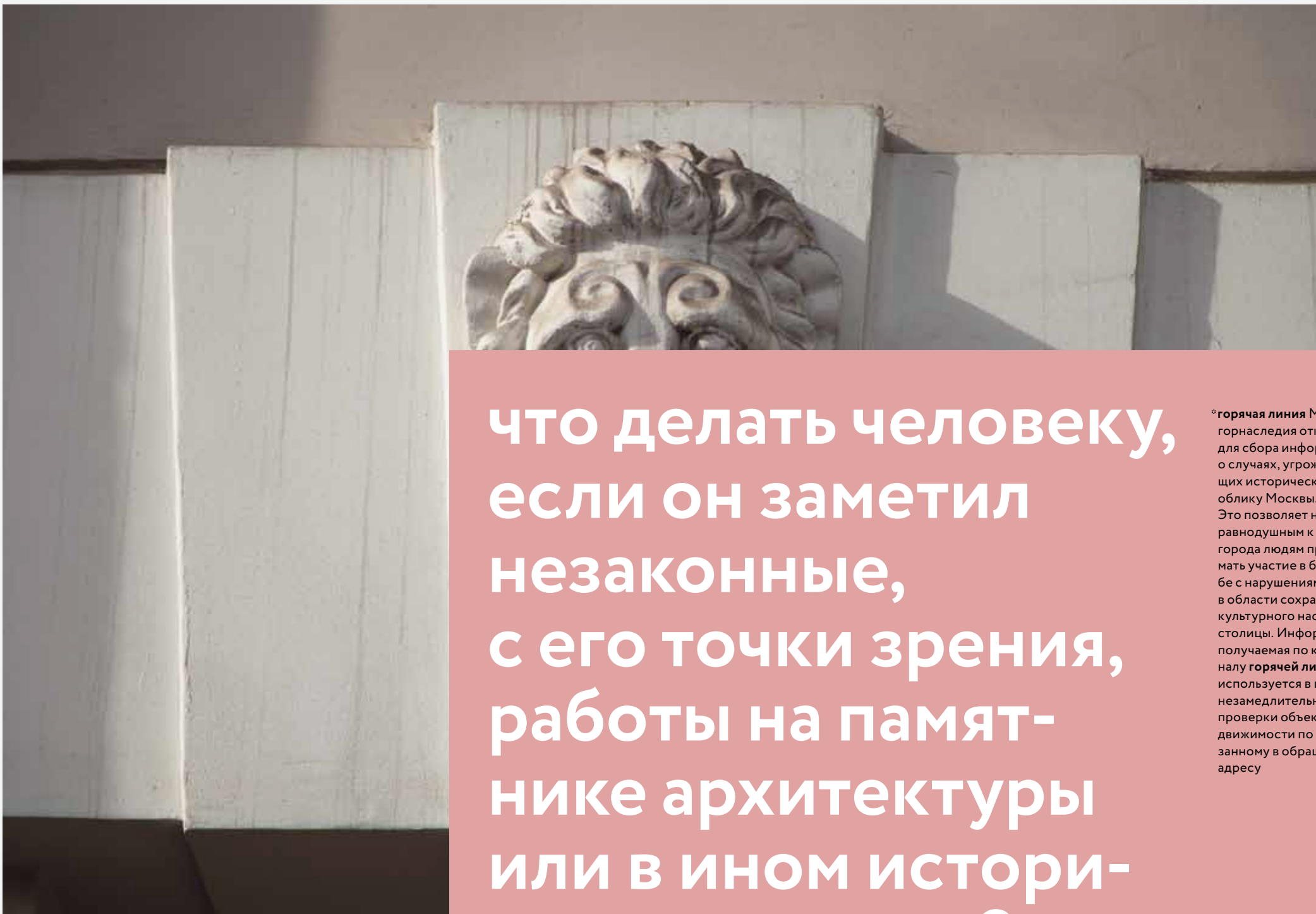
В культурном плане аллею тоже есть что предложить: в кинотеатре «Интернациональ» проходят премьеры фильмов, кафе «Москва» на другой стороне стало культовым местом, в котором проходят выставки, модные показы и дискотеки в стиле техно. В кафе Sybille находится уже упоминавшаяся выставка истории Карл-Маркс-алле. Организаторы выставки, кроме того, установили вдоль аллеи информационные щиты, на которых представлены самые важные здания и их история.

Самая большая проблема сегодняшней Карл-Маркс-алле — недостаток магазинов: более 60% закрыто. И не похоже, что ситуация изменится в ближайшем будущем, несмотря на то что вот уже несколько лет Общество развития Карл-Маркс-алле изо всех сил старается превратить аллею в настоящий столичный бульвар.

Карл-Маркс-алле и Ханза-фиртель должны стать объектами мирового культурного наследия

Градостроительный ансамбль Карл-Маркс-алле сегодня формирует облик центра воссоединенного Берлина. Она признана объектом культурного наследия истории ГДР и архитектуры XX века. Теперь это признание должно выйти на международный уровень: сразу три гражданские инициативы — Городской совет Ханза-фиртель, Фонд Германа Гензельмана и Благотворительный фонд Дома Корбюзье — ставят своей целью включение восточно-берлинской Карл-Маркс-алле вместе с западно-берлинским Ханза-фиртель в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Летом этого года сенат Берлина принял решение поддержать эту инициативу. Далее конференция министров культуры в 2014 году должна будет решить, будет ли Германия подавать заявку в ЮНЕСКО о приеме обоих архитектурных памятников в список мирового культурного наследия или нет.

Независимо от того, увенчаются ли успехом усилия гражданских инициатив и политиков, это важный знак: Карл-Маркс-алле и Ханза-фиртель, возникшие когда-то в радикальной политической и эстетической конфронтации, теперь воспринимаются как единое общее наследие противоречивой истории. Берлин по-прежнему, как ни один другой город, несет отпечаток разделения между Востоком и Западом. И именно архитектура, сформированная в условиях «противоборства в градостроительстве», делает это разделение зримым. Причастность к архитектурному наследию обеих систем должна внести свой небольшой вклад в преодоление духовной и культурной пропасти, которая до сих пор разделяет Восток и Запад. ☺

Посмотрим на этого льва. Он добрый и человечный. Он красивый, еще — какой-то грустный. Надмирный какой-то лев. Это потому что он на больнице, над одним из окон в главном портике Первой Градской больницы, построенной Бове в 1830-е годы? Из-за больничной атмосферы у него такое выражение? Наверно. Этот лев — кузен тех «львов на воротах», которых упомянул Пушкин в «Евгении Онегине». Те, правда, почему-то улыбаются. Этот, как мы уже видим, грустит. Все львы ампира, а именно этот стиль вырастил великое множество как бы античных львов, населивших особняки, больницы и полицейские дома, человекоподобны. Они делаются как отсылка к античности (где были знаком силы на постройке), но потом скульптор, выполняющий деталь по своему умению и разумению, сообщает им те или иные качества. Ничего подобного этим львам в Москве нет. Вернее, есть, это женские головки времени модерна. Тут бы порассуждать на тему о человекоподобности зверей ампира и звероподобности людей модерна, но что-то уж больно мудроно получается. Просто посмотрите на этого льва.

что делать человеку, если он заметил незаконные, с его точки зрения, работы на памятнике архитектуры или в ином историческом здании? сообщить о своих подозрениях по телефону горячей линии*: +7 (916) 146 53 27

* горячая линия Мосгорнаследия открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы. Это позволяет неравнодушным к судьбе города людям принимать участие в борьбе с нарушениями в области сохранения культурного наследия столицы. Информация, получаемая по каналу горячей линии, используется в целях незамедлительной проверки объекта недвижимости по указанному в обращении адресу

1

По результатам обращения инспекция Мосгорнаследия в рабочем порядке устанавливает информацию по указанному объекту: статус памятника (является ли он памятником или ценным градоформирующим объектом), насколько санкционировано проведение работ.

2

В случае если есть подозрение, что работы на объекте культурного наследия проводятся незаконно, сотрудники инспекции оперативно выезжают на место для проведения осмотра, установления факта проведения работ и последующего пресечения нарушения.

3

Если по вашему сигналу действительно было установлено правонарушение, информация о действиях департамента культурного наследия города Москвы появится в новостном разделе официального сайта департамента — dkn.mos.ru, а также в новостях ведущих столичных средств массовой информации.